

АЗƏРБАЙҶАН ССР ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫНЫН

Х Э Б Ə Р Л Ə Р И

И З В Е С Т И Я

АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ТАРИХ, ФƏЛСƏФƏ ВƏ ЁУГУГ СЕРИЈАСЫ

✱

СЕРИЯ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

3

1988

«ЕЛМ» НƏШРИЈАТЫ— ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛМ»
БАҚЫ—БАКУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: З. М. Буниятов (главный редактор),
П. А. Азизбекова, И. Г. Алиев, А. М. Асланов, Дж. Б. Гулиев, Т. М. Кафаров,
Ф. К. Кочарли, Н. М. Велиханова (ответственный секретарь), А. К. Рзаев (зам.
гл. редактора), Р. А. Оруджев, М. М. Саттаров, А. С. Сумбатзаде.

© Издательство «Элм», 1988 г.

АЗЕРБАЙДЖАН ССР ЕЛМЛЭР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХЭБЭРЛЭРИ
Тарих, фəлсəфə və һүгүг сєријасы, 1988, № 3
ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1988, № 3

РЗАЕВ А. К.

М. КАЗЕМ-БЕК И ЗАПАДНОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ (Статья вторая)*

М. Казем-Бек широко пользовался исследованиями западноевропейских ученых, стремился определить их вклад в развитие науки, порою давал критический анализ конкретных работ.

Здесь необходимо отметить, что еще в начале научной деятельности ученого на его мировоззрение особое внимание оказали умеренный либерализм немецких идеалистов Канта и Шеллинга. В философской работе «Об удовольствиях мира под названием «невинных» и о влиянии их к достижению истинного счастья», написанной М. Казем-Бекон еще в 30-х годах, ярко проявился его повышенный интерес к творчеству Канта и Шеллинга.

Под влиянием Шеллинга понятие природы в его философии приобретает самостоятельное значение и включает в себя все достижения естествознания того времени. На передний план выдвигается субъективизм Шеллинга. Вместе с тем его натурфилософия представляет собой существенный шаг в разработке диалектического осмысления природы, им делается попытка выявления места человека в историческом процессе.

М. Казем-бек, являясь крупным ученым, уважал представителей наук всех народов, отдавал должное видным деятелям зарубежной науки, в особенности в области востоковедения. Он восхищался научными подвигами А. Гумбольдта, высоко ценил деятельность Гарсена де Тасси, он радовался тому, что знаменитый французский востоковед Жобер (1779—1847) гремит своими подвигами на поприще восточной литературы [1].

Среди английских ориенталистов М. Казем-Бек отдавал предпочтение Росту — этому, как он писал «превосходному знатоку индийских языков и наречий, который с отличным успехом до сего времени занимался описанием индийских манускриптов» [2]. С глубоким уважением относился он и к ученым трудам крупного французского ориенталиста, первого президента Азиатского общества Сильвестра де Саси (1758—1838), считая его «достойным патриархом ориенталистов Европы» [3].

Он также достойно оценивал научные достижения английского синолога, большого знатока Китая, Моррисона Роберта (1782—1834); немецких ученых — А. Л. Шлецера (1735—1800) — специалиста по вопросам всеобщей истории, Вильгельма Шотта — крупного знатока языков, культуры, поэзии, мифологии и истории народов Восточной и Северной Азии; французских ориенталистов — знатока Китая и его народонаселения Амио Жозефа (1718—1794), Пьера Шарля Левека (1734—1812) — историка и близкого друга Дидро, занимающегося

* Первая статья напечатана во II номере журнала за 1988 г.

сбором и изучением материалов по русской истории, Абея Ремюза (1788—1832) — профессора китайского и манджурского языков и президента Азиатского общества в Париже и многих других. В своих исследованиях он нередко ссылался на труды этих ученых.

При исследовании языка и литературы народов Ирана до распространения в этой стране ислама, особенно древнеперсидской клинописи, М. Казем-Бек широко использовал труды известного французского путешественника и ученого, первого переводчика Авесты на французский язык Анкетиль-Дюперрона (1731—1805), немецкого филолога Гротенда Георга Фридриха (1775—1853), положившего начало дешифровке древнеперсидской клинописи, датского путешественника и исследователя — участника научных экспедиций в страны Ближнего Востока Нибура-Карстена (1733—1815) и других. При изучении и исследовании вопросов литературы и языка Турции он пользовался трудами известного австрийского ученого-востоковеда, президента Венской Академии наук, автора исследований по истории народов Ближнего и Среднего Востока, в частности, 4-х томного труда под названием «История турецкого поэтического искусства до нашего времени» Гаммера Пургшталя (1774—1856) и др.

М. Казем-Бек критически подходил к ряду произведений западноевропейских ученых, выявлял ошибочные положения ряда выводов, обращал внимание на искажения исторических источников, проводил аналогии и сравнения ряда трудов по Востоку. Так, говоря о проблемах народонаселения Китая, М. Казем-Бек подверг критике ошибочные предположения западноевропейских ученых Оттона, Макартнея, Стонтона, Гутри, Амио, Галлерштейна, Био и других, вскрыл разноречивость в их теоретических предпосылках и показал их методологическую слабость.

При изучении истории уйгур М. Казем-Бек обращался к трудам П. Карпини и Г. Рубрика, исследованиям Абея Ремюза. Он анализировал как положительные, так и отрицательные стороны исторических трудов этих ученых-путешественников. «Никакое имя, — писал М. Казем-Бек, — в истории народов в центральной Азии не представляется нам столь занимательным в отношении к древним памятникам словесности и вместе столь неопределенным, по своему значению, как название уйгур» [4].

Над своим капитальным трудом «Дербент-наме» М. Казем-Бек работал долго и кропотливо, изучая и исследуя не только известные ему рукописи, но также труды западноевропейских ученых. Внимание ученого особо привлекли труды Готлиба Байера и Генриха Клапрота.

Как известно, вопрос об авторстве «Дербент-наме», о времени составления этого труда, о первоначальном языке этой работы долгое время являлся спорным. И сам М. Казем-Бек на этот вопрос не дает прямого ответа.

По мнению Г. Байера, «Дербент-наме» составлен Мухаммедом Аваби Акташи по указанию Гирей-хана. Такого же мнения придерживался и Г. Клапрот. Идя дальше своих предшественников, М. Казем-Бек дает более обстоятельное разъяснение и старается точнее уяснить личность Семиз Мухаммед Гирея, или Гази-Гирея, по инициативе которого Мухаммед Аваби составлял трактат о Дербенте.

Критический подход М. Казем-Бека к исследованиям Г. Байера и

Г. Клапрота дал ему возможность выявить их ошибки и показать, к каким грубым недоразумениям может привести в исторической науке недостаточное изучение материала источников.

М. Казем-Бек категорически отвергает версии Байера и Клапрота о том, что якобы в 1570 г. крымскими ханами были завоеваны Эндери и Дербент.

Работа «Дербент-наме» принесла М. Казем-Беку заслуженную славу. Английский вариант истории получил мировую известность. В сентябре 1851 г., вскоре после выхода книги из печати, он был награжден золотой медалью королевы Великобритании [5].

Труды М. Казем-Бека по мусульманскому праву принесли ему известность и славу как основоположника изучения этого права не только в России, но и в Западной Европе. Его труды в этой области переводились и печатались в Англии, Франции и Германии. Как справедливо отмечает И. Березин, «такого знатока ислама и мусульманского законоведения, как профессор Казем-Бек, по нашему убеждению, Западная Европа не имеет» [6].

М. Казем-Бек особое внимание уделял усилиям западноевропейских ученых в создании фундаментальных научных библиотек, в частности, мерам по образованию и систематизации их восточных фондов. Ученый давал высокую оценку фондам библиотек: Мальябекинской во Флоренции, Амвросианской в Милане, Бурбонского Музея в Неаполе, Арсенальной, Пантеонской и Королевской в Париже, Венской, Пражской, Королевской в Берлине, Бреславской, Мюнхенской, Дрезденской, Штутгартской, Копенгагенской, Британского Музея, Оксфордской, Мадридской, Лейденской и др. «Какими несметными богатствами наполнены храмы науки в Европе, — писал М. Казем-Бек, — какие драгоценные памятники ума и искусства минувшего исторического мира вызывают наше почтительное внимание, и наконец, какие следы торжества науки уцелели на Западе от нашествия варваров, от влияния невежества» [7].

Высокую оценку у М. Казем-Бека получили усилия западноевропейских ученых по составлению каталогов рукописей этих «важнейших памятников современной Европы» [8]. В частности, ученый особо отмечает первые попытки, предпринятые в этом направлении в Венской библиотеке: составление Ламбецием в 1655—1679 гг. каталога в 8-ми томах и Данзанстом и Бонджавани маркианских манускриптов в 1740—1741 гг.

Привлекает внимание план поездки М. Казем-Бека по научным центрам Италии и Австрии, составленный им 9 ноября 1870 г. План предусматривал:

«1. В Вене осмотреть богатое собрание восточных рукописей, которые для ориенталиста представляют богатое пособие для исторических и филологических наук. Особенно обильные материалы собраны в Вене для истории Турции, и нет сомнения, что турецкие рукописи заключают в себе немало сведений об отношениях Турции к России; разработка этого отдела прямо относится к отечественной истории, была бы немалой заслугой.

2. В Венеции в архиве библиотеки Сатро al Trari в отделении *Canrelleria sexreta* разработать коллекцию дипломатических писем на персидском и турецком языках, которые были присылаемы с XIV по

XVII вв. персидскими шахами и турецкими султанами к Венецианским Домам. Письма эти могут уяснить взаимные отношения Персии и Турции, а равно и отношения этих государств к Венецианской республике и отчасти к Европе.

3. Во Флоренции, в библиотеке S Lorenzo, в Риме, в Ватиканской библиотеке находится большое число манускриптов арабских, персидских и турецких, каталоги которых до сего времени не изданы, но имеются только в рукописях в означенных библиотеках...» [9].

Роль М. Казем-Бека в развитии востоковедения и его вклад в мировую ориенталистику высоко были оценены русскими и советскими учеными. Говоря о значении «Грамматики» М. Казем-Бека, И. Н. Бечурзин отмечал: «Мы имеем персидскую грамматику Джонса, Вилькинса и др., но синтаксис персидский до сих пор не обработан. Из турецких грамматиков Индоглу назвал синтаксисом безсвязанное изложение нескольких правил, а г. Жобер только при втором издании *Lemens de la gramm. turque* покусился на составление турецкого словосочетания; но у него так сбивчива, так бедна эта часть грамматики, что даже не может назваться тенью синтаксиса. Поэтому Казем-Беку предстояло совершенно новый путь, неиспытанный, и должно признаться, что ученый издатель «Семи планет» с честью прошел по трудной дороге и далеко проник в темные области турецкого словосочинения» [10].

Журнал «Финский вестник» с гордостью за русскую науку писал, что «будь это — произведение немецкого галертера оно давно бы доставило автору «европейскую известность» и славу между европейскими ориенталистами [11].

Высокую оценку «Грамматике» Казем-Бека дал Григорьев В. В. — «О книге этой, явлении весьма замечательном в мире филологии», сравнивая ее с грамматиками западноевропейских ученых. «В обоих этих частях, — пишет Григорьев В. В., — как сравнительной, этимологической, так и синтаксической, г. Казем-Беку нечего занять у европейских ориенталистов; в грамматиках оттоманских, вышедших в свет после Жоберовой: Индоглы (Вена, 1829), Девидса (Лондон, 1832) и Шродера (Лондон, 1837) не подвинуто дело ни на шаг против предшественников; новые составители грамматик ограничивались перепечатыванием того, что находили у старых, подновляя лишь местами примеры и парадигмы» [12]. Далее Григорьев В. В. продолжает: «что же вышло в Европе по части грамматик турецкого языка в то время, когда русская ученая литература обогащалась трудами Казем-Бека и Иванова? Вышли грамматики оттоманского наречия, изданная Берсворутом (Берлин, 1839) и Редгоузом (Париж, 1846), в которых старое повторено с прежними ошибками, а нового прибавлено ничего или весьма мало» [13].

Видный советский ученый А. Н. Кононов правильно отметил значение «Грамматики» М. Казем-Бека для преподавания языков Востока в западноевропейских университетах. Он писал, что «М. А. Казем-Бек не только дал подробное — впервые на русском языке — изложение грамматики турецкого языка в сравнении с «татарскими» языками (имеется в виду язык татар казанских, сибирских, оренбургских, а также азербайджанский язык — А. Р.), но и исправил, уточнил наблюдения тюркологов (Жобер, Дэвис и др.). Эта работа надолго стала пособием для университетского преподавания турецкого языка в

сравнительном аспекте, им пользовались в наших университетах (и за границей в немецком переводе Ценкера) в течение всего прошлого и в начале нынешнего столетия» [14].

Как известно, известный английский ученый Э. Браун занимался вопросами изучения движения бабидов в Иране свыше 30 лет, начиная с 1887 г., т. е. спустя 22 года после выхода книги М. Казем-Бека «Баб и бабиды». В 1918 г. английский ученый издал свой последний труд о бабидах под названием «Материалы для изучения бабидской религии». Несмотря на огромное пространство во времени, прошедшего после бабидских событий и накопления большого количества материалов и документов, находящихся в распоряжении английского ученого, он не сумел дать правильного, научного анализа столь грандиозного события в жизни иранского народа. М. С. Иванов, сравнивая «Баб и бабиды» М. Казем-Бека с многочисленными трудами Э. Брауна, пришел к заключению, что «Казем-Бек сумел подняться в оценке бабидского движения выше Брауна. Как уже указывалось, Э. Браун объяснил это движение развитием религиозных идей и считал, что бабиды, сражавшиеся против правительства, боролись не за социальные и политические реформы, а стремились только к распространению своей религии. М. Казем-Бек видит причины восстаний бабидов в фанатизме и деспотизме (т. е. в политическом и социальном гнете, давившем иранский народ) которые, по его словам, господствовали в Иране в течение тысячи лет. О целях и стремлениях восставших он также иного мнения, чем Браун» [15].

Научные заслуги М. Казем-Бека были призваны основными научными обществами Западной Европы. Он был избран действительным членом Британского и Ирландского Королевского Азиатского общества в Лондоне (1829), членом Копенгагенского Королевского общества Северных антиквариев (1843), ординарным членом Азиатского общества в Париже (1850), членом-корреспондентом Американского общества ориенталистов в Бостоне (1851), членом Германского общества ориенталистов в Берлине (1866).

В 1862 г. М. Казем-Бек был избран членом Американского философского общества организованного выдающимся американским ученым Бенджамином Франклином, и долгое время считавшемся Американской Академией наук. Начиная с 1773 г. членами этого общества были избраны 35 русских, а затем советских ученых. Среди избранных имена С. Н. Никитина — русского геолога и палеонтолога (1897), А. П. Карпинского — крупнейшего ученого, выдающегося представителя русской географической школы, первого избранного президента Российской Академии наук (1897), выдающихся русских химиков В. В. Марковникова (1901) и Д. И. Менделеева (1906), И. П. Павлова — великого физиолога (1932) и др.

17 января 1862 г. общество, изменив традициям, избрало своим членом представителей гуманитарных наук в лице М. Казем-Бека и ординарного академика Петербургской Академии наук в области санскритского языка Отто Бётлинга.

Е. Дойченко-Маркова в «Ученых записках Американского общества» опубликовала статью «Американское философское общество и ранние русско-американские отношения», основанную на изучении неопубликованных материалов, содержащихся в архивах этого общества.

Документы эти относятся к переписке общества с Россией и в большей части состоят из писем, полученных Обществом от Российской Академии наук и русских ученых других обществ, а также от отдельных видных ученых и научных деятелей.

М. Казем-Бек с благодарностью принял весть о своем избрании. Ответное письмо направлено им 3/15 марта 1862 г. на имя секретаря Американского философского общества Дж. П. Лесли. Он писал: «Я имею честь получить Ваше любезное письмо, датированное 17 января, в котором Вы уведомляете меня, что Американское философское общество соблаговолило оказать мне честь избранием меня в тот же день членом своей высокой корпорации. Прославленное имя этого первоначально Американского учреждения вынуждает меня трепетать, что я никогда не буду в состоянии оправдать доверие, оказанное мне этим признанием; но я приложу свои все силы, чтобы быть достойным в меру возможности звания, которым я имею честь быть обличенным.

Прошу Вас принять мою самую сердечную благодарность за Ваше любезное письмо и засвидетельствовать мою глубокую признательность перед достопочтимым Советом Общества за оказанное мне внимание» [16].

Богатые и всесторонние научные связи М. Казем-Бека с учеными Запада необходимо продолжить.

Примечания

¹ Казем-Бек М. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии. — ЖМНП, 1836, ч. 11, с. 252.

² Казем-Бек М. Респись восточным рукописям и ксилографам. ИМП публичной библиотеки в С. Петербурге. — Современник, 1852, № 4.

³ Казем-Бек М. О появлении и успехах восточной словесности..., с. 252.

⁴ Казем-Бек М. Исследования об уйгурах. — ЖМНП, 1841, ч. 31, с. 37.

⁵ ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, д. 5513, св. 110.

⁶ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 4926, св. 96, л. 118.

⁷ Казем-Бек М. Респись восточным рукописям... — Современник, 1852, № 4.

⁸ Там же.

⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 4926, св. 96, лл. 188 об., 189.

¹⁰ ЖМНП, 1846, № 11, с. 22.

¹¹ Журн. «Финский вестник», 1847, т. 19, с. 40.

¹² Григорьев В. В. «Об общей грамматике турецко-татарского языка» М. Казем-Бека. — «Санкт-Петербургские ведомости», 1847, № 84, 17 апр.

¹³ Там же.

¹⁴ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. — М., 1972, с. 191.

¹⁵ Иванов М. С. Бабидские восстания в Иране. — М.-Л., 1939, с. 23.

¹⁶ Doichenko-Markowa, Enfrosinya. The American Philosophical Society and early Russian-American relations. Proceedings of the American Philosophical Society. Contents of vol. 94, № 6, 1950.

А. Г. Рзаев

М. КАЗЫМБЭЈ ВӘ ГӘРБ ШӘРГШУНАСЛЫҒЫ

(Икинчи мәғалә)

Һәлә 1829-чу илдән башлајараг Гәрби Авропада чыхан бир сыра журналларда М. Казымбәјин мәғаләләри нәшр олунмаға башлајыр. Инкилтәрәнин, Франсаннн вә Алманијанын шәрғшұнаслыг журналларында алимнн ислама, мүсәлман һүгүгуна, Шәрғ өлкәләриннн әдәбијјат вә тарихинә һәср олунмуш мәғаләләри чыхыр.

Соранкы илләрдә һәмин өлкәләрин журналларында алимнн һәјат вә елми јарадычылығына һәср олунмуш мәғаләләр нәшр едилир.

Мәғаләдә М. Казымбәјин Гәрб шәрғшұнаслыгына тәсири вә ејни заманда алимнн Гәрб шәрғшұнасларынын елмин инкишафында ојнадыгы рола вердији гијмәтләр кениш шәрһ олунур.

ИГРАР АЛИЕВ

КАРАБАХ В ДРЕВНОСТИ

Междуречье Куры и Аракса является одним из древнейших очагов цивилизации. Уже в конце третичного периода, особенно в начале четвертичного — в эоплейстоцене [1] в этом районе имелись все условия, благоприятствующие обитанию здесь человека [2]. Есть немало оснований полагать, что территория эта вместе со Средиземноморьем и Северной Африкой входила в зону прародины человечества [3], что и здесь происходило становление человека, как биосоциального и социального существа. Климат района в ту пору, по сравнению со всеми последующими этапами, был теплым и умеренно влажным [4]. Зона эта отличалась богатой флорой и фауной [5]. Именно здесь обнаружены древнейшие следы жизни и деятельности человека. И выявлено это в пещере Азых, являющейся древнейшей после Улалинки на Алтае стоянкой человека на территории Советского Союза [6].

Пещера Азых [7] — несомненно открытие эпохальное. Она стала объектом исследований начиная с 1960 года. Комплексным изучением пещеры установлено, что вскоре после ее образования, уже более миллиона лет назад [8], она стала посещаться насельниками близлежащих районов, где имелись их стоянки или стойбища, задерживались там, обитая некоторое время в ней, а затем, начиная с гюнц-миндельской эпохи (900—600 тысяч лет назад), стали интенсивно заселять ее [9]. Человек обитал в этой зоне несомненно еще до образования пещеры, во всяком случае, за несколько сот тысяч лет до того. Это видно и из того, что это существо пришло в пещеру уже имея определенные навыки в изготовлении каменных орудий, сделанных из местных пород [10].

Уникальное обиталище наших отдаленнейших предков — Азыхская пещера, ее колоссальный материал имеет исключительное значение в изучении проблем формирования и развития первобытного общества, ранних людей, их материальной и духовной культуры, а также палеоэкологической ситуации, в которой жили и творили древнейшие люди.

Благодаря Азыхской пещере мы историю нашу можем начинать с эпохи самой седой древности — более чем миллион лет назад. История наша благодаря этим открытиям удревнилась на несколько десятков тысяч поколений.

В самых нижних слоях Азыхской пещеры обнаружена дошельская, так называемая галечная культура [11]. Эта культура, являвшаяся одной из древнейших на планете, по ряду признаков, как кажется, сопоставима с олдувайской [12] в Восточной Африке и валлонеевской на юго-востоке Франции [13]. В Азыхе встречаются крупные орудия — гигантолиты, грубые рубила арханческого типа и т. д.

Чрезвычайно важно, что азыхские материалы позволяют нам еще

раз и вполне определенно говорить об общности, глобальности основных законов развития человеческого общества, об общем направлении социогенеза — предполагать универсальность модели образа жизни человека. Эти материалы вполне определенно свидетельствуют против широко распространенных до недавнего времени представлений о постоянных скитаниях, «бродяжничестве» людей эпохи раннего палеолита. Теперь мы знаем, что люди той поры в основном жили оседло, используя пещеры в качестве постоянных жилищ, и перемещались лишь в пределах ограниченных территорий, которые занимали те или иные человеческие коллективы. Разумеется, сказанным вовсе не отрицаются миграции, которые сопровождали человека на протяжении всей его истории.

Азыхские материалы позволяют нам утверждать, что основной формой хозяйства человека на протяжении всего начального этапа первобытного общества была охота на различных, в том числе и крупных зверей [14]. В Азыхе обнаружены кости более сорока видов различных животных — бурого медведя, пещерного льва, носорога, лошади, оленя, лани, кабана и др. Уже на ранних этапах заселения Азыхской пещеры происходит сложение охотничьего хозяйства. Сама охота, как известно, была унаследована человеком от его животных предков.

Важнейшими явлениями в Азыхе были ранний огонь, тайник с медвежьими черепами, насечки на одном из этих черепов и архаическое жилище.

Азыхский человек очень рано овладел огнем и умел его поддерживать длительное время. Огонь играл огромную роль в истории человечества, начиная уже с самых ранних этапов палеолита. Только благодаря огню человек мог изгнать из пещеры довольно опасных хищников и превратить ее в свое жилище. Огонь, это, по словам Ф. Энгельса, «гигантское, почти неизмеримое по своему значению открытие», изменил не только жизнь, но и сознание человека. Познавание огня было первой большой победой человека над природой. Огонь был огромной технической и социальной силой. Он сделал человека независимым от климата, расширил источники его питания. Открытие, поддержание и использование огня отразилось и на осознании людьми количественно-пространственных отношений. Постоянно, непрерывно, определенными порциями «кормил» человек огонь топливом, соразмеряя наличный запас с потребностями дня, ведя, таким образом, счет — преобразовывая пространство во время, переводя объемы вязанок дров в «часы» их горения. И может быть, совсем не случайно, что в древних мифах Прометей, принеся людям огонь, учит их счету. О том, что азыхский человек знал счет, свидетельствуют насечки, специально сделанные на одном из медвежьих черепов [15].

Первые кострища в Азыхе стали пылать уже 700—600 тысяч лет назад [16].

Не приходится сомневаться в том, что создатели азыхской раннеашельской (шелльской) культуры уже обладали и мышлением, и формирующейся речью, а также какими-то элементами духовной культуры.

Несравненно более высоким этапом в жизни азыхского человека была пора, начиная с эпохи среднего ашеля [17] (конец минделя и первая половина миндель-рисса, приблизительно 400—300 тысяч лет

назад) и кончая финальным ашелем (конец рисса и начало ресс-вюрма, приблизительно 100 тысяч лет назад).

Среднеашельский слой Азыха достаточно богат не только орудиями труда, но и материалами, которые позволяют говорить о духовном развитии человека этой поры. Именно в этом слое обнаружен знаменитый фрагмент челюсти женщины, жившей приблизительно 350—400 тысяч лет тому назад [18]. Это, по-видимому, невысокого роста существо, имеющее очень большое сходство с антропологическими находками со стоянки Тотавель [19], на западе Франции, может быть отнесено к так называемым пренеандертальцам [20].

Тайник с медвежьими черепами [21], «куль череп» в Азыхе свидетельствует и о появлении у обитателей этой зоны самых ранних, зачаточных представлений о явлениях окружающей среды, на почве которых позднее зарождаются элементы религии.

Насечки на одном из медвежьих черепов [22], являвшиеся несомненно элементами счета, да и искусства, возможно, свидетельствуют о каких-то космологических наблюдениях обитателя Азыха. Кстати, известные нам из других областей ойкумены самые ранние знаковые построения, зафиксированные в графике, относятся именно ко второй половине ашеля, приблизительно за 300 тысяч лет до наших дней. Это фрагмент бычьего ребра из стоянки Пеш де л'Азе II (Дордонь) на юге Франции и две небольшие кости из Бильцингслебене в Тюрингии (ГДР) [23]. Подавляющее большинство исследователей признает подобные насечки свидетельствами первых попыток человека изобразить и зафиксировать свои мысли. Полагают, что в данном случае перед нами открываются начальные опыты графической фиксации формирующейся речи, имевшие какую-то связь с предысторией письма [24].

Азыхантропы второй половины ашеля, прочно заселившие пещеру, создают в ней искусственную среду — каменную кладку полукруглой формы [25]. Таким образом, уже более 300 тысяч лет назад азыхантропы делают первые попытки соорудить себе жилища. Проблема жилища волновала человека уже начиная со времен олдувая [26].

Все сказанное знаменовало коренной сдвиг в «экономике», социальной жизни, в мышлении, интеллекте, воззрениях, вкусах, жизнедеятельности обитателя интересующей нас зоны.

Следующий за ашелем этап — мустье обычно характеризуется как качественно новая эпоха в масштабах ойкумены. Это интереснейшая пора неандертальцев, костные останки которых, к сожалению, еще не обнаружены в рассматриваемом районе. Эпоха мустье относительно хорошо представлена здесь в пещерах Азых и Тагларской [27]. Началась она приблизительно 100—80 тысяч лет назад.

Крупнейшим техническим достижением эпохи мустье, богатой разнообразным каменным инвентарем, была техника леваллуа. Развитие техники привело к очень высокому уровню использования камня и его обработки. Это была настоящая революция в приемах обработки камня. В мустье появляются каменные наконечники копий и дротиков. Значительно усложнилось и достигло высокой степени охотничье хозяйство. Несравненно увеличилась обеспеченность человеческих коллективов пищей.

Мустьерский человек обладал богатым духовным миром. Он уже осознал сущность цвета и цветовых соотношений. В инвентаре Таг-

ларской пещеры обнаружены многочисленные заготовки для изготовления орудий, отличительной чертой которых является их цветовая гамма [28].

Эпоха мустье, возможно, является временем возникновения новой социальной организации — племени, во всяком случае, почти несомненно — «предплеменем» [29], основным слагаемым которого был уже относительно большой коллектив, включавший в себя, по-видимому, несколько родовых общин, несколько стоянок с их коллективным трудом.

Важной особенностью мустьерского времени является постепенная активизация взаимных контактов, расширение связей между населенными не только ближних районов, но и довольно отдаленных территорий. На это, в частности, указывает материал Тагларской пещеры, позволяющий говорить не только об аналогиях с Ериванской стоянкой, но и о безусловных связях с мустьерскими культурами территорий к югу от Аракса, включая и Загросскую зону [30]. На основании эффективных серийных материалов Тагларской пещеры можно выявить локальные особенности развития местной мустьерской культуры и проследить этапы ее эволюции на протяжении длительного времени последнего ледникового периода. Этот же материал позволяет нам установить подлинные пути раннего расселения человечества, направления древнейших культурных влияний и связей [31].

Несмотря на то, что материалы эпохи верхнего палеолита в интересующей нас зоне пока еще не обнаружены, следует, однако, учитывая общность, глобальный характер основных законов развития человеческого общества, общее направление социогенеза, универсальность модели жизни человека сказать, что пора эта была особенно важной и значительной. В это время, приблизительно 30—35 тысяч лет назад, появился человек современного типа — *Homo Sapiens* (человек разумный). С этого времени естественный отбор окончательно потерял свою формообразующую роль, а его место заняли социальные закономерности.

Заключая сказанное выше, следует сказать, что теперь не может быть никакого сомнения в том, что палеолитический обитатель интересующей нас зоны должен был хорошо приспособиться к окружающей среде, чтобы выжить и продолжать жить и творить. Он в огромной степени отличался от животных именно своим активным использованием природы с помощью сложного комплекса материальной культуры. Он был силен и хорошо вооружен. Несомненно, был в достаточной мере умственно развит и обладал довольно богатым духовным миром. Древнейший обитатель региона вносимыми им изменениями заставлял природу служить его целям, учился постоянно господствовать над ней. Человеческая деятельность являлась основной силой, воздействующей на природные процессы на протяжении всего периода антропогена.

К сожалению, мы ничего не можем сказать об эпохах мезолита и неолита в интересующей нас зоне. Это было, как известно, время зарождения и развития производящего хозяйства, «неолитической революции» и т. д.

Энеолитический период в Карабахской зоне, как и в соседних областях, наступает, по-видимому, на рубеже VI—V тысячелетий до н. э. Это пора возникновения древнеземледельческо-скотоводческого хозяй-

ства и оседло-земледельческой культуры в названном регионе. Памятниками этой культуры являются древнейшие жилые холмообразные поселения, каковых к настоящему времени выявлено и в определенной мере изучено уже несколько десятков [23]. Наиболее важными из них являются Гаракепектепе, Хантепе, Кюльтепе, Гюнештепе, Мейнетепе, Шекерджик, Шомулутепе, Заргяртепе и др. Часть поселений возникала непосредственно у водных источников, которые использовались и для орошения полей [33]. Другие располагались вдоль оврагов, которые образовались в результате выхода подземных вод на поверхность равнины [34]. Наконец, имеются и поселения, расположенные вдали от водных источников. Возможно, однако, таковые имелись в энеолитическую эпоху. Недаром позднее жизнь на этих поселениях прекращается [35].

Энеолитическая эпоха является переломным моментом в жизни наших предков, порою, определившей весь ход их культурно-исторического развития.

Именно в это время окончательно сложились основные элементы производящего хозяйства — земледелие и скотоводство. Упрочилась оседлость.

Энеолитические поселения зоны занимают обычно небольшую площадь в среднем примерно 0,5 га [36], хотя встречаются и такие, площадь которых достигала 5 га [37]. Предполагается, что на этих поселениях могли жить коллективы, состоящие, вероятно, из парных семей, объединенных в большесемейные общины [38] с числом людей от 50—60 до 300 человек [39].

Основным строительным материалом был различных размеров сырцовый кирпич с примесью соломы [40]. Основным и ведущим типом жилищ и хозяйственных построек являлись круглые или овальные в плане сооружения [41], хотя встречаются и жилища четырехугольные в плане [42]. Как правило, все поселения имеют плотную застройку [43]. Диаметр жилищ обычно не более трех метров [44]. Стены их с обеих стороны обмазаны глиной [45]. Жилища имеют очаги открытого типа, расположенные у стен.

Определяющее значение в деле зарождения раннеземледельческих поселений в интересующем нас регионе имело земледелие, игравшее главную роль в экономике той поры. Насельники зоны были знакомы с культурой орошаемого земледелия [46]. Высокого развития достигает мотыжное земледелие [47]. Племена, населявшие Карабахскую зону, выращивали различные виды пшеницы и ячменя [48]. До нас дошло значительное количество жатвенных орудий, в частности, серпов. Обнаружены ступки, песты, зернотерки и теречники.

Значительное место в хозяйстве занимало скотоводство [49]. В поселениях обнаружены кости домашних животных — быка, овцы, свиньи, козы [50]. Встречаются и кости диких животных — джейрана, оленя, а также кости птиц [51]. Домашний скот в ту пору разводили для получения пищи. Охота имела подсобное значение.

Говоря о домашних ремеслах, следует отметить, что памятники данного региона дали значительное количество хозяйственно-бытового инвентаря — каменных и костяных орудий, а также керамики. Наиболее массовым материалом являются обсидиановые и кремневые орудия труда [52]. Характерную группу составляют предметы из кос-

ти [53]. Встречаются и каменные булавы [54]. Возрастает значение гончарного ремесла. Появляются двухъярусные керамические печи [55]. Керамика в основном представлена фрагментами простых красноглиняных сосудов. Все сосуды ручной лепки. Это неглубокие миски, чаши, различные котлы и т. д. [56]. Возникает прядильное дело и ткачество.

В памятниках этой поры встречаются и различные украшения — бусы, подвески и т. п., часть которых, вероятно, являются привозными [57].

Погребения интересующей нас поры отражают слабую социальную и имущественную дифференциацию. Встречающиеся навершия булав принадлежали, по-видимому, родовым вождям и являлись, очевидно, символами власти. Однако это была еще эпоха первобытнообщинного строя.

Развитие культуры насельников Карабахского региона того периода протекало в контактах и взаимосвязях с культурами соседних племен и областей Передней Азии. В конце эпохи энеолита в районе Карабахской равнины появляются какие-то группы мигрантов из областей Месопотамии [58].

В Карабахской зоне хорошо представлена эпоха бронзы, начиная с памятников куроаракской раннебронзовой культуры, по времени охватывавшей вторую половину IV и все III тысячелетие до н. э. В эту эпоху обширные области Центрального и Восточного Закавказья, ряд районов Северо-Восточного Кавказа, территории Южного Азербайджана и Восточной Анатолии были населены носителями единой в основе своей материальной культуры, известной в литературе под названием куро-аракская. Об этнической принадлежности носителей этой культуры в науке высказывались различные предположения [59].

В эпоху ранней бронзы на базе развитого земледельческо-скотоводческого хозяйства и металлургии бронзы, что стимулировало рост численности населения, происходят существенные сдвиги в социально-экономическом и культурном развитии племен, населявших Азербайджан, в том числе и интересующую нас зону.

Раскопками, произведенными на Гаракепектепе, Гюнештепе, Узунтепе, Мейнетепе, Кюльтепе, в Степанакерте и др. пунктах выявлены остатки различных сооружений и значительное количество вещественного материала, дающего возможность обрисовать быт, хозяйство, культуру, общественные отношения, воззрения насельников региона, их связи с окружающим миром [60].

Поселения куро-аракского периода по сравнению с предыдущим временем встречаются в более широком ареале. Появляются они и в предгорной полосе, на берегах Куры и Аракса [61].

Важно отметить, что в Мильско-Карабахской степи, прежде густо населенные территории, в интересующий нас период почти пусты, что, возможно, было связано с наступлением засушливого периода [62].

Поселения эпохи застраивались весьма плотно. Наиболее широко практиковалось строительство круглоплановых домов. Сооружались они из сырцового кирпича. В центре их ставились глиняные очаги. Полы и стены обмазывались глиной. Иногда полы бывали окрашены в красный цвет.

Ведущую роль в экономике периода играло земледелие. В поселениях обнаружены обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя.

Другую важную отрасль хозяйства составляло скотоводство. В поселениях обнаружено много костей домашних животных — быка, коровы, овцы, козы, свиньи, лошади.

На начальных этапах эпохи ранней бронзы ведущее место принадлежало крупному рогатому скоту, в дальнейшем наблюдается тенденция увеличения стад мелкого рогатого скота. Создаются новые возможности в производстве и переработке продуктов питания.

Эпоха ранней бронзы характеризуется развитием обработки металла с широким использованием местных руд Карабахского меднорудного района [63]. В поселениях интересующей нас территории было налажено самостоятельное металлургическое производство. Развивалось ткачество и другие ремесла.

Обнаружено немало орудий труда. Каменные изделия представлены булавами, вкладышами для серпов, молотами, зернотерками, пестами и др.

Важное место занимало и керамическое производство. Выявлено множество различных серо-, красно- и чернолощенных сосудов, очажных подставок и интересных образцов мелкой пластики. Керамика украшена рельефным, вдавленным, нарезным орнаментами в виде спиралей, ромбов, треугольников и т. д.

Происходят изменения в погребальных обрядах [64]. На окраине Степанакерта раскопан курган с массовыми захоронениями. Погребенных снабжали различным инвентарем. Встречается обряд трупосожжения.

Итак, бронзовый век принес с собою множество значительных перемен, ставших особенно заметными с конца эпохи ранней бронзы. В глаза бросается значительное увеличение производительности труда благодаря развитию скотоводства, которое становится одним из главных богатств насельников Переднеазиатско-Закавказского региона. В самом конце эпохи ранней бронзы, особенно в эпоху средней бронзы, начинает оформляться полукочевое, отгонное скотоводство [65].

Рост поголовья мелкого рогатого скота, с одной стороны, рост самого населения, вызванный увеличением производительности труда — с другой, был важнейшей причиной расселения племен, вынуждал племена со скотоводческим укладом к мобильности, делал их особо подвижными, отрывал их от сородичей — племен с земледельческо-скотоводческим укладом жизни, что, вероятно, не могло не приводить к различного рода этническим пертурбациям. В конце эпохи ранней бронзы, особенно — средней бронзы, благодаря этому расселению были освоены зоны предгорий, горных и даже высокогорных районов под пастбища [66].

Выдвигавшиеся из общей массы скотоводческие племена стали обладателями районов, богатых рудами, некоторым из которых, в числе их и Карабахскому, суждено было стать центрами горнорудного дела и металлообработки.

Хозяйственное и культурное развитие племен региона, появление у них прибавочного продукта стимулировало развитие обмена, контактов и взаимосвязей их с племенами Кавказа и городскими цивилизациями Передней Азии. Все сказанное углубляло имущественную и со-

циальную дифференциацию и приводило в конечном счете к серьезным переменам в социально-экономической, политической, духовной жизни племен, населявших интересующий нас регион. Учащаются войны.

Говоря об этнической принадлежности насельников Центрального (да и Восточного) Закавказья в интересующую нас эпоху, следует отметить, что хотя зона эта находилась вне сферы письменных источников, у нас нет серьезных оснований думать, что до северо-восточно-кавказских, точнее нахско-дагестанских языков, в этом регионе были распространены какие-либо другие языки. Несомненно, что северо-восточно-кавказская группа языков, как и вообще иберо-кавказская, была автохтонной на Кавказском перешейке [67]. Высказанные в науке гипотезы о миграционном происхождении народов и языков Кавказа этой поры были встречены критически. Большинство лингвистов предполагает исконное генетическое родство между всеми ветвями кавказской семьи языков, хотя родство это остается еще недоказанным [68]. И соотносить ее с куро-араксской культурой, которую некоторые ученые считают индоевропейской по происхождению (что едва ли возможно), никак нельзя.

Если предположительно и можно допустить существование общекавказского языкового единства, то относить его следует, конечно никак не к III тысячелетию до н. э., как это делали некоторые археологи, а к более раннему времени.

Остается открытым вопрос о генетическом отношении всех кавказских языков в целом к другим языкам и языковым семьям, в частности, к древним языкам Передней Азии.

Наиболее обоснованной выглядит точка зрения о родстве нахско-дагестанской группы языков с хурритским и урартским языками [69]. Некоторые авторы утверждают наличие какого-то родства хурри-урартского с индоевропейскими языками [70], к чему авторитетные ученые относятся весьма скептически [71]. Пишут об индоевропейских элементах в кавказских языках, о древнейших индоевропейско-кавказских схождениях и об индо-ирано-кавказском контакте.

В конце III тысячелетия до н. э. происходит распад куро-араксской культуры и начинают, по-видимому, складываться основные этнические единицы в Кавказском регионе [72].

Интенсивно развивалась жизнь на интересующей нас территории и в эпоху средней бронзы, в самом конце III—первой половине II тысячелетия до н. э. Эпоха эта представлена, главным образом, укрепленными поселениями с богатым бытовым материалом и погребальными памятниками. Это Гюнештепе, Хантепе, Узунтепе, Мейнетепе, Узерликтепе, Гаракепектепе и др. [73]. Особенно большой интерес представляет для нас многослойный памятник Гаракепектепе [74]. Кстати, это единственный многослойный памятник на Кавказе, отражающий непрерывное развитие на большом промежутке времени от V тысячелетия до н. э. до позднего средневековья. Здесь обнаружена часть оборонительной стены среднебронзового времени, относящаяся ко II тысячелетию до н. э. Эти трехметровой толщины стены, выложены из больших скальных глыб и булыжников.

В нижних горизонтах поселения, как и в других, обнаружены остатки больших жилых сооружений, возведенных из сырцовых кирпичей.

Большую роль в строительстве играло дерево, отпечатки и обгорелые куски которого часто встречаются при раскопках.

Хозяйственной основой жизни поселений эпохи средней бронзы являлось земледелие и скотоводство [75]. О земледелии говорят злаки, в частности зерна пшеницы разных видов, голозерного ячменя, проса, семена бобов, а также масличного растения — лямлеманции. Обнаружены семена винограда.

О скотоводстве говорят многочисленные кости домашних животных — быка, козы, овцы, свиньи, собаки и (что очень важно!) лошади. Последнее обстоятельство должно свидетельствовать о полукочевой форме скотоводства.

Обнаружен значительный сельскохозяйственный инвентарь — зернотерки, ступки и т. п.

Найдены каменные булавы, оружие, украшения из бронзы, кости, сердолика, глиняные пряслица, женская статуэтка и т. д.

В поселениях обнаружено много керамического материала. Среди него преобладают фрагменты серо- и чернолощенных сосудов, поверхность которых украшена различным орнаментом. Попадаются также фрагменты красноангобированной посуды с черной росписью.

Карабахская зона вместе с Мильской степью являлась одним из двух, существовавших в Азербайджане среднебронзовой эпохи, крупных центров керамического производства [76].

Материальными доказательствами значительного развития в эпоху средней бронзы являются многочисленные и разнообразные предметы, процветающих в ту пору металлургии и гончарного дела, рост поголовья мелкого рогатого скота, приведший к окончательному оформлению отгонного скотоводства.

Все сказанное еще более углубляет имущественную дифференциацию. Торжествует патриархат. Учащаются грабительские войны.

Вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э. — это эпоха поздней бронзы и начало века железа на территории Кавказа и северо-западной части Иранского плато, характеризующаяся блестящим расцветом металлургии интересующего нас региона, ставшей в ряд с металлургией центров Древнего Востока [77]. Это время распада первобытно-общинного строя и постепенного перехода к раннеклассовым отношениям в интересующем нас регионе.

Археологические культуры Центрального и Восточного Закавказья были в этот период очень близки друг к другу и резко отличались от синхронной культуры Западного Закавказья [78]. Сказанное, возможно, сигнализирует о складывании племенного союза на базе части нахско-дагестанско-хурритских племенных групп, о возникновении контуров будущего албанского союза племен.

Для интересующей нас территории названного времени характерно наличие по преимуществу укрепленных поселений и особенно могильников. Из числа поселений могут быть названы Узерликтепе, Шекерджик, Заргартепе и др.

О высоком уровне развития общества этого времени ярко свидетельствуют многочисленные археологические материалы.

Исключительно высокого развития достигает отгонное скотоводство, при сохранении важной роли земледелия. Для этой эпохи мы можем говорить о значительном развитии ремесла и не только металлур-

ического — расцветает металлургия бронзы, начинается освоение железа, но и гончарного.

О постепенном распаде первобытнообщинного строя свидетельствуют имущественная дифференциация, засвидетельствованная в погребениях воинов и вождей племен, резко выделяющихся из общей массы захоронений общинников. Так, в курганных захоронениях Карабаха обнаружены редко встречающиеся в Закавказье золотые изделия, предметы из перламутра и слоновой кости, а также много бронзовых изделий и других предметов. Часть вещей — привозные.

Из числа наиболее интересных погребальных памятников могут быть названы Ходжалинский, Арчадзорский, Ахмахинский курганные могильники, Карабулагский некрополь и др.

Огромный ходжалинский могильник начал складываться приблизительно на грани II—I тысячелетия до н. э., отразив в себе основные черты погребальных обрядов племен региона.

Интенсивное развитие производительных сил не могло не влиять на производственные отношения. О значительных сдвигах в этом отношении прежде всего свидетельствуют погребальные памятники, которые говорят о разложении родового строя, различных изменениях, усложнении межплеменных и внутриплеменных отношений. Эти памятники говорят о рабах, о знати, о племенных вождях. Сказанное выявлено в Арчадзорских, Ахмахинских и др. курганах.

Война в это время становится наряду с скотоводством, земледелием и ремеслом, одним из главных дел населения региона. Более быстрыми темпами развиваются связи со странами Передней Азии. В погребениях интересующей нас эпохи обнаружены глазурованные сосуды, цилиндрические печати, различные золотые изделия, пастовые бусы, перламутровые украшения, раковины моллюсков и, наконец, знаменитая агатовая бусина с именем Ададнерари I, по-видимому, относящаяся к концу XIV—началу XIII вв. до н. э. [79].

В более позднее время на юго-западных окраинах нашего региона появляется новая сила — урартские захватчики. Хотя зона Карабаха никогда не была завоевана урартами, можно полагать, что они играли какую-то роль в появлении на интересующей нас территории предметов переднеазиатского импорта. Контакты со странами Передней Азии не могли не влиять на развитие Карабахского региона как в социально-экономическом, так и культурном отношении.

Широкое производство железа, возникшее на базе местной металлургии, начинает давать о себе знать уже в начале I тысячелетия до н. э.

Очень трудно сказать насколько был затронут Карабахский регион в период продвижения по территории Закавказья ираноязычных племен в конце II — начале I тысячелетия до н. э. и несколько позднее — в период киммеро-скифских походов.

В мидийско-ахеменидскую эпоху власть мидян, а позднее и персов почти несомненно распространялась и на Юго-Восточное Закавказье. Еще Геродот утверждал, что власть персов простиралась до Кавказского хребта [80]. Ряд обстоятельств позволяет полагать, что картина эта восходит к мидийской эпохе [81]. Часть областей Юго-Восточного Закавказья входила в XI сатрапию, куда относились каспии, павсики, пантиматы и дарейты [82]. Есть основания считать, что

в XI сатрапию входили и албаны, которые, как полагают ученые, скрывались под общим наименованием каспиев [83]. Другая часть Юго-Восточного Закавказья входила в XIV сатрапию, куда причислялись утии, мики и сагартии [84].

Мы знаем, что в гавгамелской битве мидяне, которыми командовал Атропат, «были соединены» с кадусиями, албанами и сакесинами [85]. Последнее обстоятельство заставляет думать, что интересовавшие нас албаны и сакесины выступали как союзники мидян, а не Персидской державы в целом [86]. Это может свидетельствовать о преемственности политики, идущей, вероятно, от царей Мидийской державы, которые считали этот район, по-видимому, своим достоянием [87].

Атропат и Атропатиды владели названными областями, очевидно, по традиции, являясь политическими преемниками мидийских владык, по крайней мере — владетелей Мидийской сатрапии.

То обстоятельство, что Атропату были подчинены (или были его союзниками) албаны и сакесины свидетельствует о том, что власть его распространялась на XI и XIV сатрапии. В пользу владения XIV сатрапией свидетельствует то простое обстоятельство, что у Атропата существовали какие-то союзническо-данныческие отношения с населенными Сакасами, расположенной севернее (точнее: северо-западнее) Отены, области обитания утиев. Наконец, в пользу распространения власти Атропатидов на междуречье Аракса и Куры говорит и то обстоятельство, что власть правителей Атропатиды распространялась и на отдельные районы Западного Закавказья [88], владеть коим нельзя без подчинения областей Восточного Закавказья.

История застаёт албанские племена не только на Левобережье Куры, но и на территории Правобережья [89]. Они, как мы видели, упоминаются впервые в связи с событиями последней трети IV века до н. э. [90]. По словам античных авторов, число албанских племен достигало 26 [91]. Из числа этих племен кроме собственно албан для нашей темы важны утии, содии (цавдеи), айнианы и некоторые другие.

Ученые считают, что албанские диалекты относятся к дагестанским языкам [92], ибо уже немало фактов свидетельствует в пользу древнеудиной [93] принадлежности мингечаурских надписей [94], языком которых, конечно, мог быть только албанский [95], точнее — один из албанских диалектов [96]. Важно отметить, что и сама историческая традиция, в частности и армянская, отождествляет албан, древних утиев — отенов с современными удиными [97], язык которых вне всякого сомнения относится к дагестанской группе языков [98]. Не менее важно и то, что сами удины в известном письме на имя Петра I писали «...мы агваны (т. е. албаны. — И. А.) и по нации утийцы».

В автохтонности албанского племенного союза на территории Юго-Восточного Закавказья нет никакого сомнения, чего, однако, нельзя сказать в отношении армян и армянского языка, которые могли появиться в областях Закавказья в лучшем случае не раньше эпохи завоевательных войн Артаксия и Зариадрия, т. е. после II века до н. э.

Правда, в последнее время в Армении все чаще звучат утверждения об «автохтонности» армян и армянского языка на Армянском нагорье и собственно на территории Закавказья. Пишут о том, что ар-

мяне, говорившие именно на армянском языке, и жили в Армении и говорили на нем «искони» [99]. Печатаются статьи о «хаясском иероглифическом письме», относимом якобы к XIV—XVII вв. до н. э. Утверждается, что от «меаморского-гиксосского-древнеармянского» алфавита XVIII в. до н. э. произошли все алфавиты мира, что клинообразное письмо Вана, является будто бы армянской клинописью и следует читать по армянски и т. д. [100].

Подобные разговоры, как это неоднократно показано [101], никакого отношения к науке не имеют, являются сущей фальсификацией с целью доказать абортгенность армянского элемента на территории современной Армении и соседних районов.

Теперь хорошо известно, что Армения не является родиной армянского этноса. Здесь он — элемент безусловно пришлый. Древнеармянский народ сложился в зоне верхнеевфратской долины где-то в первой половине I тысячелетия до н. э. [102]. Еще во времена Геродота армяне населяли только западную часть так называемого Армянского плато [103]. Ксенофонт подтверждает данные Геродота, говоря, что когда он вступил на территорию фасианов и тахов, которая позднее стала именоваться Северо-Центральной Арменией, то он понял, что армяне остались позади [104].

Албанское государство возникло приблизительно в III веке до н. э. С I века н. э. Албанией правит парфянский по происхождению род Аршакидов [105]. Сообщая об этом периоде, наши источники свидетельствуют о том, что южная граница Албании тогда проходила по р. Аракс [106], т. е. все междуречье Куры и Аракса входило в состав Албанского государства. Здесь именно размещались исторические земли Карабаха—Отена, Цавдея, Орхистена, частично Араксена.

Моисей Хоренский свидетельствует о том, что Арану, который, по-видимому, является легендарным предком, так сказать, эпонимом албан (что, возможно, связано со среднеиудейским названием Албании *Arban*, парфянским — *Ardan*), «выпала в наследство вся Албанская равнина с ее горной частью...» и что «от потомков Арана происходят племена — утии, гардманы, цавдеи и княжество Гаргарское» [107].

Из числа названных племен утии, цавдеи — несомненно, и гаргары — почти несомненно обитали в зоне Карабаха. Таким образом, наши источники определенно свидетельствуют об албанском происхождении племен Карабахского района.

Албанское племя утиев-отенов, являвшееся предками нынешних удин [108], знают еще античные авторы. Утиев упоминает Геродот, помещавший их в XIV сатрапии [109], рядом с миками, обитателями Муганской степи [110]. Область обитания утиев, согласно Плинию [111], граничила с Атропатеной по Араксу и именно в той его части, которая примыкала к Микан'у где обитали упомянутые выше мики [112]. Как и мики, утии выходят на историческую арену в первой четверти V века до н. э., принимая участие в походе Ксеркса на Грецию.

Племя содиев [113], по-видимому, следует отождествлять с племенем, название которого засвидетельствовано в наименовании области Содукена (что армянск. Цавдеаци, Завдея, *Sotk'*), которая помещается в Арцахе [114].

Гаргары — одно из главных албанских племен. Утверждают, что албанский алфавит был создан на базе гаргарского языка [115].

В числе племен интересующей нас зоны античные авторы знают и айнианов. Страбон пишет, что «... айнианы построили в Утии укрепленный город, который называется Айнианой; здесь показывают греческое оружие, медные сосуды и могилы» [116]. Область Айниана позднее входила, по-видимому, в состав Пайтакарана [117].

Тот же Страбон в интересующей нас зоне упоминает анариаков [118] и свидетельствует о том, что в области Утия «находится город Анариака, где говорят, можно видеть прирщалище спящих» [119], т. е. тех, кто гадает во время сна. Некоторые ученые «анариаков», что обычно переводится как «неиранцы», исправляют на «араниаков», полагая, что, возможно, название это происходит от имени легендарного прародителя албанских племен Арана [120]. Имеются более поздние данные, свидетельствующие об обрядах, связанных с культом женского божества, плодородия, о вещей птице в Утике (Утии) [121].

У Страбона есть сведения о том, что в Утии живут «и некоторые другие племена, занимающиеся более разбоем и войной, чем земледелием, что объясняется суровостью страны» [122].

Говоря об Орхистене, Страбон отмечает, что она «выставляет наибольшее число всадников» [123]. Возможно, сказанное является наиболее ранним свидетельством, позволяющим предполагать существование в зоне Карабаха породы лошадей, позднее известной как карабахская.

Как отмечалось выше, армяне появились в областях Закавказья в относительно позднее время. По-видимому, условия для продвижения армянской экспансии на Восток подготовило падение Персидской державы [124]. Очевидно, в период между путешествием Ксенофонта и созданием Оронтидского Армянского государства во II веке до н. э., армяне захватывают контроль над Центрально-армянским плато [125] и резиденция их государства уже перемещается в Армавир в Араратской долине [126].

Агрессивность армян не могла не быть замеченной Страбоном, который писал: «...Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия... Они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иберов — предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и моссиников — Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью; у катаонов — Акилисену и область вокруг Антиавра; наконец у сирийцев — Таронитиду» [127].

Удивительно, что некоторые армянские ученые этот явно завоевательный процесс вопреки очевидности пытаются представить как объединение «армяноязычных областей» [128].

За относительно короткий отрезок времени армяне, продвинувшись по довольно обширной территории, захватывают ее и ассимилируют ее население. Так, во II—I вв. до н. э. была создана так называемая «Великая Армения». Вскоре армяне начинают теснить и своих новых соседей уже на территории Закавказья.

Экспансия армян в отдельные периоды распространялась и на не-

которые закавказские области. Как мы видели, они захватывают у мидян Басоропеду, Каспиану и Фавнитиду, под последней из которых, возможно, скрывается название Сюника [129]. Следовательно, они вплотную подошли к зоне Карабаха. Судя по Страбону, армяне захватили Сакасену, Орхистену и некоторые другие области, ибо они перечисляются амасийским автором как армянские провинции [130]. Однако верить Страбону можно не всегда: «География» его содержит немало противоречивого, поскольку он некритически использовал разновременные сообщения лиц, весьма недолго бывавших в Албании и поэтому плохо осведомленных о событиях предшествующего им времени [131]. Это и было причиной того, что географ делал различного рода несправедливые и легковверные обобщения [132].

Трудно поверить Страбону, когда он, например, говорит о Сакасене как армянской области. Этому противоречит его же утверждение о том, что река Кура протекает через Албанию [133]. Если это так, то тогда Сакасена — это не армянская, а албанская земля.

В науке существует точка зрения о том, что в период завоевательных войн армяне захватили и земли Куро-Аракского междуречья [134]. Другие (это обычно армянские авторы) даже утверждают, что это — территория собственно северо-восточной части Армении, что население этой части «армянской» Албании было изначально армянским [135]. Если с первой точкой зрения, авторы которой обычно опираются на данные Плиния, Диона Кассия, Плутарха и некоторых других античных авторов, считавших южной границей Албании реку Куру [136], можно спорить, то вторая точка зрения — это плод чистейшей фальсификации и выдумки, диктуемая националистическими амбициями и желанием во что бы то ни было утвердить явно ложную точку зрения об автохтонности армянского этноса на территории Закавказья.

О том, что сказанное никак не может быть отнесено по крайней мере к Карабахской зоне, свидетельствуют и одонтологические исследования, дающие информацию об энтогенезе популяций и их взаимоотношениях, которую, как полагают ученые, пока не удалось получить по другим антропологическим системам [137].

Эти исследования позволяют утверждать, что для армян Нагорного Карабаха «самыми близкими по сопоставительной таблице оказываются две группы азербайджанцев и лезгин, а в первом десятке близких по зубной системе групп оказываются все три азербайджанские, кумыки, лезгины, три причерноморские, адыгейцы и лишь одна армянская [138]. Исходя из сказанного, специалисты приходят к выводу, что «со времени заселения армянами Карабахской области они сохранили язык, культуру, религию и этническое самосознание, и, по-видимому, ассимилировали и включили в свой состав ближайшие этнические группы, смешавшись с населением закавказской долины...» [139].

Сказанное вполне согласуется с данными истории, со всем тем, что мы знаем об этно-политических процессах, происходивших в зоне Карабаха. Истину о том, что население интересующей нас территории — это обармянившиеся бывшие албаны хорошо знали грамотные люди еще в прошлом столетии.

Исходя из сказанного выше, мы можем определенно сказать, что никакой речи о том, что население Правобережной «армянской» Ал-

бании было изначально армянским [140], что эти области являлись Восточной Арменией быть не может [141].

Что касается первой точки зрения, то, возможно, в отдельные периоды экспансионистские устремления армянских владык и распространялись на территории Куро-Аракского междуречья. Однако никак нельзя согласиться с тем, что будто «Правобережная Албания около шести столетий входила в состав централизованного рабовладельческого государства Великой Армении...» [142]. Сказанное противоречит всему тому, что мы знаем об истории Армении и прежде всего потому, что после разгрома Тиграна II римлянами в 66 году до н. э. никакой так называемой «Великой Армении» уже не было. Армения вынуждена была отказаться от всех завоеванных земель, за исключением Месопотамии и Кордуены. Армянский царь был объявлен «другом и союзником римского народа», что на дипломатическом языке той поры означало признание полной зависимости Армении от Рима, что в принципе продолжалось и позднее, вплоть до IV века.

Исходя из сказанного, со всей определенностью следует заявить, что земли Албанского Правобережья в период с I в. до н. э. по IV в. н. э. не могли быть на длительное время включены в состав Армянского государства. Мы не исключаем, конечно, отдельные эпизодические наскоки армян, которые могли иметь и, вероятно, имели место в указанное время.

Территория Армении, официально документированная договором 66 года до н. э., сохранялась неизменной до 37 года, когда по конвенции, заключенной между Римом и Парфией, от Армении к Парфии отошла также и Месопотамия. В этих документах ничего не сказано об албанских областях. Границы Армении 37 года официально были признаны по договору 298 года и оставались без изменения до 387 года.

Вся первая половина I века характерна для Армении кратковременным царствованием царицы Эрато, последней представительницы династии Тигранидов, сменой царей, являвшихся то римскими, то парфянскими ставленниками.

О политической судьбе Армении I века весьма важные данные представляет нумизматический материал, свидетельствующий о падении царства, об оккупации Армении, прославляющий римские победы над Арменией и т. д. На монетах той поры Армения аллегорически изображена в образе женщины, сидящей под ногами римского императора, в виде покоренного быка, плененного армянского воина, умоляющего о пощаде и т. д. [143]. В том же I веке Армения была отдана императором Августом правителям Атропатены. Согласно данным Диона Кассия и Тацита, в 30—50-ые годы Арменией управляли иберийские царевичи [144].

На протяжении I—II вв. в Армении стояли римские войска, стратеги которых были хозяевами страны [145]. Чрезвычайно важно, что Армянское царство, правитель которого был вассалом Рима и получал корону из рук римлян, до 358 года платило Риму подати [146].

На протяжении I—IV вв. «Великая Армения» никак не могла вести агрессивную политику, ибо находилась в попеременной зависимости то от Рима, то от Парфии. Конечно, о захвате Арменией на длительное время албанских областей речи и быть не может.

Авторы, писавшие о неизменной на протяжении веков «Великой

Армении», базируются на трудах таких раннесредневековых авторов как, например, Фавстос Бузанд, Мовсес Хоренаци и др., забывая при этом, что картина, нарисованная ими, отражает не реальную действительность, а «их собственные идеалы — единую объединенную Армению, противостоящую угрозе Зороастрийской Персии» [147]. Совершенно бесспорно, что эта картина «искажает действительность», ибо Армения, например в IV веке (и не только) «не была единой, не была объединенной» [148].

Что касается Албании, то положение ее в I—IV вв. было несравненно лучшим, чем в Армении [149]. И если ей иногда и приходилось придерживаться римской или парфянской ориентации, она, в отличие от Армении, не теряла своей самостоятельности, о чем кроме всего прочего свидетельствует чеканка албанской монеты. Зависимость Албании от Рима носила номинальный характер. Согласно данным Плутарха и Аппиана, албанский царь, не присутствовал в триумфе Помпея в Риме, что определенно свидетельствует о том, что римлянам не удалось включить Албанию в состав Рима в качестве его провинции [150].

В начале II века, когда весь Кавказ был приведен в подчинение Риму, самостоятельной оставалась лишь Албания [151]. В середине и второй половине III века Албания была настолько независимой, что в отличие от соседей, албаны могли позволить себе «не принять письма» сасанидского царя царей Шапура I [152]. У нас нет оснований полагать, что положение Албании осложнилось в IV веке.

Исключая случайные наскоки и, возможно, временные захваты каких-то албанских территорий со стороны Армении, Албания I—IV вв., южные границы которой проходили по р. Аракс, владела и междуречьем Куры и Аракса.

Сказанное нами о политической ситуации в регионе в первые века нашего летоисчисления, с уверенностью позволяет заявить, что на исходе античности зона Карабаха, невзирая ни на что, оставалась этнически и политически утико-албанской частью суверенного Албанского царства. Колонизация и арменизация этой территории — явление более позднее. О захвате «армянскими феодалами» областей нынешнего Нагорного Карабаха писал акад. И. А. Орбели [153], об «арменизации» населения ее — акад. С. Т. Еремян [154].

Примечания

- ¹ Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана. — Баку, 1985, с. 11.
- ² Там же.
- ³ Герасимов И. П., Величко А. А., Любин В. П., Праслов Н. Д. Древнейшие люди в Европе и условия их обитания. Первые результаты совместных советско-французских исследований. — Вестн. АН СССР, 1981, № 10, с. 23; См. также: Гусейнов М. М. Указ соч., гл. I; Алиев И. Г., Ахмедов Г. М. Археологические исследования в АзССР. — Баку, 1986, с. 6.
- ⁴ Гусейнов М. М. Джафаров А. К. Палеолит Азербайджана. — Баку, 1986, с. 7—8.
- ⁵ Гусейнов М. М. Указ соч., гл. I; Гусейнов М. М., Джафаров А. К. Указ соч., с. 6.
- ⁶ Предисловие В. А. Ранова к книге: Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана, с. 4; О возрасте Улалики см.: Ваганов П. А. Физики дописывают историю. — Л., 1984, с. 57—58.
- ⁷ Герасимов И. П. и др. Указ соч. Вестн. АН СССР, 1981, № 10, с. 17, сл.: Гусейнов М. М. Пещера Азы (без указания года и места издания; буклет); Гусей-

нов М. М. Древний палеолит Азербайджана; Гусейнов М. М., Джафаров А. К. Палеолит Азербайджана.

⁸ Алиев И. Г., Ахмедов Г. М. Указ соч., с. 6; Герасимов И. П. и др. Указ соч., Вестн. АН СССР, 1981, № 10, с. 17—18; Ваганов П. А. Указ соч., с. 61; Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана. Введение, с. 64.

⁹ По вопросу о начальном этапе заселения пещеры см. Величко А. А., Антонова Г. В., Зеликсон Э. М., Маркова А. К., Моносзон М. Х., Морозова Т. Д., Певзнер М. А., Сулейманов М. Б., Халгев Т. А. Палеогеография стоянки Азы — древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР. Изв. АН СССР, серия географическая, 1980, № 3, с. 22; Ваганов П. А. Ук. соч., с. 61; Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана (автореф. докт. дисс...) — Киев, 1985, с. 12; Он же. Древний палеолит Азербайджана, с. 32.

¹⁰ Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана. — Автореф. докт. дисс., с. 33.

¹¹ Герасимов И. П. и др. Указ соч. Вестн. АН СССР, 1981, № 10, с. 18.

¹² Гусейнов М. М. Пещера Азы (буклет), с. 11—12; Он же. Древний палеолит Азербайджана, с. 6, 16, 63.

¹³ Там же, с. 31, 63.

¹⁴ Там же, с. 17, 31; Алиев И. Г., Ахмедов Г. М. Указ соч., с. 6.

¹⁵ Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана, с. 55—56.

¹⁶ Об остатках очагов в пещере Азы см.: Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана, с. 44; Алиев И. Г., Ахмедов Г. М. Указ соч., с. 6.

¹⁷ Герасимов И. П. и др. Указ соч. Вестн. АН СССР, 1981, № 10, с. 18; Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана, с. 39, сл.

¹⁸ Там же, с. 41, сл.

¹⁹ Герасимов И. П. и др. Указ соч. Вестн. АН СССР, 1981, № 10, с. 18; Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана, с. 43—44.

²⁰ Там же, с. 43.

²¹ Там же, с. 54, сл.

²² Там же, с. 55—56.

²³ Marschack A. Some implications an the paleolithic symbole evidence for the origin of language. Current Anthropology, 1976. N. 17, № 2, с. 279; он же. On paleolithic ochre and the early uses of color and Symbol. Current Anthropology, 1981, v. 22, N 2, с. 188—191.

²⁴ Эта точка зрения ныне почти общепринята.

²⁵ Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана, с. 50—53.

²⁶ Эдберг Рольф. Дух долины. — М., 1986, с. 214—215.

²⁷ Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана, гл. VI; Джафаров А. К. Мустьерская культура Азербайджана. — Баку, 1983.

²⁸ В Тагларе обнаружены многочисленные заготовки для изготовления орудий красного, черного, коричневого, серого, зеленого, белого цветов с различными оттенками.

²⁹ О термине «предплемя» см.: Григорьев Г. П. Первобытное общество и его культура в мустье и начале позднего палеолита. В кн.: Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М., 1969, с. 201.

³⁰ Джафаров А. К. Указ соч. Заключение.

³¹ Там же.

³² Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. — Баку, 1987, с. 4, сл.; Исмаилов Г. Следы древнейших культур в междуречье Гуручай и Кенделенчай (на азерб. яз.). — Баку, 1981, с. 58; Исмаилов Г. С., Даниелян О. А. Археологические памятники междуречья Гуручай и Кенделенчай. — Баку, 1985.

³³ Нариманов И. Г. Указ соч., с. 80.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 82.

³⁶ Там же, с. 83.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 167.

³⁹ Там же, с. 149.

⁴⁰ Там же, с. 85 и др.

⁴¹ Там же, с. 90 и др.

⁴² Там же.

- ⁴³ Там же, с. 85.
⁴⁴ Там же, с. 90.
⁴⁵ Там же, с. 59 и др.
⁴⁶ Там же, с. 173.
⁴⁷ Там же, с. 174.
⁴⁸ Там же, с. 140, сл.; Нариманов И. Г., Азимов М. С. Энеолитическое поселение Чалагантепе. — Баку, 1985, с. 7.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Нариманов И. Г., Азимов М. С. Указ. соч., с. 7.
⁵¹ Об этом говорят различные орудия труда.
⁵² Нариманов И. Г. Указ. соч., с. 103; Исмаилов Г. Следы древнейших культур в междуречье Гуручай и Кенделенчай, с. 58.
⁵³ Нариманов И. Г., Азимов М. С. Энеолитическое поселение Чалагантепе, с. 7; Нариманов И. Г. Указ. соч., с. 115; Исмаилов Г. Указ. соч., с. 10.
⁵⁴ Нариманов И. Г., Азимов М. С. Указ. соч., с. 7.
⁵⁵ Справка И. Г. Нариманова.
⁵⁶ Исмаилов Г. Указ. соч., с. 9, 58.
⁵⁷ Нариманов И. Г. Указ. соч., с. 116—117.
⁵⁸ Там же, с. 130, 174.
⁵⁹ Часть ученых считала их носителями кавказских языков, другие высказывали предположение об индоевропейском происхождении куро-араксинцев.
⁶⁰ Исмаилов Г. Указ. соч., с. 16, сл. Алиев И. Г., Ахмедов Г. М. Указ. соч., с. 12.
⁶¹ Нариманов И. Г. Указ. соч., с. 82—83.
⁶² Там же, с. 82.
⁶³ В эпоху куро-араксинской раннебронзовой культуры на территории Азербайджана имелось три крупных меднорудных района: Кедабекский, Белоканский и Карабахский.
⁶⁴ Начиная с эпохи ранней бронзы покойников хоронят за пределами поселений. Для знати и вождей сооружались курганы внушительных размеров.
⁶⁵ Исмаилов Г. Указ. соч., с. 35.
⁶⁶ Алиев И. Г., Ахмедов Г. М. Указ. соч., с. 14; Ахмедов Г. М., Бабаев И. А. Археологические культуры Азербайджана. — Баку, 1986, с. 8.
⁶⁷ Подавляющее большинство лингвистов в этом не сомневаются.
⁶⁸ Климов Г. А. Кавказские языки. — М., 1965, с. 75, сл.
⁶⁹ Дьяконов И. М. Хурритский и урартский языки. — Языки Азии и Африки. Ш. М., 1979, с. 53; Он же. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки. — Древний Восток, Ш. Ереван, 1978, с. 25, сл.
⁷⁰ Джаукян Г. Б. Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. — Ереван, 1967.
⁷¹ Дьяконов И. М. Указ. соч., с. 53.
⁷² О Куро-араксинской культуре существует довольно значительная литература.
⁷³ Исмаилов Г. Указ. соч., с. 35, сл.; Кушнарева К. Х. Поселение эпохи бронзы на холме Узерликтепе около Агдама. — МИА СССР, 67. Труды Азербайджанской (Орен-калинской) археологической экспедиции, I. — М.—Л., 1959, с. 388, сл.; Она же. Новые данные о поселении Узерликтепе около Агдама. — МИА СССР, 125. Труды Азербайджанской экспедиции, II. — М.—Л., 1965, с. 74 сл.
⁷⁴ Исмаилов Г. Указ. соч., с. 35.—сл.; Он же. Поселение Гаракепектепе. — Баку, 1985.
⁷⁵ Исмаилов Г. Следы древнейших культур... с. 35, сл.
⁷⁶ Там же, с. 60.
⁷⁷ Погребова М. М. Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М., 1977, с. 22.
⁷⁸ Там же, с. 22—23.
⁷⁹ Датировка ассирийской бусины вызывает большие разногласия. В последнее время, основываясь главным образом на анализе соответствующих археологических комплексов, бусину эту относят ко времени Ададнерари I. См. Арешян Г. Е. О раннем этапе освоения железа в Армении и на Южном Кавказе. — ИФЖ, 1974, 2, с. 201—203; См. также: Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L., 1941, с. 171; Schaffer C. Stratigraphie Comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. — L., 1948, с. 470.
⁸⁰ Herod., III, 97.
⁸¹ Дьяконов И. М. История Мидии. — М.—Л., 1956, с. 448.
⁸² Herod., III, 92.

- ⁸³ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. — М.—Л., 1959, с. 51—52.
⁸⁴ Herod., III, 93; Грантовский Э. А. Сагартин и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота (III, 93). — КСИНА, 1962, XVI, с. 241.
⁸⁵ Агг. Апаб., III, 8, 4.
⁸⁶ Дьяконов И. М. Указ. соч., с. 444.
⁸⁷ Там же, с. 448.
⁸⁸ Новосельцев А. П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии. Юбилейный сб., посвященный 100-летию со дня рождения акад. И. В. Джавахишвили. — Тбилиси, 1976.
⁸⁹ Об этом свидетельствует утверждение Страбона (XI, 4, 2) о том, что Кура протекает через Албанию. См. также Крымский Е. А. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. — Сб. статей Л., 1934, с. 289—290; Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. — Баку, 1986, с. 119 и др.
⁹⁰ Агг. Апаб., III, 8, 4.
⁹¹ Страбон, XI, IV, 6.
⁹² Шанидзе А. Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев. — Изв. ИАНМКА Груз. ФАН СССР, IV, I, 1938; Он же. Язык и письмо кавказских албанцев. — М., 1960.
⁹³ Этого мнения придерживается подавляющее большинство современных исследований.
⁹⁴ Шанидзе А. Г. Язык и письмо кавказских албанцев, с. 6, сл.; Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности. — ВЯ, 1967, № 3, с. 11; Он же. К чтению двух памятников агванской (кавказско-албанской) эпиграфики. — Там же, 1970, I, с. 112.
⁹⁵ Впервые это констатировал А. Г. Шанидзе.
⁹⁶ Вероятно, гургарский.
⁹⁷ Климов Г. А. Указ. соч. — ВЯ, 1967, 3, с. 69. Современные удины — это несомненно потомки древних утиев-отенов. См. Шанидзе А. Г. Язык и письмо кавказских албанцев, с. 14—15.
⁹⁸ Это было хорошо известно еще во времена А. А. Шифнера. Мнение А. Ш. Мнацаканяна (О литературе Кавказской Албании. — Ереван, 1966, на армянск. языке) о том, что удины — одно из армянских племен и что родным языком их с незапамятных времен являлся армянский абсурдно и не нуждается в опровержении с точки зрения языковеда и историка. См. Гукасян В. О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы. — Изв. АН АЗССР, сер. лит., яз. и искусства, 1968, № 2, с. 85, сл.
⁹⁹ Дьяконов И. М. К праистории армянского языка (о фактах, свидетельствах и логике). — ИФЖ, 1983, № 4, с. 149 и др.
¹⁰⁰ Пиотровский Б. Б. Письмо в редакцию. — ИФЖ, 1971, № 3, с. 302—303.
¹⁰¹ См. упомянутую выше статью И. М. Дьяконова в ИФЖ, 1983, № 4.
¹⁰² Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. — Ереван, 1968, с. 237 и др.
¹⁰³ Hewsen R. N. Ethno-history and the armenian influence upon the Caucasian albanians. Classical armenian culture, 1982, 4, с. 31.
¹⁰⁴ Там же.
¹⁰⁵ Мамедова Ф. Указ. соч.
¹⁰⁶ Моисей Каланкатуйский, I, 4; Моисей Хоренский, II, 8.
¹⁰⁷ Там же.
¹⁰⁸ Шанидзе А. Г. Язык и письмо кавказских албанцев, с. 14—15; Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности, с. 69.
¹⁰⁹ Herod., III, 93.
¹¹⁰ Грантовский Э. А. Указ. соч., с. 237.
¹¹¹ Алиев И. Г. Племена и племенные группы в Атропатене. — ВДИ, 1987, № 3, с. 64.
¹¹² Там же.
¹¹³ Sodi RE (статья Kretschmer'a).
¹¹⁴ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. — СПб., 1908, с. 294, 424.
¹¹⁵ Моисей Хоренский, III, 54.
¹¹⁶ Страбон, XI, VII, I.
¹¹⁷ Адонц Н. Указ. соч., с. 420. Об аинианах см.: RE, s.v. Ainianes (статья Hirschfeld'a) и RE, s.v. Ainiana (статья Andreas'a).

- ¹¹⁸ Страбон, XI, VII, 1.
¹¹⁹ Там же.
¹²⁰ Тревер К. В. Указ. соч., с. 144.
¹²¹ Еремян С. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт. — ВДИ, 1967, № 4, с. 52.
¹²² Страбон, IX, VII, 1.
¹²³ Страбон, XI, XIV, 4.
¹²⁴ Newsen R. H. Указ. соч., с. 32.
¹²⁵ Там же, с. 31.
¹²⁶ Там же, с. 32.
¹²⁷ Страбон, XI, XIV, 5.
¹²⁸ История армянского народа. — Ереван, 1980, с. 37.
¹²⁹ Newsen R. H. Указ. соч., с. 32.
¹³⁰ Страбон, XI, XV, 4.
¹³¹ Тревер К. В. Указ. соч., с. 68; Алиев И. К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона. — ВДИ, 1975, № 3.
¹³² См.: RE, s. v. Sivabo (статья Е. Honigmann'a).
¹³³ Страбон, XI, 1, 5; XI, 4, 2. См. также Мамедова Ф. Указ. соч., с. 119, 145.
¹³⁴ Мамедова Ф. Указ. соч., с. 56 и др.
¹³⁵ Там же, с. 77.
¹³⁶ Plin., VI, 11, VI, 16, XII, 28; Dio Cass. XXXVI, 54; Pamp. XXXIV.
¹³⁷ Этническая одонтология СССР. — М., 1979, с. 141.
¹³⁸ Там же, с. 135.
¹³⁹ Там же.
¹⁴⁰ Мамедова Ф. Указ. соч., с. 77, сл.
¹⁴¹ Там же.
¹⁴² Очерки истории СССР (III—IX вв.). — М., 1956, — отдел написан С. Т. Еремянном.
¹⁴³ Мушегян Х. А. Денежное обращение Армении (V в. до н. э. — XIV в. н. э.). — Ереван, 1983, с. 245.
¹⁴⁴ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. — Тбилиси, 1959, с. 339.
¹⁴⁵ Гарсоян Н. Г. Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов «Армения» и «верность»). — Вестник обществ. наук, 1971 г., № 3, с. 58.
¹⁴⁶ Там же.
¹⁴⁷ Там же, с. 55.
¹⁴⁸ Там же, с. 56.
¹⁴⁹ Мамедова Ф. Указ. соч., с. 123.
¹⁵⁰ Тревер К. В. Указ. соч., с. 110.
¹⁵¹ Там же, с. 129.
¹⁵² Там же, с. 134.
¹⁵³ Орбели И. А. Избранные труды. — Ереван, 1963, с. 358 и др.
¹⁵⁴ Очерки истории СССР — III—IX вв. — М., 1958, с. 326 и др.

М. С. ИСКЕНДЕРОВА

АЗЕРБАЙДЖАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XVIII—XIX ВВ. В ТРУДАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ИСТОРИКОВ-ХРОНИСТОВ XIX ВЕКА

Развитие науки и культуры, в том числе историографии Азербайджана, явилось одним из важнейших прогрессивных последствий присоединения Северного Азербайджана к России. Благодаря этому историческому акту в XIX веке появляется ряд работ, содержащих весьма ценные исторические сведения как по истории Азербайджана в целом, так и по истории азербайджано-русских отношений XVIII—нач. XIX вв. [1; 2; 3 и др.]. Наряду с трудами русских авторов появляются работы азербайджанских историков-хронистов, в основном носящие краеведческий характер. Научная ценность этих трудов увеличивается тем, что в них были предприняты первые шаги в освещении тех или иных аспектов азербайджано-русских отношений изучаемого периода.

Наибольшее количество подобных трудов в исследуемый период было написано по истории Карабахского ханства [4; 5; 6; 7], что объясняется прежде всего его географическим и стратегическим положением, вниманием к нему со стороны соседних государств. Эти произведения были высоко оценены русскими властями [8, 107]. Почти все труды по истории этого края были написаны по поручению самих же властей. Авторы их были выходцами из Карабаха, участниками и современниками описываемых событий, что придает особую ценность их сочинениям.

В исторической литературе не раз отмечено о научном достоинстве работ азербайджанских хронистов по истории Карабахского ханства. Говоря об этом мы не можем не отдать должное авторам ранних историографических работ А. Губайдулину [9] и Г. Иманову [10, 153—163], предпринявшим первые попытки изучения проблемы азербайджано-русских отношений XVIII—нач. XIX вв. и давшим общую оценку трудам Мирза Джамала Джеваншира, Мирза Адигезаль-бека, Мир Мехди Хазани, посвятившим свои сочинения истории Карабахского ханства. Для советских исследователей эти произведения являлись необходимой источниковедческой базой. Именно с этой точки зрения была дана оценка этим работам такими учеными как И. П. Петрушевский [11, 45—48], В. Н. Левиатов [12, 79], Г. А. Абдуллаев [13, 41—44]. Наряду с этим В. Н. Левиатовым [12, 24—40] и Э. Б. Шукюрзаде [15, 57—67] отчасти даже представлен историографический анализ некоторых вопросов азербайджано-русских отношений XVIII—нач. XIX вв.

В отдельных статьях и разделах сводных трудов [16; 17; 18], а также в значительных историографических работах А. Н. Гулиева, И. М. Гасанова, И. В. Стригунова [19] и А. Гусейнзаде [8, 20] трудам

азербайджанских историков-хронистов XIX в. дана должная оценка. Однако следует подчеркнуть, что вопросы азербайджано-русских отношений кон. XVIII—нач. XIX вв. в упомянутых трудах не были предметом специального историографического исследования. Этим и вызвана цель данной статьи.

Одним из первых памятников по истории Карабаха 40-х годов XIX в., в котором прослеживаются азербайджанско-русские отношения указанного периода является работа Мирза Адигезаль-бека «Карабаг-наме», написанная им в 1845 г. Следует отметить, что во всех изучаемых нами трудах азербайджанских хронистов XIX в., в том числе и в работе Мирза Адигезаль-бека, уделено внимание отношениям Карабахского ханства с Россией в период правления Ибрагим Халил-хана карабахского. Рассматривая поход русских войск в Азербайджан (1796 г.) Мирза Адигезаль-бек раскрывает позиции обеих сторон в связи с нашествием Ага-Мухаммеда Каджара (1795). Хотя автор не упоминает об обращении карабахского хана к русскому правительству с просьбой о предотвращении посягательств Ага-Мухаммеда, однако чувство пафоса, с которым он пишет о выражении В. Зубову посланником Ибрагим хана карабахского Абуль-Фетх-ханом преданности и признательности русской императрице, убеждает в том, что надежды на помощь со стороны России питал и карабахский владетель [4, 83].

Автор не только констатирует благосклонность Ибрагим-хана к России, но и показывает отношение России к карабахскому хану. Отправление В. Зубовым сразу же императрице письма Ибрагим-хана карабахского через Дербент и Кизляр и большого числа ценных даров как самому хану, так и везиру Карабахского ханства Молла-Па-нах Вагифу (разукрашенный драгоценными камнями посох) [4, 83; 14, 30—31], по мнению Мирза Адигезаль-бека, являются ярким свидетельством расположения Русского государства к Карабахскому ханству.

Наибольший интерес вызывает 9 глава работы, где с описанием истории Карабаха приводятся данные и о Гянджинском ханстве, правителя которого Джавад-хана Мирза Адигезаль-бек неверно считает главным виновником начала военного конфликта между Гянджинским ханством и русскими войсками под предводительством Цицианова. Мирза-Адигезаль-бек, искажая историческую действительность, агрессивные намерения Цицианова называет «миролюбивыми советами» [4, с. 97—98; 19, 17].

Следует отметить, что нахождение Мирза Адигезаль-бека на русской службе лишило его возможности объективного подхода в освещении того или иного вопроса. Так, говоря о добровольном присоединении Карабахского ханства к Русскому государству на договорных началах (1805), Мирза Адигезаль-бек совершенно умалчивает об убийстве майором Лисаневичем Ибрагим-хана карабахского [21, 12; 14, 31—32]. Между тем он придает большое значение убийству Цицианова на подступах к Баку (1806). Безоговорочное совершение этого акта не без злого умысла Гусейн-Кули-хана, бакинского правителя, не подвергается автором никакому сомнению [4, 107].

Хотя в работе и отсутствует описание каких-либо крупных сражений первой русско-иранской войны (1804—1813 гг.), связанных с

Азербайджаном, в том числе сражение под Асландузом, взятие Ленкорани в 1813 г. и др., автор останавливает свое внимание на факте оказания «большой, искренней и безграничной услуги и верности русским войскам по пути в Тифлис казахцев» [14, с. 113].

Следует отметить, что труд Мирза Адигезаль-бека ценен прежде всего тем, что в нем впервые в азербайджанской историографии освещены события второй русско-иранской войны [14, 26, 39; 16, 642; 19, 12]. Однако в некоторых освещаемых событиях этой войны автором явно искажена историческая действительность. По его мнению карабахцы были ярыми приверженцами Ирана. Мирза Адигезаль-бек отмечает переход на сторону иранских войск, кроме города Шуши, всех жителей Карабаха, которые якобы изъявили покорность «изменившему» к этому времени России Мехту-Кули-хану карабахскому [4, 118]. Однако это в корне неверное суждение. Переход на сторону Ирана относился только лишь к той части феодальной знати, которая с переходом ханства под покровительство России (1813) потеряла свое состояние. В действительности же основная масса азербайджанского народа не выступила на стороне шахских войск и Аббас-мирзе не удалось добиться успеха в борьбе с русскими войсками [14, 36].

Освещая ход второй русско-иранской войны [4, 120—127] вне поля зрения Мирза Адигезаль-бека осталась борьба за Нахичеванское ханство, в то время как именно с присоединением Ереванского и Нахичеванского ханств завершился важнейший исторический процесс присоединения Северного Азербайджана к России.

Следует подчеркнуть, что из содержания произведения Мирза Адигезаль-бека достаточно ясно видно положительное отношение автора к присоединению Северного Азербайджана к России. Однако автор преподносит Гюлистанский (1813) и Туркменчайский (1828) мирные договоры лишь как завершение русско-иранских войн, итог для обоих государств — России и Ирана, оставляя вне поля зрения Азербайджан.

Тщательное ознакомление с трудом Мирза Адигезаль-бека убеждает нас в субъективизме автора при освещении ряда вопросов. Однако несмотря даже на это, его сочинение бесспорно заслуживает внимания. Научное значение данного источника прежде всего определяется тем, что в нем приводятся те сведения, которых нет в аналогичном как по содержанию, так и структуре сочинении другого азербайджанского историка-хрониста XIX в. Мирза Джамала Джеваншира Карабахского [8, 32—33; 14, 38—39]. Труд последнего также написан в 1847 г. на модном в то время среди интеллигенции мусульманского мира фарсидском языке [5; 8, 32] и впервые был переведен на русский А. Берже. Часть его была опубликована в газете «Кавказ» еще в 1855 г. [12, 7].

Также как Мирза Адигезаль-бек, Мирза Джамал Джеваншир Карабахский не только показывает благосклонное расположение Ибрагим хана к России, но и также характеризует выбор, сделанный карабахским ханом в сложившейся ситуации (в связи с нашествием правителя Ирана Ага-Мухаммеда Каджара на Азербайджан).

Освещая поход русских войск во главе с В. Зубовым в Азербайджан в 1796 г., Мирза Джамал Джеваншир в то же время показывает огорчение народных масс, вызванное возвращением русским войскам в Россию [5, 83].

Мирза Джамал Джеваншир пытается разъяснить политику лавирования Ибрагим хана между Россией и Ираном. Действия правителя Карабахского ханства, направленные на установление с виду мирных отношений с Фатали-шахом в отличие от своих современников автор не рассматривает как измену России. Констатируя факт отправки Ибрагим-ханом своего посланника к русскому военачальнику в Грузии генералу Ковалевскому Мирза Джамал дает основание полагать, что «дружественные» отношения карабахского правителя с Фатали-шахом носили чисто формальный характер [5, 88—89].

Ценность сочинения Мирза-Джамала Джеваншира еще заключается в том, что в нем также охвачены события, происходившие не только в Карабахском ханстве, но и связанные с присоединением других ханств Азербайджана к России. Мирза Джамал Джеваншир взятие Гянджинского ханства русскими войсками описывает почти также, как его преподносит и Мирза Адигезаль-бек. В противоположность Джавад хану гянджинскому Ибрагим хан представляется в работе как последовательный сторонник Русского государства [5, 91—92].

При освещении событий первой русско-иранской войны внимание привлекает участие сына Ибрагим-хана Мехти-Кули-хана и сыновей некоторых беков совместно с карабахскими всадниками с войсками Цицианова в осуществлении его планов по овладению Шемахой, Баку, Кубой и Дербендом [5, 94].

При этом автор объективно показывает наличие в Карабахском ханстве двух группировок: сторонников русской и иранской ориентации [5, 95]. Мирза Джамал симпатизирует сторонникам русской ориентации и раскрывает причины вынужденных действий Ибрагим-хана в период повторного наступления иранского войска весной 1806 г. на Карабах. Подчеркивая лишь внешнюю сторону обходительности карабахского хана, Мирза Джамал тем самым пытается найти оправдание его поведению [5, 96]. Из изложения событий чувствуется сожаление Мирза Джамала по поводу гибели карабахского правителя.

Мирза Джамал, описывая ход первой русско-иранской войны, одновременно показывает участие карабахских всадников в рядах русской армии, воевавших против иранских сарбазов (1806) [5, 97, 98; 19, 23]. Приведенный автором факт вручения зимой 1807 г. Мехти-Кули-хану карабахскому графом Гудовичем на большом балу в Тифлисе грамоты на управление Карабахом [5, 98] свидетельствует о высокой оценке помощи карабахцев русским войскам.

К числу произведений, освещающих события II пол. XVIII—нач. XIX вв. в Азербайджане, относится работа Мирза Юсифа Карабаги (Нерсесов) «Тарих-и сафи», написанная в 1855 г. на фарсидском языке. Наиболее ценными в ней считаются ее 8 и 9 главы, перевод которых и явился объектом нашего внимания [6].

При тщательном ознакомлении с данными главами убеждаешься, что большинство сведений Мирза Юсифа Карабаги по истории Карабахского ханства, в частности о его отношениях с Русским государством, носят компилятивный характер и идентичны как по содержанию, так и по форме со сведениями предыдущих, рассматриваемых нами, азербайджанских историков-хронистов XIX в., в частности Мирза Адигезаль-бека. Поэтому, считая излишне вновь давать историографическую оценку идентичным вопросам, мы провели историографический

анализ тех моментов, которые получили в работе «Тарих-и сафи» освещение несколько отличное, чем в предыдущих работах.

Освещая поход русских войск во главе с В. Зубовым в Азербайджан (1796) и отмечая, что граф В. Зубов «уклоняясь от возложенной на него задачи, ушел в Россию» в связи с неожиданной смертью Екатерины II [6, 64], Мирза Юсиф Карабаги не учел тот факт, что уход русских войск из Азербайджана не был самостоятельным действием Зубова, они были отозваны вставшим на престол Павлом I.

При изложении событий первой и второй русско-иранских войн, Мирза Юсиф не раскрывает должным образом условия договоров о принятии российского подданства, в частности, заключенного Ибрагим-ханом карабахским, значение этого договора как для Карабахского ханства, так и для России. Более того, автор допускает неточность и в датировке подписания договора о переходе Карабахского ханства в состав Русского государства, относя его к 1806 г. вместо 1805 г. [21, 6—7].

Проводя линию о благосклонности Ибрагим-хана к России, Мирза Юсиф не раскрывает причины преследуемой им политики лавирования. Автор, не вникая в суть дела, представляет Ибрагим-хана изменником и оправдывает беспрецедентный поступок майора Лисаневича по отношению к Ибрагим-хану (1806) [6, 100—101].

Мирза Юсиф, дав высокую и необъективную характеристику не только характеру, но и нравственным качествам генерала Цицианова, выражает сожаление по поводу его убийства в Баку [6, 105]. Проявляя свою приверженность к Русскому государству Мирза Юсиф лестно отзываясь об известном царском колонизаторе Цицианове, закрывая глаза на его жестокое отношение с местным населением.

Касаясь присоединения Северного Азербайджана, в том числе Карабаха к России (1828), в результате которого народ получил возможность заниматься мирным трудом в атмосфере прекращения феодальных междоусобиц и ирано-турецкого нашествия, Мирза Юсиф Карабаги совершенно умалчивает о колонизаторских устремлениях царской политики. Вместо этого он с преклонением и необъективно пишет о «милосердии» и «доброжелательстве» русского царя, который «...ни к кому не питал вражды, ...со всеми обращался одинаково» [6, 1].

По сравнению со своими предшественниками Мирза Юсиф Карабаги более обстоятельно излагает ход второй русско-иранской войны [19, 62—63; 22, 44]. Автор одну из причин начала войны наивно видит в стремлении некоторых малочисленных азербайджанских ханов с помощью иранских войск восстановить свою ханскую власть [6, 117—119; 22, 42—43].

При описании сражений первой и второй русско-иранских войн Мирза Юсиф Карабаги также, как его предшественники-хронисты, констатирует факт участия азербайджанцев в рядах русской армии в борьбе с иранскими захватчиками. Успешное выступление карабахской и ширванской конницы при взятии Мешкина, отважные действия казахских всадников у Аббас-Абада [6, 112, 147—149, 158, 161—162] являются фактами, красноречиво свидетельствующими об усилении русской ориентации в Азербайджане.

Мирза Юсиф Карабаги с гордостью и пафосом говорит о сторонниках русской ориентации, особенно подчеркивает торжественную

встречу населением Гянджи и Шуши прибывшего в их города генерала Мадатова в период второй русско-иранской войны [6, 157]. В то же время он весьма нелестно отзывался о сторонниках иранской ориентации [6, 157].

Касаясь же русской ориентации карабахского населения и как бы поддерживая эту мысль автор пишет, что после окончания русско-иранских войн русские военные чины, особенно генерал Мадатов в Шуше никого не беспокоил, всех людей оставил на своих прежних местах, выдал населению Шуминской крепости продовольствие из амбаров [6, 157—158].

Некоторые вопросы изучаемой нами проблемы затронуты и в написанной в 1883 г. работе Ахмед-бека Джеваншира «О политическом существовании Карабахского ханства в 1747 по 1805 г.» [7]. В ней излагаются политические события, происходящие в Карабахе в середине XVIII—нач. XIX в. и сыгравшие важную роль в истории Карабаха. Автор описывает разорительное нашествие полчищ Ага-Мухаммеда Каджара на Карабах и связывает с ним суть отношений Карабахского ханства с Россией. В отличие от предыдущих авторов Ахмед-бек Джеваншир рассматривает некоторые моменты этих взаимоотношений до похода русских войск в Азербайджан (1796). В этой связи автор приводит факты обращения карабахского хана к России [7, 75], подробно описывает большие приготовления в Карабахе для встречи русских войск [7, 77], а также заостряет свое внимание на крайнем расстройстве и отчаянии карабахцев в связи с уходом русских войск в Россию [7, 77].

Хотя Ахмед-бек Джеваншир не раскрывает подлинную политику России в отношении Карабахского ханства, тем не менее представленные в работе факты [7, 76, 77] говорят о стремлении автора показать доброжелательное отношение России к карабахскому хану, подводя к мысли о стремлении России принять Карабахское ханство под свое покровительство.

Данные Ахмед-бека Джеваншира о том, что после гибели Ибрагим хана в Карабахском ханстве группировку сторонников России возглавил его старший сын Мухаммед Гасан-ага в других трудах по истории Карабаха не встречаются [7, 92; 15, 66—67; 8, 141]. Автор не только правомерно обосновывает это положение в Карабахском ханстве [7, 92], но и повествует о тех происшедших по соседству событиях, которые в итоге определили перевес сторонников российской ориентации в Карабахском ханстве и прежде всего оказали непосредственное влияние «на образ мыслей карабахского хана...» [7, 93].

В свою очередь Ахмед-бек Джеваншир неодобрительно относится к поступку Джавад-хана гянджинского, оказавшего сопротивление русским войскам, хотя при этом он не раскрывает мотивы его действий [7, 94].

Во многих случаях работа Ахмед-бека Джеваншира носит компилятивный характер. Сам автор указывает на использованные им источники, какими явились записки Мирза Джамала Джеваншира Карабахского, Мирза Адигезаль-бека, а также рассказы очевидцев [7, 68; 17, 237; 8, 139].

Следует отметить, что та радость, тот пафос, с которыми он пишет

о заключении в мае 1805 г. договора между Цициановым и Ибрагим-ханом [7, 95—96] и рассматривает его как результат окончательного торжества сторонников российской ориентации, говорит о благожелательном отношении Ахмед-бека Джеваншира к этому акту, о его положительной роли.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что классовая принадлежность этих азербайджанских историков-хронистов и влияние их служебного положения при царском правительстве отчетливо видна в освещении изучаемых нами вопросов. В вышеуказанных произведениях отношения Карабахского ханства как и некоторых других азербайджанских ханств с Россией представлены в ракурсе отношений их правителей, в них не показана роль народных масс в рассматриваемой цепи политических событий, игнорируется отношение их к России. Раскрывая же действия азербайджанских ханов и прежде всего Ибрагим-хана карабахского, эти авторы не всегда дают им должную оценку, исключают мотивацию и причины их поведения, идеализируют их личности, а также личности русских генералов [8, 47, 148]. Раскрытие политики России в отношении азербайджанских ханств в целом, и в частности Карабахского ханства, осталась вне поля зрения данных азербайджанских историков, отдельные же ее направления также не получили должного отражения.

Изложение названными азербайджанскими историками-хронистами XIX в. событий, связанных с присоединением азербайджанских ханств к России, в том числе Карабахского, показывает их положительное отношение к этому важнейшему акту. Однако ввиду того, что эти историки-хронисты являлись представителями привилегированных слоев, им чужды были заботы о судьбе азербайджанского народа. Отсюда и их невнимание к значению данного исторического события в истории азербайджанского народа.

Указанные, почти идентичные, недостатки данных трудов не позволили им подняться на высоту исторического анализа. Безусловно, эти азербайджанские историки-хронисты XIX в. не ставили перед собой специальной задачи написать историю азербайджано-русских отношений XVIII—нач. XIX вв. Этим отнюдь не умаляется объективное значение проделанной ими работы по освещению данной проблемы.

Названные произведения азербайджанской историографии XIX в. насыщены богатым фактическим материалом по азербайджано-русским отношениям кон. XVIII—нач. XIX вв., которые, правда, отражают лишь политическую историю, но вместе с тем в определенной степени и сегодня не потеряли своего значения. Рассмотренные в этих работах отдельные аспекты азербайджано-русских отношений данного периода представляют большую познавательную и источниковедческую ценность. Классовая ограниченность авторов данных работ, изложение ими лишь политической истории, нарративный, порой компилятивный характер у некоторых, отсутствие большей частью объективности, не позволившие раскрыть всю полноту развития азербайджано-русских отношений в кон. XVIII—нач. XIX в. и поэтому, безусловно, требующие к себе критического подхода, вместе с тем не исключают того, что сведения, сообщаемые в названных произведениях азербайджанских историков-хронистов XIX в. заслуживают важной оценки и их авторы

являются первопроходцами в рассмотрении изучаемых нами вопросов азербайджано-русских отношений кон. XVIII—нач. XIX вв.

Примечания

- ¹ Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. по распоряжению Главноуправляющего в Грузии Ермолова, д. с. с. Могилевским и полковником Ермоловым. Тифлис, 1866.
- ² Описание Шекинской провинции, составленное в 1819 г. по распоряжению Главноуправляющего в Грузии Ермолова, генерал-майором Ахвердовым и с. с. Могилевским. Тифлис, 1866.
- ³ Описание Ширванской провинции, составленное в 1820 г. по распоряжению Главноуправляющего в Грузии Ермолова, ген.-м. Мадатовым и с. с. Могилевским. Тифлис, 1866.
- ⁴ *Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме.* Баку, 1950.
- ⁵ *Мирза Джамал Джеваншир Карабагский.* История Карабага. Баку, 1959.
- ⁶ *Мирза Юсиф Карабаги.* Тарих-и сафи. Пер. с фарс. Юсиф Мирза-заде. — Баку, 1958. НАИИ АН АЗССР, инв. № 3935.
- ⁷ *Ахмед-бек Джеваншир.* О политическом существовании Карабагского ханства (с 1747 по 1805 г.). — Баку, 1961.
- ⁸ *Гусейнзаде А.* Азербайджанская историография второй половины XIX века (на азерб. яз.). — Баку, 1967. В монографии достаточно сказано об изученности проблемы азербайджанско-русских отношений XVIII—нач. XIX вв. в работе Мир Мехди Хазани, поэтому мы и не рассмотрели последнюю (с. 113—134).
- ⁹ *Губайдулин А.* Развитие исторических наук в Азербайджане за 10 лет (на азерб. яз.). — Баку, 1930.
- ¹⁰ *Иманов Г.* Вопросы историографии Азербайджана. Наши достижения и ближайшие задачи. — Труды АЗФАН СССР, т. 30, Баку, 1936. Об-к «Наука в АЗССР за 15 лет».
- ¹¹ *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—нач. XIX вв. — Л., 1949.
- ¹² *Левинатов В. Н.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. — Баку, 1948.
- ¹³ *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. — Баку, 1965.
- ¹⁴ *Левинатов В. Н.* Предисловие. — В кн.: Мирза Адигезаль-бек. Ук. соч.
- ¹⁵ *Шукюрзаде Э. Б.* Биография Ахмед-бека Джеваншира. — В кн.: Ахмед-бек Джеваншир. Ук. соч.
- ¹⁶ *Алескерзаде А. А., Сумбатзаде А. С., Исмаилов М. А.* Историография Азербайджана (первая пол. XIX в.). — Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, М., 1955.
- ¹⁷ *Гулиев А. Н., Гасанов И. М.* Историческая наука в Азербайджане во второй половине XIX века. — Труды Института истории АН АЗССР, т. 13, Баку, 1958.
- ¹⁸ *Гасанов И. М., Гулиев А. Н.* Историография Азербайджана (вторая пол. XIX в.). — Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960.
- ¹⁹ *Гулиев А. Н., Гасанов И. М., Стригунов И. В.* Развитие исторической науки в Азербайджане в XIX—нач. XX века. Баку, 1960 (на азерб. яз.).
- ²⁰ *Гусейнзаде А.* Об «Истории Карабаха» Мир Мехди Хазани. — Изв. АН АЗССР. Сер. обществ. наук, № 5, 1960.
- ²¹ История Азербайджана, т. II, Баку, 1960.
- ²² *Гусейнзаде А.* О работе Мирза Юсифа Карабаги «Тарих-и сафи» (на азерб. яз.). — Изв. АН АЗССР. Сер. обществ. наук, № 6, 1960.

М. С. Искандерова

XVIII ЭСРИН СОНУ—XIX ЭСРЛЭРДЭ АЗЭРБАЙЧАН—РУС МҮНАСИБЭТЛЭРИ XIX ЭСР АЗЭРБАЙЧАН ТАРИХЧИЛЭРИНИН ЭСЭРЛЭРИНДЭ

XIX эср Азербайжан тарихчилэринин эсасэн Гарабаг тарихинэ нэср олунмуш тэсвирлэриндэ XVIII эсрин сону XIX эсрин эввэллэри Азербайжан—рус мунасибэтлэринэ анд зэнкин фактик материал вардыр. Азербайжан—рус мунасибэтлэринин бу эсэрлэрдэ нэзэрдэн кечирилмиш айры-айры чәһәтлэри бөјүк идрак вә мәнбәшүнаслыг әһәмийјәти кәсб едир.

АЗЭРБАЙЧАН ССР ЕЛМЛЭР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХӘБЭРЛӘРИ
Тарих, фәлсәфә вә һүгүг серијасы, 1988, № 3
ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1988, № 3

Т. Т. МУСТАФАЈЕВ

ГАРАБАГ (КӘНЧӘ) БӘЈЛӘРБӘЈЛИЈИ XVIII ЭСРИН I ГӘРИНӘСИНДЭ

Мә'лум олдуғу кими, Сәфәви дәвләтинин сәрһәдјаны зоналары, о чүмләдән Азербайжан бәјләрбәјликләрә бөлүнүрдү. XVIII эсрин әввәлләриндә Азербайжан дөрд бәјләрбәјликдән ибарәт иди: Тәбриз, Ширван, Чухурсәәд вә Гарабаг. Әрдәбил бәјләрбәјликләрә дахил олмајыб Сәфәвиләр сүләләсинин ибадәткаһы кими шаһ домени сајылырды.

Мәркәзи Кәнчә шәһәри олан Гарабаг бәјләрбәјлији Араз вә Күр чајлары арасындакы кениш әразини әһатә едирди. Иранын бөјүк бир һиссәсини зәбт етмиш әфганлыларын башчысы Әшрәфин сифариши илә намә'лум мүәллиф тәрәфиндән 1725—1729-чу илләр (һичри 1137—1142) арасында тәртиб олунмуш «Тәзкирәт-әл-мүлүк»¹ (һөкмдарларын јаддаш дәфтерчәси) адлы мәнбәдә Гарабаг бәјләрбәјлијинин инзибати гурулушу һаггында гүјмәтли мә'лумат вардыр.

Гарабаг бәјләрбәјлији башга бәјләрбәјликләр кими маһал вә наһијәләрә бөлүнүрдү. «Тәзкирәт-әл-мүлүк»дә биләваситә, бәјләрбәјә табә олан маһал вә наһијәләр садаланмамыш, анчаг ашағыдакы ирси феодал мүлкләри—«өлкәләр» кәстәрилмишдир:

1. *Зәјәм*—Минорскинин јаздыгына кәрә, Загаталанын әтрафы вә ондан гәрбә олан әразини әһатә едирди.² Анчаг мә'тәбәр мәнбәјә кәрә сөһбәт Шамхорун јанындакы Зәјәмдән кедир.³

2. *Бәрдә*—Кәнчәдән чәнуб-шәргә, Тәртәр чајы боју даирә.⁴

3. *Чаваншир*—Гарабаг дүзү вә она битишик олан Бәрдәдән чәнубдакы торпаглар.⁵

4. *Аразбар вә бәјазидли*—Чулфа вә Ордубаддан шәргдә, чох күман ки, Аразын ики саһили бојунча олан вилајәт.⁶

5. *Ахтабад*—Көјчә (Севан) әтрафында ола биләр ки, Афстафа (Минорски буну Борчалы һесаб етмишдир).⁷

6. *Бәркүшад*—Бәркүшд чајы әтрафы рајон.⁸

7. *Гараағач*—Ә. Рәһманијә кәрә, Алазан (Ганых) чајында чәнубда Сыгнахдан шимал-шәргә Гараағач адлы дағын әтрафындадыр.⁹

«Тәзкирәт-әл-мүлүк»дә Гарабағын дағлыг һиссәсиндә јерләшән 5 ермәни мәликлијинин адлары јохдур. Бу, онунла изаһ олуна биләр ки, биринчиси, ермәни мәликликләри «өлкә»јә нисбәтән даһа хырда феодал мүлкләри идиләр, икинчиси, мәликликләр XVII—XVIII эсрләрдә формалашмышлар вә XVIII эсрин әввәлләриндә онларын ирси мүлкләр кими статусу һәлә там танынмырды. Һәм дә мәликләр Гарабағын ирси феодал һакимләри олмајыб әксәр һалларда диқәр вилајәт вә өлкәләрдән кәлмә идиләр.

Белә ки, 1603-чү илдә Мирзә бәј адлы бириси Гегаркунидән (Ермәнистан) Вәрәндәјә (Гарабаг) көчүб Мәлик-Шаһәнәзәрјанларын Вәрәндә мәликлијинин эсасыны гојмушду. Күлүстан мәликлијинин баниси «Гара јүзбашы» Абов XVII эсрин әввәлләриндә өз тәбәәләри илә удин кәнди Ничдән Талыш (Гарабаг) кәндиңә көчмүшдү. Чарабәрд мәлик-

Гоншу ири мүсэлман феодалларынын Даглыг Гарабағын христиан мәликликләринин суверенлијини танымаг истәмәмәләрини вә онларә өз вассаллары кими бахмаларыны Даглыг Гарабағын дөрд мәлијинин —Исај, Ширван, Серкеј вә Иосифин 1723-чү илин мартында рус чары І Пјотра јаздыглары мәктубдан ајдын көрмәк олур. Мәликләр билдирир-днләр ки, артыг 11 илдр ки, мүсәлманлар христианлары гарәт едир вә тәбәәлијә кәтүрүрләр. Мәктубдан белә мараглы бир чәһәт дә ајдын олур ки, о заман Азәрбајчанда јашајан христианлар өзләрини «авган», «арван» (албан) адландырмышлар. Мәктубда јазылмышдыр:

Назырда Күрчүстан ССР эразисиндэ Самхет дагларындан шималда Күр вэ Дебеде (Борчалы) чајлары арасында јерлөшөн Лори вэ Пәмбэк дэ Гарабаг бэјлэрбэјлијинин тэркибинэ дахил иди.¹³ Бечер тайфасынун

Сәфәви дәүләтинин сүгутундан истифадә едән Османлы империясы 1723-чү илдә онун Загафгазијадакы торпагларыны элә кечирмәјә башлајыр. Лакин 1723-чү илин октябрында бөјүк бир османлы ордусу Кән-

Бир гэдэр сонра исэ Надир шаһ үмүмийјјтлэ бэјлэрбэјликлэрин мүстэгийллијини лэғв етмиш,²⁰ 1747-чи илдэ Надир шаһын өлдүрүлмэ-синдэн сонра исэ кечмиш Гарабағ бэјлэрбэјлијинин эразисиндэ ики мүстэгийл ханлыг—Кэнчэ вэ Гарабағ ханлыглары јаранмышды.

⁶ Тазкират-әл-мүлүк: В. Минорскинин нәшри, с: 101, 167; М. Д. Сијагинин нәшри, с. 77.

- ⁷ Тэзкирәт-әл-мүлүк. В. Минорскинин нәшри, с. 101, 107; М. Д. Сијағинин нәшри, с. 77; В. Минорски: Сазман-е..., с. 194.
- ⁸ Тэзкирәт-әл-мүлүк. В. Минорскинин нәшри, с. 102, 167; М. Д. Сијағинин нәшри, с. 77.
- ⁹ Азербайджан: границы и административное деление в конце XVI—XVII вв. В кн.: Историческая география Азербайджана. — Баку, Элм, 1987, с. 121.
- ¹⁰ Арутюнян П. Т. Освободительная борьба армянского народа (в первой четверти XVIII в.). — М., 1954, с. 60—61.
- ¹¹ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. 2, ч. 2. — Ереван, 1967, с. 30.
- ¹² Петрушевский И. П. Очерки феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XX вв. — Л., 1949, с. 137.
- ¹³ Тэзкирәт-әл-мүлүк. В. Минорскинин нәшри, с. 102, 167; М. Д. Сијағинин нәшри, с. 77.
- ¹⁴ Есая Хасан Джалалян. Краткая история страны Агванской (гәдим ермәни дилиндән тәрчүмә едәни Т. И. Тер-Григорян): Азәрб: ССР ЕА Тарих Институнун елми архиви, әшја V 2009, вәр: 36.
- ¹⁵ Армяно-русские отношения..., II ч., II һис., сәһ. 9—14.
- ¹⁶ Пайчадзе Г. Г. Русско-грузинские отношения в 1725—1735 годах. — Тбилиси, Изд-во «Мецниереба», 1965, с. 50.
- ¹⁷ Армяно-русские отношения..., II ч., II һис., сәһ. 109—110.
- ¹⁸ Ömer Julci Barkan. XV—XVI inöi asirlarda Osmanli imparatorlugunda zirai ekonominin hukuki ve mali esasları, I cild. — Istanbul, 1945, s. 195.
- ¹⁹ Мирза Адигәзал бек. Карабагнаме. — Баку, 1950, с. 47.
- ²⁰ Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в I половине XVIII века. — Баку, 1975, с. 125.

Т. Т. Мустафаев

КАРАБАХСКОЕ (ГЯНДЖИНСКОЕ) БЕГЛЯРБЕГСТВО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

В начале XVIII в. Азербайджан, находящийся в составе Сефевидского государства, состоял из четырех беглярбегств: Тебриза, Ширвана, Чухур-Саада и Карабаха. Ардебиль как святилище дома Сефевидов, не был в их составе и считался шахским доменом. Одним из самых крупных беглярбегств Сефевидского государства являлся Карабах с центром в Гяндже, охватывающее обширное пространство, между реками Курой и Араксом, примыкая на западе к Самхетским горам и озеро Геокча (Севан). Кроме земель, непосредственно подчиненных беглярбею, в состав Карабахского беглярбегства входили и такие крупные наследственные феодальные владения «олке», как Загам, Барда, Джаваншир, Арасбар и Баязидлу, Ахтабад, Баргушад, Караагач, Казах, Лори и Памбак, а также более мелкие феодальные владения, 5 христианских меликств Нагорного Карабаха, как Гюлистан, Хачен, Варанда, Джараберт и Дизак. Позднее османские власти, а затем Назир-шах присоединил Казах, Борчалу, Лори и Памбак к грузинским землям.

Х. Д. ХӘЛИЛОВ

ГАРАБАҒЫН ЕТНИК ТАРИХИНДӘН

Тарихи-этнографик әјаләт кими, Гарабаға Кичик Гафгаз дағлары дахил олмагла Күр вә Араз чајлары арасындакы әрази дахилдир. Онун сәрһәдләри чәнуб-шәргдән Күр—Араз чајлары говшағы, чәнубдан Араз чајы, гәрбдән Гарабағ дағлары адланан Кәшбәк, Салварты вә Әрикли дағлары илә Көјчә көлә гәдәр узанмыш, шәргдән Коран—Күр чајы илә сәрһәдләнмишдир.¹

Гарабағ 17 маһала бөлүнмүшдүр: Сисјан, Дәмирчи—Асланлы, Күпара, Бәркүшад, Баһаб јурд, Кәбирли, Талыш, Чаваншир, Хачын, Чиләбирд, Хырда—пара-Дизах, Отусики, Ијирмидөрд, Гарагорлу, Вәрәнд, Дизах вә Ачан—түрк маһалларындан ибарәт иди. Бир нечә кәнд истисна олмагла он ики маһал бүтүнлүклә азербайҗанлылардан ибарәт иди. Дизах, Вәрәнд, Чиләбирд, Хачын вә Талыш маһалларыны Азербайҗан вә ермәни кәндләри тәшкил едирди. Бәзән азербайҗанлыларла ермәниләр ејни кәнддә јашајырдылар.²

Тарихдән мәлум олдуғу кими, чаризм башга өлкәләрдә тәтбиг етдији ишғалчылығ сисјәсиндә олдуғу кими Шәргдә дә милләтләри вә халғлары гаршы-гаршыја гојур вә Азербайҗаны ишғал етмәк үчүн ермәниләрдән бирваситә кими истифадә едирди.³

Гафгаз гошунларынын баш команданы Сисианов 22 мај 1805-чи ил тарихли 19 №-ли рапортунда јазыр ки, Гарабағ өзүнүн чоғрафи мөвгејинә көрә Азербайҗанын, еләчә дә Иранын гапысы һесаб едилир, буна көрә дә ону әлдә сахламаға вә мөһкәмләнмәсинә даһа чоһ чәһд кәстәрилмәлидир.⁴ Белә бир мөгсәд тәзликлә һәјата кечирилди вә 1805-чи ил мајын 14-дә Күрәкчај саһилиндә Гарабағ ханы Ибраһим ханла Сисианов арасында бағланан мугавиләјә әсасән Гарабағ ханлығы (тарихи Гарабағ) Русија тәбәәлијинә дахил олду.

1822-чи илдә Гарабағ ханлығы ләғв едилиб, әввәзиндә ејни адлы әјаләт јарадылды ки, бу әјаләт дә 1840-чы илдә Шуша гәзасына чеврилиб Каспи (Хәзәр) вилајәтинә дахил едилди.⁵ 1868-чи илдә Јелизаветпол губернијасы јарадыларкән Шуша гәзасы бу губернијаја дахил едилди вә онун тәркибиндә јени Зәнкәзур гәзасы јарадылды.⁶ 1883-чү илдә Шуша гәзасынын тәркибиндә јени Чаваншир вә Чәбрајыл гәзалары тәшкил олунду.⁷ Гарабағын бу инзибаты бөлкүсү 1921-чи илә гәдәр давам етмишдир.

Гарабағ ханлығы Русија тәркибинә дахил олан кими Сисианов Гарабағда мөвгејини мөһкәмләтмәк үчүн дәрһал Загафгазијанын диҗәр әјаләтләриндән ермәниләри бура көчүрдү.⁸ Үмүмијјәтлә, 1805-чи илдән башлајарағ мұхтәлиф мәрһәләләрлә Ирандан Азербайҗана хејли ермәни аиләси көчүрүлүб.⁹

Чар мә'мурлары XIX әсрин әввәлләриндә Гарабағын үмүми әһалисинин о чүмләдән дә бурада јашајан ајры-ајры халғларын сајыны өјрәнмәк үчүн мјәјјән ишләр көрмүшләр.

1805-чи илдә Гарабағда 10 000 аиләнин јашадығыны кәстәрән бир

мәнбә 1808-чи илдә эһалинин сајынын азалыб 7 474 аиләжә чатдыгыны гејд едир.¹⁰ Көстәрилән илләрдә эһалинин Гарабагда азалмасыны бүтүн мәнбәләр тәсдиг едир. Чүнки Рус—Иран мұһарибәсинин кедишиндә эһали вәтәнини тәрк етмәжә мәчбур олмуш, ара сәкитләшән кими исе јенидән өз доғма јурдларына гајытмышдыр. Гарабағ эһалисинин сајы вә етник тәркиби һаггында даһа әтрафлы мәлүмат верән икинчи ән мұһүм сәнәд Јермолов вә Могилјовски тәрәфиндән тәртиб олуған Гарабағ әјаләтинин верки дәфтәридир. 1823-чү илдә тәртиб олуған бу сәнәддә эһалинин кәндләр вә аиләләр үзрә сајы көстәрилир, онларын миллијјәти дә гејд едилир. Сәнәдин тәртибиндә шовинист вә милләтчи эһвал-руһијә өзүнү көстәрир; белә ки, ермәни аиләси јерләшдирилән һәр һансы бир Азәрбајчан кәнди әсассыз шәкилдә ермәни кәнди кими гејдә алыныр. Бу мәнбәнин дикәр нөгсанлы чәһәти ондан ибарәтдир ки, сәнәдин тәртибинә гәдәр Гарабаға көчүрүлмүш ермәни аиләсинин сајы бирбаша сијаһыја алындыгындан бирләшмәжә гәдәр Гарабагда олан ермәни эһалинин сајыны мұәјјәнләшдирмәк олмур. Сәнәддә 1823-чү илдә Гарабагда эһалинин сајы вә милли тәркиби ашагыдакы көстәрилдији кимидир:

милләтләр	аиләләр сајы	шәһәрдә	кәнддә ¹¹
азәрбајчанлы	15729	1111	14618
ермәни	4366	421	3945
чәми	20095	1532	18563

Көрүндүјү кими, 1823-чү илә гәдәр Гарабаға көчүрүләнләрнин һесабына әјаләтдәки ермәниләрнин үмуми сајы артыб 4366 аиләжә чатмышдыр. Ермәниләрнин Гарабаға көчүрүлмәси давам етдирилмиш, 1825—1826-чы илләр Рус—Иран мұһарибәсинин кедишиндә даһа 18 мин ермәни аиләси Гарабаға көчүрүлүб (индики Дағлыг Гарабагда) јерләшдирилмиш вә Марағалы, Чанјатағ, Јухары Чајлы, Ашагы Чајлы вә б. кәндләр салынмышдыр.¹² Дикәр мәнбәдә көстәрилир ки, Зәнкәзурда Әхлатиан, Пирнахот вә Шинатағ кәндләриндән башга бүтүн ермәни кәндләри 1828—1829-чу илләрдә Гарабағдан, Көрмәли, Хој вә Салмасдан кәлмишләр.¹³

1828-чи ил февралын 10-да Русија илә Иран арасында бағланан Түркмәнчај сүлһ мұғавиләси әсасында 8249 ермәни аиләси Загафгазијаја көчүрүлүб Ираван губернијасында, Гарабағ әјаләтиндә вә Шамаһы гәзасында јерләшдирилир.¹⁴ Үмумијјәтлә, Түркмәнчај мұғавиләсинин шәртләри әсасында бу мұғавиләдән сонра бир нечә ај мүддәтиндә Ирандан Азәрбајчана 40 ермәни аиләси көчүрүлдү.¹⁵ Сонра исе Русија илә Түркия арасында Әдринәпол сүлһ мұғавиләсинә әсасән 1828—1830-чу илләр әрзиндә Чаризм Загафгазијаја Түркиядән 84000 ермәни көчүрүб Јелизаветпол, Ираван, Тифлис губернијасынын Борчалы, Ахалкал вә Ахалтсхис гәзаларынын ән јахшы дөвләт торпағларында јерләшдирилмишдир. Ермәниләр Јелизаветпол губернијасынын бүтүн саһәләриндә дејил, губернијанын анчағ Көјчә кәлдән башламыш дағлыг зоналарына пәјлашмышды.¹⁶ (Јелизаветпол губернијасынын дағлыг зонасыны әсасән Гарабағын дағлыг һиссәси тәшкил едир.—Х.Х)

Јелизаветпол губернијасынын Дағлыг зонасын 124000 ермәни рәсмән, бир һиссәси исе гејри-рәсми көчүрүлмүшдүр. Үмумијјәтлә, 1828—1830-чу илләрдә Јелизаветопол губернијасынын дағлыг зонасына

200 000 ермәни көчүрүлмүшдүр.¹⁷ Крым мұһарибәси илләриндә Загафгазијаја ермәниләр көчүрүлсә дә, тәәссуф ки, сајы гејдә алынмамышды. 1877—1879-чу илләр Рус—Түрк мұһарибәси илләриндә Загафгазијаја 85 000 ермәни кәтирилмишдир.¹⁸ Бу мұһарибәдән сонра Загафгазијаја Түркиядән арасы кәсилмәдән ермәниләрнин аиләликлә вә ајрылыгда көчмәси давам етмишдир. Ән чох көчмә исе 1893—1894-чү илләрдә олмушдүр. 1894-чү илдә Түркиядән Загафгазијаја 90 000, 1897-чи илдә исе 10 000 ермәни кәлмишди. Артыг 1896-чы илдә Загафгазијада кәлмә ермәниләрнин сајы 900 000 чатмышды. 1908-чи илдә Загафгазијада, кәлмәләрнин һесабына, ермәниләрнин сајы артыб 1 300 000 чатмышды ки, бунун да 1 000 000 чаризм харичи өлкәләрдән көчүрүб кәтирмишдир.¹⁹

Артыг 1897-чи илдә эһалинин сијаһыја алынмасы заманы Гарабагда јашајан 54 841 аиләнин 29 350 азәрбајчанлы аиләси, 18 616 ермәни аиләси олдуғу көстәрилир. Галанлар исе мұхтәлиф халғлара мәнсуб олмушдүр.²⁰ 1917-чи илдә исе Гарабагда јашајан 574 194 эһалидән 317 861 азәрбајчанлы, 243 627 ермәни, галанлары исе башга халғларын нұмајәндәси олмушдүр.²¹

Г. А. Кочарјан јазыр ки, 1921-чи илдә Дағлыг Гарабагда јашајан эһалинин 94,4%-и ермәни, 5,6%-и азәрбајчанлы олмушдүр.²² Әввәлән, гејд едәк ки, 1921-чи илдә Дағлыг Гарабағ анлајышы вә эһалинин һесабына олмамышдыр. Әкәр Г. А. Кочарјан 1921-чи илә аид ујдурдуғу Дағлыг Гарабагда эһалинин јашајыш мәнтәгәләри үзрә, милли тәркибин көстәрмәклә һесабласајды, јәгин ки, бу рәғәмләри көстәрә билмәзди.

Јухарыда гејд етдик ки, чаризм Шәргин истиласында Гарабағы Азәрбајчанын о чүмләдән Иранын гапысы һесаб едир вә бурада ермәниләрнин үстүнлүјүнү јаратмаға чалышырды. Ермәниләр Ирандан Гарабаға көчүрүләркән биринчи нөвбәдә артыг сүгут етмиш Бәрдә шәһәрини дирчәлтмәк вә онлары әсасән бурада јерләшдирмәк планлашдырылмышдыр. Лакин ермәниләрнин һәмишә дағ шәраитиндә јашамыш олдуғларындан вә Гарабағ дүзүнүн јајына дөзә билмәјәрәк тәләф Бәрдәни дирчәлтмәк сијасәтиндән әл чәкилир²³ вә ермәниләр дағлыг зоналарда вә Шуша шәһәриндә јерләшдирилир. Ермәниләрнин Шуша шәһәриндә јерләшдирилмәси бөјүк мұғавимәтә раст кәлир.²⁴ Лакин чаризм ермәниләрнин Шуша шәһәриндә јерләшдирилмәсинә наил олур.

Мәнбәләр XIX әсрин әввәлләриндә Гарабагда јашајан ермәни эһалиси илә сонрадан бураја көчүрүлән ермәни эһалисинин мәдәни инкишаф сәвијјәси, мадди вә мәнәви мәдәнијјәти һаггында әтрафлы мәлүмат верир.

Гарабагда ермәни адландырылан јерли эһали илә сонрадан көчүрүлән ермәни эһалисинин мәдәнијјәти бүтүн компонентләринә көрә бир-бириндән фәргләнмишдир. Јерли ермәниләр кәлмәләрнин дилини чох чәтинликлә баша дүшмүш, кејимләри илә дә онлардан фәргләнмишләр.²⁵

Ермәнистан ССР јарадыларкән тарихи Гарабағын бөјүк бир һиссәси олан Зәнкәзур гәзасы 1921-чи илдә она верилди. 1923-чү илдә исе Гарабағын дағлыг һиссәсиндә (Чаваншир гәзасы бүтөвлүкдә, Шуша вә Чәбрајыл гәзасынын дағлыг һиссәси) ермәниләрә мұхтаријјәт верилди вә беләликлә дә Дағлыг Гарабағ Мухтар Вилајәти јарадылды.

Дағлыг Гарабагда 1988-чи ил феврал һадисәләри илә әлағәдар көстәрилән мәнбәләрдәки бу мәлүматларла танышлығ тарихи һәгигәти көрмәк вә баша дүшмәк бахымындан чох әһәмијјәтлидир. Чүнки бу мәнбәләр Азәрбајчан вә ермәни халғларынын тарихи тәлеји илә бағлы чох мұһүм просесләрдән хәбәр верир.

¹ АКАК, т. 2, с. 703; Скибицкий М. А. Карабахские казенные летние пастбища. — В кн.: Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1899, т. 4, с. 1—3; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. — СПб., 1871, т. 1, кн. 2, с. 325—326; Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. — Баку, 1950; Мирза Джамал Джаваншир Карабаги. История Карабага. — Баку, 1959, с. 5.

² Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 году, по распоряжению главноуправляющего в Грузии Ермолова действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-м. — Тифлис, 1866.

³ Глинка С. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России. — М., 1831.

⁴ АКАК, т. 2, с. 703.

⁵ Деконский А. Г. Экономический быт государственных крестьян Шушинского и джебраильского уездов Елизаветпольской губернии/МИЭБГКЗК. — Тифлис, 1886, т. 4, с. 122.

⁶ Зелинский С. П. Экономический быт государственных крестьян Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии/МИЭБГКЗК. — Тифлис, 1886, т. 4, с. 2.

⁷ Азербайжан тарихи, 2-чи чилд, с. 163.

⁸ Описание Карабахской провинции...; А. Е. Хан-Агов. Экономический быт государственных крестьян Джаванширского уезда Елизаветпольской губернии/МИЭБГКЗК. — Тифлис, 1887, т. 6, с. 338.

⁹ Глинка С. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России. — М., 1831.

¹⁰ АКАК, т. 4, с. 579.

¹¹ Описание Карабахской провинции...

¹² Зелинский С. П. Экономический быт государственных крестьян Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии/МИЭБГКЗК. — Тифлис, 1886, т. 4, с. 10.

¹³ Зелинский С. П. Көстәрилән әсәри, с. 10.

¹⁴ Зелинский С. П. Племенной состав, религия и происхождение государственных крестьян./СМИЭБГКЗК. — Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. — Тифлис, 1887, т. 2, с. 13.

¹⁵ Глинка С. Көстәрилән әсәри, с. 92—94.

¹⁶ Шавров Н. Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье. — СПб., 1911, с. 59.

¹⁷ Јенә орада.

¹⁸ Јенә орада.

¹⁹ Шавров Н. Н. Көстәрилән әсәри, с. 60.

²⁰ Елизаветпольская губерния/ССДНЗК. — Тифлис, 1893.

²¹ Кавказский календарь 1917, с. 190—197.

²² Кочарян Г. А. Нагорный Карабах. — Баку, 1926, с. 8.

²³ АКАК, т. 7, с. 461.

²⁴ Јенә орада.

²⁵ Зеленский С. П. Экономический быт... — Тифлис, 1886, т. 4, с. 10.

Р. М. ШҮКҮРОВА

ГАРАБАҒ ХАНЫ ИБРАҺИМ ХӘЛИЛ ХАНЫН ХАЧЫНДАКЫ МҮЛКЛӘРИ БАРӘСИНДӘ ЈЕНИ СӘНӘД (ГӘБӘЛӘ)

Бу јахынларда Азербайжан ССР ЕА Әлјазмалар Институтунун фондунда Гарабағын Хачын маһалындакы кәндләрин, әмлакын, бағларын, әкинләрин вә дәјирманларын Гарабағ ханы Ибраһим Хәлил хана (1763—1806) мәхсус олдугуну сүбүт едән бир сәнәд (гәбәлә) ашкар олуңмушдур. Онун әмлакынын бөјүк бир гисми Иран шаһы Гачарын Гарабаға сојгунчу јүрүшләри заманы дағылмыш вә гарәт едилмишдир.

Бу сәбәбдән Ибраһим Хәлил хан Гарабағын һәм азербайжанлы вә һәм ермәни әһалисинини 18 нәфәр көркәмли нүмајәндәсиндән хаһиш етмишдир ки, ирси вә пулла алынмыш мүлкләрин она мәхсус олдугу барәдә шәһадәт версинләр. Сәнәд илк дәфә чап олуңур.

АЛЛАҒЫН ӘЗИЗ АДЛАРЫЛА

Јери чәннәт јувасы көјләр олан Сарычалылы Пәнаһ Әли-хан Чаванширин оғлу мәрһәмәтли Ибраһим Хәлил-ханын јүксәк чәлалыны вә дөвләтини Аллаһ узун еләсин.

Гарабағ өлкәсинин ә'јан, әшраф, кәндхуда вә рәијјәтиндән шәһадәт, мә'лумат вә хәбәр истәнилир ки, бу өлкәдә Гачарын вурушлары вә ихтишашлары дөврүндә баш верән һадисәләрдә Гарабағын Хачын маһалында шәриәтин ганунларына көрә мәним ихтијарымда олан әмлак, бостанлар, әкин јерләри, дәјирманлар, кәндләр бу гарышыглыгда дағылыб вә бүтүн сәнәдләр пәрәкәндә олуб. Бу өлкәнин әһалиси шәһадәтләрин кизләтмәсинләр ки, һәммин сәһифәдә јазылан ирсимдән хәбәрләри вар: «Һәгигәтән Аллаһ хејир иш көрәнләри унутмаз» әјәсинин хатиринә (Гур'ан, IX сурә, 120 әјәт).

Өз адлары вә мөһүрләри илә бу јазынын һашијәсиндә шәһадәт версинләр ки, 'бу сәнәд' мәним итмиш гәбәләләримин јеринә әвәз олсун.

Дүз јола кедәнләрә салам олсун.
1213 рәби әл-әввәл (13.VIII-11.IX 1798).

МӘН МӘҖӘММӘД ТАҒИР НАХЧЫВАНИ ДЕЈИЛӘНЛӘРИН
ӘСАСЫНДА БУ СӘНӘДДӘ ОЛАНЛАРЫ ТӘСДИГ ЕДИРӘМ (МӨҖҮР):

{Ашағыда} адлары јазылан әмлак вә кәндләр ханын вә әграбасынын ирси әмлакыдыр: *Гочу кәнди, *Баллыча, Әли-хан кәнди, Гаја-баш, Бадарат, *Сары-кешиш, Даш-булаг, Һелис, *Хызырыстан, Бәхтијар, *Вәкә, *Јенкичә, *Кешиш кәнди, Чолфур, Ханабад, *Афачур, Вагван, Хорасулу, Һачы тәкә, Һәмрәһ, *Дәмирчи кәнди, *Довшанлы, *Чорһан, *Модакиз, *Гызыл-гаја, *Дамғалы, *Кәлавек, *Баллы-гаја

* Улдузла ишарә етдијимиз кәндләр османлыларын халгдан веркиләри низамлы шәкилдә топламағ мәсәдилә тәртиб етдикләри 1727-чи ил тарихли «Кәнчә-Гарабағ әјаләтинин мүфәссәл дәфтериндә гејд олуңмушлар: (Defter-i mufasssal eyalet-i Gençe — Karabağ. — Istanbul, Başbakanlık Arşivi, № 903).

[Ашагыда] адлары јазылан эмлак вә кәндләр сонрадан пул илә алынмышдыр:

Гардамчи, Мамнәк, *Дашбаш, Сејид бәј, *Шәлва, *Шаһ Мәнсур

Шаһид Хоча Меркил Гардамчи, шаһид Хоча Баба Атласлы, шаһид Оһан Кешиш Атласлы, шаһид Һачы Фәјјаз, шаһид Хоча Макус, шаһид Боғуз Коха Гардамчи, шаһид Һачы Худаверди, шаһид Аға Надир Һүсејн, шаһид Мәшәди Һүсејн, шаһид Аға Чилохан, шаһид Аға Паша, шаһид Һачы Имамгулу, шаһид Исафил-бәј вәләд-и Микајыл, шаһид Мәшәди Әли-бәј вәләд-и Һачы Әли, шаһид Һачы Јусиф, шаһид Әли-бәј Нанб, шаһид Мәммәд Әли-бәј вәләд-и Фәзләли-бәј, шаһид Һүсејн-хан бин Молла Газылы (мөһүрләријлә).

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ (КАБАЛА) О ВЛАДЕНИЯХ КАРАБАХСКОГО ХАНА ИБРАХИМ ХАЛИЛ-ХАНА

Недавно, в фонде Института Рукописей АН АзССР был обнаружен интересный документ кабала (№ 4), свидетельствующий о принадлежности сел, имущества, садов, пашен, мельниц Хаченского ма-гала Карабага карабахскому хану Ибрагим Халил-хану (1763—1806 гг.). Большая часть его имущества и имений были разрушены во время грабительских походов персидского шаха Каджара на Карабах. Поэтому Ибрагим Халил-хан обратился к 18-ти видным предстателям Карабаха — как азербайджанцам, так и армянам — с настоятельной просьбой засвидетельствовать принадлежность указанных сел и владений ему, Ибрагим Халил-хану, полученных им по наследству и купленных за наличные деньги.

Документ публикуется впервые.

ВО ИМЯ АЛЛАХА, (ОБЛАДАТЕЛЯ) НАИЛУЧШИХ ИМЕН!

Да продлит Аллах величие и правление милосердного Ибрахима Халил-хана сына пребывавшего в небесных райских кушах Панах Али-хана Джаваншира Сарыджаллы.

У вельмож, благородных, старост (кедхуда) и подданных (рай-йа) Карабахской страны требуются свидетельства, сведения и известия о том, что в этой стране во время сражений и усобиц, учиненных (шахом) Каджаром, были разрушены и разгромлены находящиеся согласно законам шариата в моем владении имения — сады, пашни, мельницы и села, а все документы об этом исчезли. Жители этой страны не должны скрывать свои свидетельства о том, что они знают о моем наследстве. Это они должны сделать ради (сказанного): «Аллах не губит награды добродетельных» (Коран, IX, 120).

На полях данной записи они должны это подтвердить своими именами и печатями, чтобы были восстановлены мои пропавшие кабалы.

Мир тем, кто идет праведным путем.

Раби ал-аввал 1213 (13. VIII — 11. IX 1798).

[Я], МУХАММАД ТАХИР НАХЧИВАНИ НА ОСНОВЕ
ЭТИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ПОДТВЕРЖДАЮ ДАННЫЙ ДОКУМЕНТ (печать)

Нижеследующие владения и села являются наследием хана и его родственников.

Handwritten document in Persian script, likely a legal or administrative record, featuring several seals and signatures.

Гочу-кенд*, Баллыджа, Али-хан кенд, Гая-баш, Бадарат*, Сары-кешиш, Даш-булаг, Халис*, Хызырыстан, Бахтийар*, Вака*, Йенкиджа*, Кешишкенд, Джолфур, Ханабад, Афаджур, Вакван, Хора-сулу, Хаджи-теке, Хамрах*, Демирчи-кенд*, Довшанлы*, Чорхан*, Мо-дагиз*, Кызыл-гая*, Дамгалы*, Келавек*, Баллы-гая.

Нижеследующие владения и села были куплены впоследствии за наличные деньги.

Гардамчи, Мамнак*, Дашбаш, Сейид-бек, Шалва*, Шах Мансур*.

Свидетель Ходжа Меркил Гардамчи, свидетель Ходжа Баба Атласлы, свидетель Оган Кешиш Атласлы, свидетель Хаджи Файйаз, свидетель Ходжа Маркус, свидетель Богуз Ковха Гардамчи, свидетель Хаджи Худаверди, свидетель Ага Надир Хусайн, свидетель Мешеди Хусайн, свидетель Ага Джиловхан, свидетель Ага Джиловхан, свидетель Ага Паша, свидетель Хаджи Имамкулу, свидетель Исрафил-бек сын Микаила, свидетель Мешади Али-бек сын Хаджи Али, свидетель Хаджи Йусуф, свидетель Али-бек Наиб, свидетель Мухаммед Али-бек сын Фадлали-бека, свидетель Хусайн-хан сын Моллы Казылы (печати).

* Отмеченные звездочкой села проходят также в «Пространном налоговом реестре вилайета Гянджа—Карабаг», составленном в 1727 г. османами («Defter-i mufasssal eyalet-i Gence—Karabağ. — İstanbul, Başbakanlık Arşivi, № 903»).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ГАНДЗАСАРСКИЙ МОНАСТЫРСКИЙ КОМПЛЕКС

Гандзасарский монастырский комплекс со знаменитым Гандзасарским собором (ныне село Ванклу, Мардакертского района), представляющим собой шедевр албанских средневековых памятников, не имеющий себе аналогов даже среди армянской архитектуры, был сооружен в XIII в., в период Албанского ренессанса на территории исторического Азербайджана, в одной из важных провинций античной и раннесредневековой Албании — Арцахе, который занимал нынешнюю часть Нагорного Карабаха и часть Мильской степи.

Для выяснения — чье наследие составляет Гандзасарский комплекс, в какой этнической среде он был воздвигнут, чьи нужды обслуживал этот собор, какой этнос посещал его — рассмотрим коротко историческую справку о провинции Арцах.

Арцах состоял из 12 мелких административных единиц. Вопреки мнению армянских ученых, согласно которому население Арцаха изначально было армянским, все источники свидетельствуют, что в период поздней античности и раннего средневековья население Арцаха составляли автохтонные албанские племена утиев, гаргаров, каспиев, цодов и пришлые племена гуннов, базилов, хазар (см. *Геродот, М. Хоренский, Ф. Бузанд, М. Каланкатуйский* и др.). Язык албан-автохтонов относится к северо-восточной кавказской (нахско-дагестанской) языковой группе.

В политическом отношении Арцах в I—VI вв. был подвластен албанским царям Аршакидам, а в VII—VIII вв. — великим князьям Албании — Михранидам. В политическом и церковном отношении влияние Арцаха в Албании было очень значительным. Духовенство Арцаха совместно со светской знатью участвовало во всех албанских церковных соборах, но не армянских. Многие патриархи Албании избирались из представителей арцахского духовенства. В VIII в., в результате арабского завоевания, Албанское царство пало. Практически арабами была завоевана низменная часть Албании, долины рек Куры и Аракса, результатом чего явилась исламизация населения равнинных частей и дальнейшее слияние их с тюркоязычным населением страны. Но горные части Арцаха продолжали сохраняться за албанскими князьями Михранидами. В IX в. потомок Вараз-Трдата, князя албанского, Григорий Хамам частично восстановил разгромленное Албанское царство, в состав которого входил и Арцах. После его смерти Арцахом и провинцией Ути завладел сын Хамама Саак Севада, чье правление длилось много лет. В XII—XIII вв. в Арцахе возвысилось Хаченское княжество, которое, по словам акад. И. А. Орбели, «было частью древней Албании». Центр Арцах—Хаченского княжества занимал бассейн рек Хаченчая и отчасти Тертерчая. Правителем Арцах—Хаченского княжества становится Хасан Джалал (1215—1261), опять же потомок албанских Михранидов. Кроме реалий имеются реальное

родословное древо, возводящее род Хасан Джалала к Михранидам.

Хасан Джалал был сюзеренным князем Хачена и Арцах (отчасти) и находился вне вассальной зависимости от Грузинского царства и армянского княжества Закарян. В армянских, грузинских и персидских синхронных источниках, а также в эпиграфических надписях, Хасан Джалал наделен высокими титулами — «князь князей», «царственно-блистательный», «князь стран Хаченских», «великий князь Хачена и Арцахских стран», «царь», «венценосец», «царь Албании», «великий окраинодержатель Албании». Сам Хасан Джалал титуловался царем, самодержцем.

Самый пышный титул имеется в надписи 1240 г. в Гандзасарском монастыре: «Я, смиренный раб Божий Хасан Джалал сын Вахтанга, внук великого Хасана, законный самодержавный царь высокой и великой страны Арцахской, имеющей обширные пределы». Отец Хасан Джалала Вахтанг происходил из албанских Михранидов, мать — Хоришах была сестрой знаменитых Иване и Закаре Мхаргдзели, происходивших из курдов. Жена Хасан Джалала Мамкан была из рода сюникского царя Сенекерима, который, в свою очередь, также был потомком албанских Михранидов. Родственные связи Хасан Джалала с влиятельными домами той эпохи, несомненно характеризуют высокое положение Хачено-Арцахского владетеля.

Время правления Хасан Джалала можно считать периодом экономического, политического и культурного возрождения Албании. Этот подъем отразился в литературе, гражданском строительстве, архитектуре, в создании культовых сооружений. Именно в это время создает свою «Историю» Киракос Гандзакеци. По настоянию Хасан Джалала, стремящегося показать преемственность своей власти правлению албанских Михранидов, была продолжена и дополнена «История албан» Моисея Каланкатуйского четырьмя новыми главами, в которых отражено правление Хасан Джалала, строительство им Гандзасарского комплекса. Тем самым была возрождена албанская историко-литературная традиция, но в отличие от предшествующего периода она писалась на древнеармянском языке. Хасан Джалал снискал у монгольских ханов расположение к своему албанскому дому и народу, считавшему себя жителями Албании, сохраняющему албанское самосознание, но уже подвергнувшемуся длительному процессу григорьянизации и арменизации. Население Арцахо-Хаченского княжества говорило и творило в XIII в. на двух языках — албанском (аранском) и древнеармянском, подобно тому, как население низменной части бывшей Албании писало и говорило на аранском, арабском, персидском и тем не менее, оно было этнически ни арабами, ни персами. Язык не был единственным показателем этнической принадлежности. И современные французы, англичане, португальцы, египтяне не говорили на своих древних языках.

Хасан Джалалом был построен монастырский комплекс Гандзасар. Древний же монастырь Гандзасар существовал задолго до Хасан Джалала и был родовой усыпальницей Хаченских владетелей — Джалалидов. Там же похоронен сам Хасан Джалал. С 1216 по 1238 гг. Хасан Джалалом был построен по настоянию албанского патриарха Нерсеса Гандзасарский собор, который сам Хасан Джалал назвал «престольным собором Албании», но не Армении. В Гандзасаре похороне-

ны почти все позднеалбанские католикосы-патриархи, о чем свидетельствует эпиграфика на надгробных плитах, датированная до самого 1828 г.

После потери политической светской власти представителями рода Джалалидов, которые владели Хаченом до XV в., они становятся духовными владыками страны. Они стали патриархами-католикосами Албанской самостоятельной церкви вплоть до 1836 г., когда Албанская церковь была упразднена и подчинена армянской. Если, как утверждает значительное количество армянских авторов в последнее время, Гандзасар явление армянское, то зачем надо присоединять уже, так сказать, «присоединенный» Гандзасар к армянской церкви специальным рескриптом Святейшего Синода в 1836 году?

Итак, историческая албанская провинция Арцах, где в XIII в. был воздвигнут Гандзасарский монастырский комплекс, на протяжении всей истории, вплоть до XIX в., была важным политическим, культурным и духовным центром албанского христианского населения, сумевшего сохранить до XIX в. свое территориальное, политическое и конфессиональное единство, албанское самосознание, хотя и подвергшегося арменизации.

Поэтому совершенно беспочвенными и неправомерными представляются попытки армянского католикоса Вазгена I и армянских ученых представить Гандзасарский комплекс как армянский, созданный в армянской области и в армянской этнической среде. Кроме этого, совершенно очевидно, что в одной этнической среде не может быть два самостоятельных патриаршества, две самостоятельные церкви.

Представители армянского католикосата, академик В. А. Амбарцумян, Сильва Капутикян, Б. Улубабян и прочие посещали Гандзасарский собор и убеждали население села Ванклу в том, что оно является потомком армян, а не албан. А между тем, именно в этом селе живут потомки Хасан Джалаловского рода, которые помнят свои корни, хранят память прошлого, помнят, что их предки удины-албаны.

Как говорил проф. И. П. Петрушевский — «Карабах (Арцах) никогда не принадлежал к центрам армянской культуры».

ПУБЛИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

Все сегодняшнее имеет свои вчерашние истоки. Для анализа сегодняшних событий нужны и вчерашние факты, свидетельства очевидцев. Их сейчас нередко заменяют общие, эмоционально выраженные слова, слова, в большинстве своем, совершенно необоснованные. Поэтому мы решили представить ученым материал, содержащий высказывания и рассуждения дореволюционных русских писателей и ученых, а также людей, бывших свидетелями или участниками событий, происходивших в Закавказье. Обвинять их в необъективности или лживости мы не имеем ни морального, ни этического права, объективность их изложений (даже несмотря на явный монархический настрой, например, В. Л. Величко) доказывается и сегодняшними фактами и событиями, очень схожими в некоторых чертах с минувшими. Материал представлен нами без всяких комментариев. Мы надеемся, что объективный читатель сумеет сделать свои выводы, причем от этого он не станет «инакомыслящим».

А. С. ГРИБОЕДОВ

ЗАПИСКА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ АРМЯН ИЗ ПЕРСИИ В НАШИ ОБЛАСТИ*

Вашему сиятельству угодно было узнать достовернее чрез меня о способах, которые были приняты к переселению армян из Азербайджана, и о нынешнем их водворении в наших областях.

Вот истина по сему предмету, как она мне известна: полковник Л[азарев] почитал себя главным побудителем этой эмиграции, о чем, как нам известно, он изъяснялся довольно гласно, но неосновательно, потому что армяне никакого понятия не имели о нем, будучи единственно движимы доверенностью к России и желанием быть под ее законами. Трактат давал им на сие полное право. Деятельными орудиями при переселении были: ки[язь] Аргутинский, Гамазов, а другие подчиненные офицеры действовали уже под их влиянием. Полк[овник] Л[азарев] помышлял только о сочинении прокламаций, довольно неуместных, между прочим, о формировании регулярного армянского ополчения, полагая даже включить в круг своих замыслов, хотя благонамеренно, но необходимо, и самый Карабах и прочие области, имеющие свое начальство и где особенной власти от давно учрежденных не могло быть допущено. Ки[язь] Аргутинский представлял ему несколько раз о его поведении, как это все хвастливо, ветрено и бесполезно. Все прочие дела полк[овника] Л[азарева] были такого же рода и не стоят того, чтобы о них распространяться. Должно только прибавить, что он человек пустой, но не безнравственный, не способен утаивать казенных денег и делать вред умышленно.

При раздаче денежного пособия выходцам из Урмии произошло много беспорядков, но не злоупотреблений: бедным недодано, бога-

* Грибоедов А. С. Сочинения в двух томах, т. 2. — Изд-во «Правда», М., 1971, с. 339—341.

тым передано. Это произошло от поспешности, с которой сия провинция оставлена была нашими войсками. Второпях действовали без разбора, и потому деньги мало послужили в помощь, ибо дурно были розданы. Это, впрочем, единственный случай, мне известный.

Так было при переселении; но при помещении их у нас на новых местах все сделано бессмысленно, нерадиво и непростительно. Для заведования ими учрежден комитет, который ничего не ведал и тем более достоин осуждения, что от в[ашего] с[иятельства] имел самое точное и подробное наставление, как ему в сем случае поступать:

1/Армяне большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами.

2/Не заготовлено ни леса и не отведено иных мест для прочного водворения переселенцев. Все сие в свое время было упущено. Поправить ошибку на нынешний год поздно. Переселенцы находятся сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропщут и основательно. В[ашему] с[иятельству] известно, что вообще всех здешних жителей в сложности должно почитать переселенцами, ибо все они были выселены сардаром в военное время и находятся в самом скудном положении.

3/Денежное казенное пособие роздано без всякого толку: раздавали по рублю, по два, как нищим, без верных сведений, сколько нуждающихся и кому что нужно. 25 рублей, выданные единовременно, вдесятеро важнее той же суммы, отпущенной дробно, в разные времена. Не принято никакой общей меры, как например: покупки хлеба для содержания целого общества, также для посева на будущий год и пр.

Указав в[ашему] с[иятельству] на жалкие акты комитета переселения, я должен также по справедливости заметить, что если бы в нем заседали и люди со способностями, которых вовсе там не было, то и они нашлись бы в большом затруднении. В областном правлении нет еще вовсе даже поверхностной описи земель и селений за-Аракских; еще неизвестно число жителей и в округах по сю сторону Аракса. Об имениях и говорить нечего: никто не знает, кому что принадлежит. Таким образом, комитету негде было занять надлежащих сведений, которыми должен был пользоваться. Здешний областной начальник отзывается, что он хотел большое число новоприбывших армян переселить за Аракс, но они просили у в[ашего] с[иятельства] позволения остаться на тех местах, куда их на первый раз временно пристроили, на что и получили ваше согласие. Подполк[овник] ки[язь] Аргутинский не отчаивается однако же в возможности привести сию меру в исполнение. Чиновник этот заслуживает по своей распорядительности и честности полное доверие начальства.

30 тысяч р[ублей] с[еребром] и 2 тысячи червонцев, вновь назначенные в пособие переселенцам, будут уже употреблены гораздо разборчивее. Если бы в[аше] с[иятельство] решились еще два раза столько в наискорейшем времени отпустить на тот же предмет, то совершенно бы упрочили благосостояние означенных выходцев. Извольте только принять в соображение число требующих

помощи, которые все со временем будут платить подать казне; сравните с среднею оценкою в России такого же количества душ, и вся сумма, в[ашим] с[нятельством] на сие выданная, не только покажется вам умеренною, но даже ничтожною по сравнению с пользою, которую она принести должна. Не знаю, представлялось ли в[ашему] с[нятельству] сие дело с той именно точки зрения и будет ли она вами одобрена.

Еще один важный источник пособия и казне ничего не стоящий представляет сардарский скот, которого ныне открыто до 30-ти тысяч штук, розданный в свое время сардаром жителям на содержание, которое им вменялось в подать. Он от него в свою очередь, как хозяин, получал масло, шерсть и самый приплод и пр. О существовании сего скота я от многих наслышан и решительно удостоверился от членов областного правления Петрикова и Мендокса. Продолжать казне сие сардарское хозяйство неудобно и в нашей администрации просто невозможно, раздать же солдатам на порции значит израсходовать безвозвратно; но раздача сего скота переселенцам чувствительно пополнит и исправит их хозяйство.

Сколько я ни старался узнать стороною, и именно чрез моего переводчика Дадашева, для сего чрезвычайно способного, которого заставлял расспрашивать по деревням, где проезжал, в Эчмиадзине и здесь, не происходили ли какие злоупотребления при раздаче денег, но никто на это не жалуется и сего точно не было.

У областного начальника переводчик Мирза-Татус известный мошенник, но он по сему делу не имел никаких поручений; равномерно и брат его, начальник Сурмалинского магала, такой же общепризнанный негодяй, о котором я теперь упоминаю к слову, но при переселении он тоже ни во что не вмешан.

Много должно ожидать от старания тех, которые ныне заведывают водворением пришельцев, особенно от кн[язя] Аргутинского; он уже верно не впадет в ошибки своего предшественника, майора Владимирова.

Также мы с ним немало рассуждали о внушениях, которые должно делать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили. В том же смысле говорено мною и полицеймейстеру, членам правления и ханам, которые у меня здесь были.

В[аше] с[нятельство] сделали бы истинное благодеяние, если бы предписали Тифлисской казенной экспедиции, чтобы она отрядила сюда нескольких чиновников. Здесь просто некому дела делать, даже писарей нет, переводчиков также. Я думаю, что можно было бы выбрать для сего нескольких учеников из армянской школы в Тифлисе.

Обращаясь опять к переселенцам, я нахожу, что они гораздо полезнее наших грузинских армян, вообще торгашей, не приносящих никакой пользы казне, а перешедшие из Персии большею частью, ремесленники и хлебопашцы.

/1828/

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

«НОВАЯ УГРОЗА РУССКОМУ ДЕЛУ В ЗАКАВКАЗЬЕ:
ПРЕДСТОЯЩАЯ РАСПРОДАЖА МУГАНИ ИНОРОДЦАМ»

ШАВРОВ Н. И.

Санкт-Петербург, 1911 г., с. 59—61

Нашу колонизаторскую деятельность мы начали не с водворения в Закавказье русских людей, а с водворения иногородцев. Прежде всего мы переселили в Закавказье в 1819 г. 500 семей вюртембергских немцев из числа элементов, забракованных на родине, и из этих колонистов мы образовали колонии в Тифлисской и Елизаветпольской губерниях. Конечно колонистам были отведены лучшие земли казны и даны различные льготы. Затем, после окончания войны 1826—1828 гг. в продолжении двух лет, с 1828 по 1830, мы переселили в Закавказье свыше 40 000 персидских и 84 600 турецких армян и водворили их на лучшие казенные земли Елизаветпольской и Эриванской губернии, где армянское население было ничтожно, и в Тифлисском, Борчалинском, Ахалцихском и Ахалкалакском уездах. Для поселения им было отведено более 200 000 десятин казенных земель и куплено более чем на 2 млн. рублей частновладельческих земель у мусульман. Нагорная часть Елизаветпольской губернии (Нагорный Карабах) и берега озера Гокчи (Севан) заселены этими армянами. Необходимо иметь в виду, что из 124 000 армян, официально переселенных, переселились сюда и множество неофициальных, так что общее число переселившихся значительно превышает 200 000 человек. После Крымской кампании опять вселяется некоторое число армян, в точности не зарегистрированное. В период с 1864 по 1876 г. ознаменовывается нашей усиленной деятельностью по заселению Черноморского побережья армянами и греками, привозившимися на казенный счет из Малой Азии, а затем эстами, латышами, чехами. Новоселам отводились лучшие казенные земли.

Счастливо окончившаяся турецкая война 1877—79 гг. одарила нас целым потоком малоазийских новоселов: в Карскую область вселено около 50 тыс. армян и около 40 тыс. греков, и сразу пустовавшая область получает довольно многочисленное инородческое население. Кроме того генерал Тер-Гукасов выводит в Сурмалинский уезд 35 тыс. кибиток турецких армян, которые и остаются у нас. После этого начинается непрерывный поток армян из Малой Азии, переселяющихся семьями и отдельными лицами. Еще в более широких размерах начинается переселение армян в период 1893—94 гг. во время армянских беспорядков в Турции. Ко времени прибытия в край в 1897 г. вновь назначенного главноначальствующего князя Г. С. Голицина, пришлых армян было уже не 100 тыс., как в 1894 г., а около 900 тыс. Сношения князя Голицина об их выдворе-

нии не привели ни к чему — турки их не принимали, а МИД было недостаточно настойчивым, и в результате этого армянам было объявлено, что все, кто не примет русского подданства, будут выдворены силой. Конечно, все они приняли русское подданство и расторжились в армянском населении, переселенном ранее. Пример армян того времени не остался без последователей — после этого периода из Малой Азии продолжается наплыв, и в настоящее время в одной Карсской области насчитывается около 35 тыс. семей армян, стремящихся получить казенную землю для поселения. Кроме того, в наши пределы переселилось некоторое количество айсор, а также мусульман (в Бакинскую губернию), но наибольшее количество переселенцев выпадает на долю армян: из 1 млн. 300 тыс. душ, проживающих ныне в Закавказье армян более 1 млн. не принадлежит к числу коренных жителей края и поселены нами. Насколько велико число переселившихся к нам за последние 13 лет армян, видно из сопоставления следующих цифр: в 1896 г. генерал-адъютант Шереметьев в своей Всеподданнейшей записке определяет численность армян, проживающих в Закавказье: около 900 тыс. человек, а в 1908 г. их было уже 1 млн. 300 тыс. душ обоего пола, за это время они увеличились не менее как на 400 тыс. человек. Если учесть естественный прирост, то окажется, что за 13 лет мы вселили свыше 300 тыс. армян.

В цифрах вселение (самовольное) и водворение в Закавказье инородцев выражается так:

армян около 1 000 000 душ обоего пола; поляков около 17 264 душ обоего пола; чехов т. п. 20 041; латышей 5 561; молдован 2 724; греков 82 043; евреев 30 890; эстонцев 5 241; айсор 5 028. Итого — 1 147 972.

Широко используя лжесвидетельство, армяне из безземельных пришельцев захватили огромные пространства казенных земель.

ВАСИЛИЙ ЛЬВОВИЧ ВЕЛИЧКО

КАВКАЗ.
РУССКОЕ ДЕЛО И МЕЖПЛЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ*
(Извлечения)

С. 13 — Эпоха реформ шестидесятых годов имела осложняющие, почти роковые последствия для русского дела в крае (т. е. в Закавказье. — Ред.) и для жизненного склада всего местного населения...

С. 14 — ...Одновременно открылся широчайший простор для развития и преуспевания элемента, который и сам по себе нигде не имеет благотворного влияния на жизнь, а на Кавказе в особенности, так как профессиональные отрицательные черты осложняются там расовыми пороками и тенденциями. Речь идет о тех армянах-эксплуататорах, которые с шестидесятых годов особенно усердно и беспрепятственно принялись высасывать все соки из местного населения. Говорю здесь, конечно, не огульно, *не обо всем армянском народе, а о классе кулаков***, ростовщиков, темных дельцов, — представляющих собою сильно-окрашивающий, характерный для этого племени элемент. И дворянин, и крестьянин оказались мухами в паутине этих хищников...

С. 18 — ...На Кавказе вопросы социально-экономический совпадает с племенным: *буржуазия состоит почти исключительно из армян*, составляющих на верхах этого класса сплоченную *стачку* и представляющих крупную социальную опасность для местного населения, а для государственного дела — *опасность политическую*, как это видно на примере нескольких восточных держав, *инертность или неряшливость которых открыли простор армянскому паразитизму*.

Правовой порядок и всякие дальнейшие шаги по этому пути на Кавказе только армянам и полезны, так как многочисленные армяне — дельцы в течение многих веков практиковались в обход каких угодно законов и властных распоряжений и в порабощении себе чужой воли, свободной или властной по виду, но *не подготовленной ни к свободе, ни к власти*. Все очутились у них в кабале, не исключая большинства местных учреждений сверху до низу. Другие туземцы основательно ставят в укор России подъем армянского могущества, говоря, что, например, при грузинских царях об этом не могло бы быть речи, ибо тогда вопросы решались не кабинетно-теоретически, а на основании суровых требований жизни...

* Из полного собрания публицистических сочинений, т. I, С. Петербург, 1904.

** Все курсивы автора. Величко Василий Львович (1860—1903) — поэт и журналист. С 1880 г. печатал свои стихи (иногда под псевдонимом В. Воронцовский). Тематика его поэзии — мир Востока и предания старины. Был редактором газет «Кавказ» (с 1897 г.) и «Русский вестник» (с 1901 г.). Публицистические статьи В. Л. Величко были резкими и непримиримыми. Стоял на позициях великодержавного шовинизма и монархизма. Вместе с тем был хорошо знаком с реалиями Кавказа и взаимоотношениями народов, населявших регион.

С. 21 — ...Если разделить население Кавказа на группы обширные, по сколько-нибудь цельные и окрашенные руководящею идеей, то таковыми группами явились грузины, как основная, государственная народность в крае, близкая нам по духу и по происхождению культуры, армяне, как элемент гораздо более чужой для нас и, в лице своей на- (с. 22) -ступательной буржуазии, враждебный всем народностям Кавказа, мусульмане, главным образом двух категорий: азербайджанские татары, бывшие под сильным влиянием Персии, и мусульмане горцы, духовный мир которых сложился под влиянием резких условий природы и резких требований ислама. Грузины-мусульмане и турки здесь в расчет не принимаются, за их малочисленностью...

С. 40 — ...Почти все банки, не исключая государственного, оказались в руках у армян, а также и сбыт продуктов сельского хозяйства. Вся экономическая жизнь края находится в железных тисках стачки.

Грузинское землевладение тает с невероятною быстротой. Разные Манташевы, Арамянцы, Арафеловы, Макарянцы и другие армянские тузы скупают за безценок грузинские земли и населяют их выходцами из Турции, часовни и даже церкви переходят в руки армян.

Нужно заметить, что громадная часть этого процесса совершается тайно: армяне еще не смеют открыто предъявлять своих документов и ликвидировать своих междуплеменных вопросов в области земельной. Они боятся взрыва отчаяния в грузинском обществе и подозревают, что русское правительство, вследствие резкого кризиса, станет поближе присматриваться к кавказским делам...

С. 53 — ...Свою податливость армянским воздействиям грузины не без основания объясняют тем, что армяне составляют единственную в крае реальную силу, которой сама русская власть не оказывает должного противодействия ни на каком поприще; армянские тузы захватили безприпятственно в свои руки все жизненные источники: и рынки, и банки, и влияние (хотя и тайное, но тем более опасное) на судьбу служилых людей и пользуются безнаказанностью в таких случаях, когда всякий другой кавказский обыватель заплатил бы жесточайшим образом. С точки зрения преходящей, временной выгоды они правы, но вместе с тем признаются, стало быть, что служат личной выгоде, а не высоким идеалам, как их предки-рыцари. Надо надеяться кстати, что они недолго будут правы и с точки зрения практической: необходимость противодействия радикальными мерами обармянению Кавказа становится все более настоятельной...

С. 57 — ...Как в природе есть целые разряды предметов и существ, отличающихся теми или иными резкими характерными чертами, так есть последние и у человеческих пле- (с. 58) -менных групп, получающих и в истории, и у своих соседей-современников соответственную репутацию.

Об армянах издревле сложилось плохое мнение, — и это, само собою разумеется, не лишено основания, так как иначе оно не могло бы возникнуть у целых народов и притом в разные времена. Но, разумеется, в категоричности и огульности таких мнений, образчики которых я приведу ниже, нельзя не усмотреть несправедливости. Во-первых, необходимо отделить армянскую народную массу от

хищной плутократии, невежественного политиканствующего духовенства и мнимо-интеллигентных пиджачников, т. е. от тех правящих армянских общественных слоев, которые гнетут не только иноплеменных соседей, но и соплеменных им неповинных простолюдинов. Во-вторых, и среди правящих классов несомненно, есть довольно значительный процент людей, в основе не плохих и виновных, в малодушном подчинении террору своих главарей и гипнозу своей болезненно-развившейся племенной, или, как они говорят (без всякого на то права), национальной идеи.

Но чем больше мы будем ей сочувствовать, чем ближе приглядимся к ее положению, тем более отвратительными явятся в наших глазах ее бездушные соплеменные вожаки, политиканствующие угнетатели и смутьяны.

Мне могут возразить, что армянские правящие классы вышли из среды того-же народа, сыны которого, стало быть являются эмбрионами таких же хищников. Но, во-первых, высшие классы далеко не всегда являются показателями духовного уровня народа, а, во-вторых, исторические и социально-экономические условия, в которые, волею судеб, попал армянский народ, способствуют поднятию на поверхность и на высоты местной жизни преимущественно худших, наиболее порочных и лукавых представителей расы.

С. 60 — Весьма интересен также вопрос о закавказской Албании, или по-армянски, Агвании. Эта страна, в состав которой входили и нынешняя Елисаветпольская губерния, и части Тифлисской и Дагестана, была населена народами не армянского происхождения, получившими христианство от армян. До начала XIX века существовал отдельный агванский или гандзасарский католикос, соперничавший с эчмиадзинским и по временам совершенно независимый от последнего. В настоящее время христиане, бывшие некогда паствою агванского католикоса, считаются армянами и, перемешавшись с ними усвоили их характер...

С. 62 — Здесь кстати, нужно отметить, что армянские меценаты из нефтепромышленников усиленно заботятся о создании совсем особенной истории Армении, о возвеличении этого маленького народа и его героев, начиная с случайных генералов, достойных уважения, и кончая неслучайными контрабандистами всякого рода, достойными... уважения, но с другой стороны. В частности, они не упускают случая выдвигать свои исторические «заслуги» и теперешние достоинства паразитическим способом, т. е. попутно набрасывая тень на соседние с ними народности, у которых была история более ясная, несомненная и достойная. Грузин они в области историко-археологической грабят безсовестнейшим образом: сцарапывают грузинские надписи с памятников, захватывают древние православные часовни и опустелые церкви*, сочиняют исторические нелепости и указы- (с. 63) -вают, как на древние армянские владения, на такие области, где каждый камень говорит о прошлом грузинского царства. Первым наемником армян в русской литературе был Сенковский, под псевдонимом барона Брамбуса, писавший в таком духе. Затем армянские «историки» в кавычках, Эмин (История Моисея Хоренского), Худобашев (Обозрение Армении), в более позднее время Ерицов (Кавказская старина 1872 г. № 1), вопреки таким красноречивым

* См. ссылку на след. стр.

свидетелям прошлого, как памятники, работали в том же направлении; они, например, пытаются похитить у Грузии исторические права на область Саатабаго, т. е. владения атабека Джакели, нынешний ахалцхский уезд. Всякий кавказец знает, что в этой области есть еще несомненные следы пребывания царицы Тамары Великой, что мусульманское население уезда состоит из потуреченных грузин, говорящих по-грузински, и что армяне в большом числе появились там в первой половине XIX столетия, как беглецы из Турции, а не коренные жители.

С. 64 — Профессор-арменист Патканов также мало стеснялся фактами, ссылаясь на таких мнимых ученых, как Сенковский, странствующий ботаник Кох и т. п. Грузинский писатель Бакрадзе его своевременно изобличил, как следует, но до большей части русского общества эта полемика не дошла; ученик Патканова, г-н Марр, не упускает случая отхватить что-нибудь от грузин в пользу армян и все обещает доказать, что замечательная древняя грузинская поэма «Барсова кожа» есть произведение позаимствованное... Очень интересную брошюру («Армянские мудрецы и вопиющие камни») посвятил этой лжи, всем этим историко-археологическим посягательствам и хищениям армян (с. 65) известный грузинский поэт и публицист, кн. Илья Чавчавадзе. Эта брошюра переведена на русский язык и богата характерными фактами.

В Тифлисе, когда говорят о грузино-армянских междоусобицах, вспоминают корреспондента «Temps», некоего Кутули. Едва приехал он в Тифлис, как его захватил хитрый горбун, талантливый политический агитатор Арцруни, редактор-издатель газеты «Мшак». Начали армянские богачи ублажать и закармливать Кутули, ни на шаг не отпуская его от себя. Он совершенно утратил способность смотреть на окружающее собственными глазами. Дошло до того, что всех красивых женщин, встречаемых на пути, ему выдавали за армянок, а всех уродливых — за грузинок. Получился такой комизм, что даже грузины, у которых историко-археологическое самолюбие чрезвычайно обострено, не в силах были сердиться, читая путевые впечатления доверчивого или податливого француза.

*) Из многочисленных примеров таких возмутительных фактов приводим на выдержку два случая имевшие место на протяжении двух месяцев. «Кавказ» 1897 г. июнь. Прихожане душевской св. Николая церкви составили приговор, коим поручили двум лицам из своей среды ходатайствовать пред высшим кавказским начальством о принятии мер против захвата армянским духовенством часовни «Бодавис-цминда» Георгис-нишц с принадлежащим ей участком земли (в 1/2 верст от г. Душета). Древние иконы из названной часовни, по словам составителей приговора, давно уже похищены и перенесены в душевскую армянскую церковь, участок примезеван к ней «неведомыми путями» истекшего 15-го мая, а самая часовня переименована в «Сурн Геурковскую», и православные священники к служению в ней с тех пор не допускаются.

«Иверия» Апрель 1897 г. Гор. Ахалцх. Близ города, по ту сторону р. Поцхови, имеется целебный родник, вода которого замечательно помогает от головной боли. Около родника с давних пор стояла грузинская часовня и маленькая келья. Лечебные свойства этого родника были общеизвестны, так что из разных частей Грузии стекались больные и получали исцеление. Водой пользовались бесплатно, но добровольных приношений скоплялось в часовне немало. В начале минувшего марта кому-то вздумалось выставить в часовне армянские иконы, приделав в часовне двери, запереть их и забрать ключи. Об этом захвате местный благочинный священник Д. Хахутов донес экзарху Грузии.

Чрезвычайно забавно было видеть, еще весьма недавно, как армянские политики и «делатели истории» пытались совратить французского ученого, барона де-Бай, много писавшего о России, и как они были удивлены неудачей. Он посетил, между прочим, Эчмиадзин, столицу армянского католикоза, где ему показывали какие-то короны, чаши, расшитый покров и т. д. Опытный археолог сразу заметил крайнюю неточность приведенных армянами хронологических данных и не без юмора высказал это печатно. Оказалось, между прочим, что кое-какие мнимо-древние узоры относятся к упадку стиля рококо. Большинство местных армянских газет, печатавшихся русскими буквами, дошло до неприличия.

Болезненное самолюбие и тщеславие армян и склонность их рекламировать свое величие в прошлом и настоящем — объясняются и отчасти оправдываются тем, что они в течение веков стяжали себе плохую репутацию, от которой хотели бы избавиться...

С. 67 — ...Строго говоря, интеллигентные армяне давным давно сознают, что репутация у их племенного имени — нелестная... До сел и они, и (с. 68) публицисты, сочувственно к ним относящиеся, склонны, где только возможно, заменить слово «армянин» словами «туземец», «кавказец» и, в особенности, «христианин». Это напирание на «христианство» весьма характерно, как потому, что армяне непрочь пожиться насчет своих соседей-мусульман, так и потому, что название «христианин» даст им положение привилегированное.

...Как бы ни была неточна писанная история Армении, в ней есть много характерного и поучительного, — как в большой безцеремонности тона повествователей, так и в самих фактах. Начиная с католикоза Иоанна VI («История Армении с начала мира до 925 года», перевод на французский язык Сен-Мартена) и до позднейших времен, — армянские историки претендуют на точность сведений, относящихся именно к сказочному периоду. Армяне происходят, мол от Ноя; его правнуком и внуком Иафета был мифический Гайк...

...Если бы, кроме слова «измышление» понадобилось начертать на скрижалях армянской истории слово, которое бы точно охарактеризовало факты правдоподобные, то нельзя (с. 69) было бы избегнуть слова «измена». Сомнительные власти Армении, страны с постоянно колеблющимися границами, всегда зависят от сильных соседних монархий и всегда, систематически изменяют им. Знатные люди (нахарары) изменяют царям, народ — и тем и другим. Жестокость нравов и ненадежность взаимных отношений — феноменальные. Стоит персиянам, римлянам, арабам назначить кого-нибудь правителем Армении, чтобы немедленно этот правитель начал готовиться к возмущению.

В собственной Армении, т. е. на армянском плоскогорье, сколько-нибудь независимое царство было упразднено довольно-таки давно, в пятом веке, когда Армения стала открыто персидской провинцией и фактически, как власть ближайшая и организованная, над армянским народом воцарилась теократия с католиком во главе. С тех пор не менее наглядно армянские заправилы, так сказать, торгуют на две лавочки: продают отечество и народ то персам и затем мусульманам вообще, то Византии, а изподтишка ведут свою линию борьбы за племенную самобытность.

Некоторый призрак государственности возник в конце XI века в маленькой Киликии и окончательно рассеялся в 1375 г.

С. 71 — Сношения армян с русским правительством довольно пестры. Петр Великий, глубоко понимавший значение русской исторической миссии на Ближнем Востоке, разумеется, ничего не имел бы против того, чтобы люди, считавшиеся христианами, восставали против своих мусульманских владык, врагов православия и русско-славянского дела. Поэтому он упомянутому выше авантюристу Израилю Орнию высказаться дал; но на удочку его царь, однако не поддался. Великий Император велел словесно объявить армянским посланцам, что «ныне занят Свейской войною», и вовлечь себя в авантюру не дал. На просьбу же Израиля Орния разрешить ему быть в этой войне при русских войсках государь велел отвечать, что «ему тамо быть не для чего».

Любопытно, что из монархинь XVIII века Анна Иоановна (вероятно, на основании сведений, полученных от Волынского, близко знавшего армян) относилась к последним недоверчиво, хотя и вела христианскую политику, так как ее полководцы побеждали мусульман. Екатерина II, наоборот, дошла до крайних пределов благоволения к армянам, что объясняется, быть может, царившим при ее дворе растлением нравов и чрезвычайною роскошью. Немудрено, если находились царедворцы, получавшие «пешкеши» от армянских торговцев дорогими товарами. Кроме того, «великолепный князь Тавриды» был несомненно человеком с фантазией, и его забавляла мысль о возрождении христианского царства на армянском плоскогорье.

В царствовании Екатерины у армян появился человек, во многих отношениях замечательный, с неукротимой энергией и большою политическою предприимчивостью, доходившей порою до назойливости. Это был архиепископ Иосиф, происходивший из старинного, давно огрузиненного по культуре армянского рода, получив (с. 72) шего от грузинских царей княжеское достоинство. Он носил фамилию *Аргуташивили-Мхагрдзели*, но затем переведенную «с фантазией» и вошедшую в русский обиход под именем «Аргутинский-Долгорукий»... Иосиф в 1799 году основал Нахичевань-на-Дону, армянский город, населенный выходцами из Крыма и Турции, в числе 15,000 человек. Переселенцам были даны недурненькие льготы: перевозка на счет казны из Крыма всей движимости, 12,000 десятин выгонной земли, освобождение на 10 лет от всех повинностей, свобода от постоев и рекрутчины; каждому домохозяину отведено по 30 десятин земли, лес и припасы на постройку даны безденежно, а семена, скот и инвентарь — с возвратом через 10 лет. Обо всем изложенном имеются точные сведения в полном собрании законов...

...В конце XVIII века, вопреки принципу *всенародного* избрания эчмиадзинского католикоса, на эту кафедру воссел архиепископ Гукас (Лука), *избранный только эчмиадзинским духовенством*. Константинопольский армянский патриарх Захария запротестовал. Гукас писал ему нежные послания, а тем временем константинопольская армянская община выхлопотала у турецкого правительства *смещение Захарии*. Торопливость Гукаса... объясняется тем, что понадобилось избежать избрания на эчмиадзинский престол Израэля, патриарха агванского (гандзасарский монастырь близ гор. Шуши). Речь шла о том, чтобы нанести удар обособлявшемуся агванскому патриархату и

установить *теократическое единодержавие*. В этом, по неосведомленности или продажности действовавших служилых людей, его поддерживали и турецкое, и русское правительства с трогательным единодушием, хотя интересы их были противоположны. Наш посланник в Константинополе Томара сочувственно доносил правительству в (с. 74) 1801 г., что Гукас стремился «*восстановить свою нацию помощью России*». Агванский патриархат, *в угоду зарубежному католикосу*, был сперва крайне стеснен, а затем, по присоединении Карабаха и Ганджи к России, — незаметно упразднен, *эскамотирован*. Оказалось, что *наши политики менее дальновидны, чем даже турки*, догадавшиеся в своих пределах поддержать независимость патриархатов *Сисского* и *Ахтамарского* от «католикоса всех армян»...

С. 75 ...По туркменчайскому трактату в состав России вошел Эчмиадзин и католикос оставлен на правах вселенского патриарха всех армян... в русских пределах оказалось теократическое *государство в государстве*, фактически недоступное контролю и обладающее огромным авторитетом в глазах своей «политической паствы». При Паскевиче был послан в Персию полковник Лазарев для приглашения армян, которые перешли в Закавказье в числе, примерно, 40.000 душ. Эчмиадзинский патриарх тоже участвовал в этой комбинации: велел переселиться из Персии армянским священникам, за которыми вслед пошла и паства. По Адрианопольскому миру мы получили более 100,000 турецких армян; один эрзерумский архиепископ Карапет привел до 70,000. С той поры постепенное переселение армян из мусульманских государств в Россию шло *непрерывно*, то еле заметною струйкой, то, как за последние несколько лет, *широким, стремительным потоком*. Теперь, когда более или менее ясно, к каким результатам привело стремление кавказских администраторов привлечь побольше армян, немудрено вспомнить малорусскую поговорку: «купив соби биду, тай за свои гроши...»

С. 76 — Масса армянского населения, пожалуй, подумывала в Турции и Персии об автономии; перейдя же в пределы могущественной России и притом в Закавказье, довольно рационально тогда управлявшееся, армянский народ первое время не поддавался нелепым бредням. Он отдыхал от тяжких испытаний, богател и незаметно подготавливал для себя сперва экономическую почву. Бунтовать же, например, при Ермолове, было бы не очень удобно...

С. 77 — То, что автор «Обозрения Гроссийских владений за Кавказом», СПб, 1836, стр. 197—199] называет «*бесхарактерностью*» армян, точнее назвать *умением по внешности ассимилироваться*, воспринимать чужие имена, одежды и обычаи. В Грузии масса армян приняла фамилии с окончанием на «швили», в мусульманских провинциях появились Юсуф-беки, Кара-беки, Ибрагим-ханы и тому подобные прикрытые армяне; в России появились не только имена с армянским корнем и русским окончанием, но даже Красильниковы, Сапожниковы, Лисицины, Сергеевы, Ионовы...

С. 78 — Ассимиляция, как впоследствии оказалось, *была весьма поверхностной и временною*. Армянство держало за пазухой камень обособления, и этот камень рос, сперва незаметно, а на вторую половину XIX века — с наглядною, головокружительною быстротою...

С. 80 — ...*Правовой порядок, уместный там, где сильно развита гражданственность и самостоятельность всех слоев и категорий на-*

селения, явился вопиюще нелепостью в Закавказье, и предал всех и все в руки армян, которые одни обладали чертами характера, необходимыми для победы при буржуазно-правовом строе. Не будет преувеличением сказать, что эти черты развиты в них до уродства. В силу исторической привычки к подпольным организациям, они умеют, почти без уговора, соединяться в кружки, дисциплинироваться, организовать стачки и маленькие экономические и иные заговоры против всех прочих обывателей...

С. 81 — Цензура, которой по закону надо быть объективной в племенном вопросе, нередко более чем наглядно мирволила армянам!..

С. 82 — Расовая «терпимость» цензуры не помешала ей, однако, разрешить тифлисскому уличному листку пошлый *пасквиль на Магомета*. Какой-то местный наемный разбойник пера написал, что *Магомета силой толкнули в ад*. Написано это было незря, а с явной целью вызвать беспорядки. На площадях и базарах, в день выхода этого номера, представители армянской черни, как-то сразу осведомленные, дразнили этой статьей местных мусульман. Возбуждение последних дошло до такой степени, что местами люди хватились уже за кинжалы; начальник края был в отъезде, и высшие представители мусульманского духовенства заявили его помощнику, что не отвечают за спокойствие паствы.

Только благодаря последнему обстоятельству, цензура позволила мне дать очень резкую отповедь негодяю, бессмысленно бросавшему в толпу грубые издевательства над чужой верой.

Для характеристики положения вещей добавлю, что автором статьи был деморализованный от бедности грузинский дворянин, прервавший свою «литературную» карьеру тем, что убил человека из засады, не поделив с ним какой-то свиньи. Армяне—плутократы прикармливают таких людей и, так как их интеллигенция к писательству неспособна, то они широко пользуются услугами продажных инopleмeнников, в том числе местных и столичных русских.

С. 106 — Среди непрошенных опекунов армянского народа мечта о создании *автономного «царства»*, и притом *именно в русских пределах*, не гаснет, а все *разгорается*. В Турции не было территории — и она искусственно создается в Закавказье. Десятки тысяч турецких эмигрантов вторгаются в наши пределы, а наши воины не решаются стрелять в эти «мирные» шайки, потому что армяне выдвигают вперед женщин и детей. Никаких турецких «зверств» нет и в помине, а турецкое правительство не принимает обратно беглецов... Закавказские армяне — простолюдины, нравы которых сравнительно умягчились за несколько десятилетий пребывания в России, считают приход турецких сородичей *великим бедствием*. Людям нужна земля — и все, что есть на Кавказе и в русских столицах доступного армянским воздействиям, предназначает эту землю армянам и *противится* русской колонизации, даже не взирая на то, что начальник края, с Высочайшего соизволения, открыто включил ее в свою программу.

На нашем языке противиться — значит возражать: на Кавказе же у этого слова значение страшное, дикое, заставляющее волосы становиться дыбом. После нескольких лет всяческого вдумывания в духоборческий вопрос и собирания фактов из первоисточника, и пришел, так сказать, всеми силами души к выводу, что *начало*

духоборческого мартиролога, безумия и гибели явилась именно армянская интрига, имевшая целью переселение турецких армян на их земли. Преступления одних служилых людей и ошибки других, сентиментально-бесчеловечные бредни толстовщины (с. 107) и т. д. — все это факторы уже последующие, а не основные. К счастью, эта цель армянской политики была достигнута лишь в малой мере, посредством захватов и иных обходных путей.

Что такое значит по-армянски «противиться», про то знают жители погибшего русского поселка в Тертере, Елисаветпольской губернии. Эта страшная эпопея будет подробно изложена ниже, в главе, посвященной русским переселенцам. Рассказ одного из оставшихся в живых переселенцев произвел на слышавших такое впечатление, что все ужасы турецкой резни бледнеют пред холодной, сатанинской жестокостью «мирных» и «культурных», армян в деле извода русских из территории, завоеванной русской кровью.

Упомянутые политиканы хотят известить также мусульманское население края и испортить репутацию мусульман, чтобы в будущем воспользоваться их землями... В течение многих десятилетий лежат под спудом вопросы об интересах целой группы населения, — и *разумных причин к тому не имеется*. Результаты же видны! *Не трудно догадаться, кто тут орудует!*.. В результате все мусульманское Закавказье уже *опутано армянскими сетями*, как и остальные места, кроме, отчасти, Кутаисской губернии. Армянские миллионеры... скупают за гроши *десятками тысяч десятин* земли грузинских князей, татарских агаларов и захватывают плохо лежащие казенные (с. 108) угодья; а эти угодья доселе нередко очень плохо лежат, отчасти, вследствие неприменимости общеимперских законов к местным условиям.

При этом русских людей продажные русские же публицисты убеждают в том, что армяне представляют на Кавказе единственный мирный и культурный элемент. В Петербурге армянские богачи и их поверенные умеют доказывать это влиятельным классам и, увы, многим представителям печати, нефтяными акциями, вкусными обедами и даже устами специально нанятых для этого красивых дам. Повторяю, и неосведомленность у нас удивительная, почти преступная. Даже в редких русских по направлению изданиях приходится читать, что армяне — «оплот христианства на Востоке», а издания совершенно не-русские по направлению на Кавказе и в столице... доходят до таких геркулесовых столпов подлаживания к армянам, что за человека стыдно и страшно... Когда армяне и их наемные борзописцы пускают в ход привычные для типичной части русской интеллигенции формулы буржуазного либерализма и говорят, например, о *равенстве и братстве всех народов*, то это *ложь, презренная, и плохо скрытая ложь*, которой даже ребенок не поверит, если он честен и понял, в чем дело. Люди, притворяющиеся, что верят армянским либерально-гуманитарным уверениям, — *такие же лжецы*, как и авторы подобных уверений. Стоит только с некоторым вниманием прочесть то, что пишется по армянскому вопросу (с. 109) и присмотреться к кавказским делам, чтобы приведенный вывод признать аксиомой...

С. 114 — ...Стало быть Россия *должна отказаться от основных прин-*

ципов своего строя, чтобы дать дорогу автономному «христианскому Изранлю» до Воронежа, а то и дальше.

С. 115 — ...Бредни армянских политиканов, вероятно, останутся бреднями, ибо никакие революционные авантюры не устоят перед штыком русского солдата. Но неисчислимы экономический и духовный вред, наносимый армянскими вожаками на Кавказе и русскому народно-государственному делу, и самому армянскому населению. Эти вожаки ужасны, — как растлеватели, как микробы социального разложения, как паразиты...

С. 120 — ...Армянам нужны смелые, самоотверженные сатирики, которые имели бы мужество сказать им *всю правду*. Если ее скажет русский человек, то цель достигается лишь в ничтожной мере; армянские политиканы сейчас же начинают кричать о «гонении на армянский народ», недобросовестные служилые люди и продажные публицисты вторят такому крику, опасаясь нелестных для них разоблачений, — и правда загоняется в темный угол... Пусть армянские патриоты (в истинном смысле слова) подумают обо всем этом спокойно, без ложного самолюбия и страха перед своими непрошенными заправилами.

Пусть не отождествляют себя с армянским народом те смутьяны и темные люди, которые не щадят его крови и позорят его имя: тщетно называют они и наемники их «мракобесием» беспристрастное изображение местной жизни.

...С. 172 — В мусульманских провинциях Закавказья, то и дело поговаривают о выселении туземцев в Турцию и Персию, и частичное выселение происходит непрерывно. Вызывают его отчасти эmissары из этих государств, сулящие мусульманам золотые горы, и несклонность воинственных азербайджанцев переходить к новым менее кочевым и более мирным условиям жизни, но не менее виновата в этом и армянская интрига, систематически выталкивающая русскими служилыми руками мусульманское население с насиженных мест, чтобы заменить их пришлыми армянами; виновата в итоге, и неудовлетворительное управление этими провинциями, недостаточно вдумчивое и добросовестное (с. 173) отношение к народу, который жаждет правды и был бы вернейшим слугою сильной, но справедливой власти...

С. 175 — ...Исторические счеты долго помнятся кавказскими и вообще горскими народами. Ясно, что предоставление армянам и грузинам служебных должностей в Дагестане явилось обидой для местного населения, не говоря уже о том, что во всяком крае русское государственное дело должно проводиться русскими людьми при помощи коренных, местных, в тесном смысле слова, лучших туземных сил: грузин в Грузии, азербайджанцев в Карабаге и самих дагестанцев в Дагестане...

Г. М. МАМЕДОВ

«КАИМЕ» БЕДРЕДДИНЗАДЕ АЛИ-БЕЯ
(статья I)

В истории государства Сефевидов первая четверть XVIII в. характеризуется как период упадка некогда могущественной государственности, образованной усилиями тюркских племен в начале XVI столетия.

Критическая ситуация, сложившаяся в стране в рассматриваемый период, диктовала и правительству Османской империи настоятельную потребность в сборе информации о внутривосточном положении государства Сефевидов.

В свете неотложной необходимости в сведениях о государстве Сефевидов и появился представляемый вниманию читателей перевод «Каиме» Бедреддинзаде Али-бея.

Автор «Каиме», судя по его сообщениям, в момент, когда было решено отправить его в государство Сефевидов, находился на посту мирливы санджака Зарушад Каресского эялета. Выбор остановился на Бедреддинзаде Али-бее не только потому, что он был «знаком со страной Аджемов», видимо османов удовлетворяли и личные качества Али-бея как разведчика, который, находясь впоследствии в государстве Сефевидов, оправдал их надежды.

Способности Бедреддинзаде Али-бея как разведчика проявились в том, что среди бесконечного мира явлений он сумел для анализа отобрать те из них, которые были связаны со стратегическими интересами Османской империи. Этот интерес явился нитью, которая не дала автору заблудиться среди фактов и событий, имевших место в государстве Сефевидов в рассматриваемый отрезок времени.

Рассматривая «Каиме» как ценный источник по истории государства Сефевидов, необходимо отметить, что автор, судя по его высказываниям, не претендует на роль ученого-историка, написавшего специальную работу по истории соседнего государства. Бедреддинзаде Али-бея интересует не столько история страны, а сколько текущие события, которые он старается анализировать, разумеется в силу своих возможностей, через призму стратегических интересов своего государства.

Автор «Каиме» не профессиональный историк. Но мы имеем дело с работой личности, который разглядел в глубине происходивших явлений то, что стало очевидным спустя много лет, особенно в первые годы османских и русских завоеваний.

«Каиме» Бедреддинзаде Али-бея — это донесение, подготовленное по поручению Дивана, возглавляемого в этот период великим везирем. И поэтому «Каиме» Бедреддинзаде Али-бея носил характер тайного донесения, оно размножению не подлежало. Этим можно объ-

яснить то, что «Каиме» имеет всего один список, который, несомненно, должен быть автографом.

При переводе, который дается с некоторыми сокращениями, мы пользовались изданием Ф. Челика. По сообщениям издателя единственный список «Каиме» находится в фонде «Турецких рукописей» библиотеки Стамбульского Университета (№ 478) [1].

ПЕРЕВОД

О причинах восстаний племен и войн и прочих событий, случившихся в стране Аджемов с 1017 [1705] г. х. вплоть до благополучной и удачной новолуний 1035 [1723] г. х.

Ввиду того, что мы были знакомы (со страной Аджемов) — она была пригранична к нашему санджаку — и располагали достаточным временем, мы по заданию прибыли в эти края, пробыли там в течение долгого времени и тщательно все изучая, обо всем опрошенном делали [необходимые] записи.

Повествуемые в «Каиме» события, охватившие большинство областей страны с первых дней [нашего пребывания в стране Аджемов] и [продолжающиеся] по сей день, написаны на основе убедительных сведений, полученных у проживающих здесь мусульман-суннитов, странствующих купцов и торговцев, достоверных слов доверенных лиц и тех должностных лиц Аджемов, которые проявляли смиренность, чистосердечность и симпатию к нам, и всегда готовы были [перейти на нашу сторону] как во время наших походов, так и в мирное время.

Крепость по названию Кандахар, ранее входившая во владения правителя страны Иран и Азербайджан, сбившегося с правильного пути шаха Султан Хусейна, не имеет себе подобия в сильных укреплениях и имеет внутри крепостных стен пригодные к возделыванию земли и пастбища.

Так как рассудительным [кызылбашам] ставшим скверными [под влиянием] вероотступничества, было неприемлемо изречение «Да упаси нас Аллах, сбереги и защити! Он удерживает мерзости, гнусного и преступления» [2], то не имеющий себе подобия, почтеннейший Господь бог ниспослал высочайшее изречение «Поистине, религия перед Аллахом — ислам», «Скажи: «О Боже, царь царства! Ты даруешь власть кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь» [3], из смысла которого вытекала предвечная воля матери верующих, Искренних Женщин и Чистосердечных четырех друзей о совершении их (кызылбашей) мести.

Когда Эль-Хадж Мир Увейс, глава проживающего между Хиндом и Аджемом кочевого племени из суннитов и ханафитов [4], по названию Агван- и Сулейман [5] находился в Священном Хадждже [6], его племя подверглось притеснениям и нападениям. По возвращению [Мир Увейс] проявил свою тайную и врожденную религиозную вражду и пыл, явился со своим племенем в четыре тысячи дымов и разбил шатры в окрестностях упомянутой крепости [Кандахар].

Пригласил к себе [Мир Увейс] главу крепостного гарнизона, грузина по происхождению Георги Мехмед-хана, сына Шехневаза из Тифлиса, в середине ночи убил его, уничтожил его подчиненных, помощников, слуг, приближенных, и проникнув в крепость, истребил находящихся там грузин и непристойных вероотступников, захватил

упомянутую крепость, очистил ее от гнусных шиитов и оставил там около четырех тысяч газы — храбрых львов.

На следующий год вновь беспомощный шах отправил [на крепость Кандахар] брата убитого Георгия, грузина по имени Кейхусказной, арсеналом и огромным количеством необходимого для похода снаряжением. Тот отправился в назначенную сторону, проявил, по его мнению, большое усилие и рвение, семь месяцев держал крепость в осаде, и никак не добивался победы. И когда [Кейхусрев] был охвачен желанием отомстить за убитого брата — безбожника, Господь Всевышний раскрыл сокровенную мысль: «Оно священное себе равных и товарищей», «Аллах—славен и владыка мести» [7].

Упомянутый Мир [Увейс] сообщив ему [Кейхусреву], что «я отдам тебе крепость», обманул его, а Кейхусрев же поверив [Мир Увейсу], приступил к заготовке боеприпасов, с устроченными [иллюзиями], потихоньку отправился в сторону крепости [Кандахар]. А Мир [Увейс] вылетел из крепости подобно невидимой молнии, и как истинный лев, не оставив в покое скопище собак вероотступников, напал на них, вырубив безжалостной мечью вышеназванного сипехсала и прочих ханов и знатных лиц, большинство воинов; уцелевших заковал в цепи, а всю армию, казну, арсенал, провизию, выючный скот, пленных, ягнят, верблюдов, мул и шатры получил как трофей. Судя по списку (дефтер), воинов спаслось только семьсот людей, которые и известили шаха о постигшей их неудаче.

В двадцатом первом (1709) году, безутешный шах отправил вновь [против Мир Увейса] Мухаммед Заман-хана, семерых ханов, должностных лиц во всеоружии в сопровождении такого же количества поклоняющихся дьяволу воинов. Те же, начав бой, были разгромлены, большинство [воинов] нашли свою смерть обнаженными мечами, и после того, как вся армия была расстроена и окружена, упомянутый Мухаммед Заман, прося пощады жалобным голосом, перешел на его (Мир Увейса) сторону, стал подчиняться [Мир Увейсу] и повиноваться его приказам.

Во время этих событий упомянутый Мир [Увейс] захватил большую казну, огромное количество имущества, крепости, крупные сооружения, каза [8] и нахийе [9], подведомственных упомянутой крепости, бесчисленное количество людей, вступил на стезю правителя, взялся за царствование и стал чеканить дирхемы и динары с элькабом «[Отчеканено] в ставке Кандахар. Справедливый хан, шах Вселенной, достославный Мир Увейс».

[Мир Увейс] захватил все деревни, находящиеся по ту сторону своих владений, [а также] расположенные вокруг нахийе. Однако благоустройству их не проявил желание и [придерживаясь] мнения, что эти местности не граничат [с землями] Аджемов и что [мол] всякое движение здесь прекратилось, [Мир Увейс] привел в полный беспорядок [эти места] и ушел, оставив их таковыми и по сей день.

«Им—из геены ложа, а над ними — покрывала» [10] — таково было состояние распутных кызылбашей, которые после этой яростной и беспощадной атаки [Мир Увейса] еще больше проявляя свою неуместную боязнь, чувствуя немощь, и испытывая страх в сердцах,

покинули захваченные упомянутым Мир [Увейсом] края, и прекратили споры.

И в то время, когда они (кызылбаши) были оставлены в покое, упомянутый Мир [Увейс] вняв приятным словам, благосклонно принял [приглашение Аллаха], переселился в загробный мир, оставив преемником благородного дитя Мир Махмуда.

Он же, будучи в расцвете своих сил, стал править страной так, как подобает Махмуду. Наготове были при нем много знамен и войско из около сорока тысяч храбрецов; по правую и левую руку, спереди и сзади выстраивались высокопоставленные военные лица. До конца двадцать девятого (1717) года [Мир Махмуд] покорил Герат, Ирак, Кирпан, Джам, Ленгер, Нишапур, «Кал'а-и Хадия и другие, свыше сорока городов, касаба [11] и паланка [12]. А Мешхед, Шираз и прочие им подобные города он окружил и осадил, но не включил их в свои владения, вычеркнув их захват из своих планов, пощадил [население] этих городов и обязав их договором выплатить определенную сумму [денег], товаров, оружия, прекратил войну.

Ввиду того, что [Мир Махмуд] изо дня в день становился сильнее и выдвинулся в выдающиеся люди, высокие армейские чины из окружения шаха, совершая отступничество, принимали подданство упомянутого Мир (Махмуда) вместе со своими племенами и подчиненными, и до сего времени свою службу связывают с [Мир Махмудом].

В это время, беспомощный шах вызвал к себе сына брата упомянутых Георги и Кейхусрева, нынешнего хана Тифлисского эялета Вахтанга [13], священника, по происхождению из неверных грузин. Посвятил его аджемский шах в шиитскую веру и дал ему кызылбашское имя.

[Шах] уловками, неоднократными просьбами назначил упомянутого Вахтанг-хана главнокомандующим с тем, чтобы тот с целью отомщения за своих дядь пошел войной на Мир Махмуда. Для сбора воинов и заготовок снаряжения [Вахтанг-хан] три года пробыл в Тебризе, потратил огромные средства. Однако не сумев набрать достаточного количества воинов, не осмелился пойти на упомянутого Мир (Махмуда), и ничего не добившись, вернулся в свои края [14].

*
*
*

Во время этих событий султан племени Абдаллы Эседуллах, он же хан страны Луристан, составляющего четвертую часть страны шаха, порвало цепь повиновения, двинулся с пятидесятью тысячами пешими и всадниками, нанес большой ущерб краю Аджемов, захватил неприятельские земли, например, местность по названию Джулха, расположенной в районе стольного города шахов Исфахани. Невозможно описать ночные нападения и [устраиваемые] ими грабежи. Ограбление большого количества шахских кобылиц в той же местности и прочие ущербы были бесконечны.

Эти [события] открыли новую рану в душе шаха-горемыки и [стороны] по сей день ведут бои описанным образом. Однако, упомянутый Эседуллах, не достигнув единогласия с Мир Махмудом, возжелал действовать самостоятельно, не стал подчиняться упомянутому Мир [Махмуду]. Не признал его и после сражения с [Мир Махмудом], за что последний казнил [Эседуллаха], а сына [Эседуллаха] по отцу,

Касымхан-бея [Мир Махмуд] поселил в своей резиденции и ныне, являясь главой [племени Абдаллы] и их командующим, пребывает в здравии и выполняет приказы Мир Махмуда.

А из узбеков, взбунтовало, склонное к грабежам племя по названию Белуджи [15], которые с двумя—тремя тысячами людей всегда грабили окрестности Кашана и Исфахана, проливали много невинной крови и совершали изнасилования. Для того, чтобы покончить с их бесчинством, шахом неоднократно назначались воины. Но подавление их было невозможным: таково положение дел и сейчас. Вследствие этого [шах] стал более грустным, а ноша — более тяжелой.

Во время этих неурядиц в Бахрейне жило племя Имама Хариджи [16], имеющее противоположную шиитской, умеренную доктрину, и не любящее его превосходительства Абу-л-Хасана — да соблаговолит Аллах его достоинством! — и султанов шехидов обеих Хасанов — да будет Аллах доволен ими! Так это племя хариджитов вышло из повиновения, захватило шахские судна, находящиеся в их пристанях и прочие крупные вещи, уничтожив назначенные шахом таможенника и прочих офицеров, поставили шаха в безвыходное положение.

В то время, когда [шах] был беспомощен и бессилен в усмирении бунтовщиков, в тысяча сто двадцать восьмом (1716 г.) году в западной части страны [Аджем] выступили около двух тысяч лезгин из четырех деревень, именуемых Джархар нахийе Тифлис, возглавляемые лезгинами по имени Канлы Шабан и Молла Абдуллах. Три года подряд они не раз совершали ночные нападения на нахийе Тифлис и Гянджу, сжигали дома, насильственно брали драгоценности и украшения монастырей, уводили в рабство женщин и детей, убивали и душили высокопоставленных лиц. А неверные грузины, прославившиеся умелыми стрелками, храбрыми и отважными [несмотря на] неоднократные отпоры [лезгинам] и убийства их, не устояли перед силой [лезгин]. В соответствии с благородным наставлением. «И ведь наше войско, оно-то победоносно» воины-мусульмане, одержали победу, подлые гяуры же были разбиты и прокляты, много высокопоставленных лиц попали в пекло, были смяты ураганным ветром и, оказались под огнем, а отряд лезгин изо дня в день продвигался вперед.

Когда один из шахских должностных лиц Цахурский бей Али Султан, лезгин по происхождению, достиг единения с вышеназванными лезгинами (Канлы Шабан и Молла Абдуллах) стал уважаемым человеком, упомянутый хан Тифлиса, сбившийся с правильного пути Вахтанг и грузинские гяуры, поняв, что долго им не устоять [перед лезгинами], обсудили [этот вопрос] и попросили пощады у вышеупомянутого племени. А названное племя же следуя смыслу [изречения] «Помилование зекят победы», пощадила их. Вплоть до наступления сего благополучного (1135/1722) года, между ними воцарило спокойствие, безопасность и лицемерие. Даже каждый год они (грузины) приглашали к себе лезгинских беев и кетхуда [18], оказывали им уважение и почести, дарили ткани и товары, драгоценные изделия, много красивых одежд, исполняли церемонию установления искренних отношений.

Сколь бы раз шах не приглашал их к себе в ставку и предлагал службу в своей армии, они отклонялись [от предложенного] бессмысленными причинами, ложными словами, неуместными извинениями, поступая по-плутовски, собирались предпринять непристойные действия,

всегда выражали чистосердечие и верность как Вечноблагоденствующей Высочайшей Обители, так и аджемскому [шаху]. Но то, что наш стоящий их сговор и недоброе дело с московитянами, очевиден и сомнения не вызывает, ибо по природе своей упомянутый Вахтанг, происходящий из нечистого рода, был склонен к вероломству и был неблагодарным [человеком]. А об одном из дядей [Вахтанга по отцу] Георги Мехмеде (Мухаммеде) [19], вызвавшем бунт в Кандахаре, говорилось в предыдущей странице. Когда упомянутый [Георги] был ханом в Тифлисе, шах, следуя их дурному обычаю, попросил к себе его (Георги) законную и добродетельную, созданную для изумления жену, упомянутый (Георги), счел за унижение отдать свою жену и бежал из вилаета [Тифлис].

Явился [Георги] в Обитель Ислама, остановился в крепостях Ахысха и Ардахан эялета Чылдыр, был почтен славой Ислама, и взяв в то время себе имя Мехмед, вновь вернулся в страну Кызылбашей. И когда тот принял веру шиитов [здесь] стали утверждать, что «у него однажды было замечено вероломство и никоим образом покоя от него не будет», прогнали его со своих краев и заставили умолкнуть на окраине Ирана, в Кандахаре. Именно в то время из-за его необдуманных действий, возникла смута [в Кандахаре].

А другой дядя [Вахтанга] Арчил-хан [20], который в бытность своим ханом Тифлиса, также, вследствие ссоры, возникшей из-за его жены, бежал [из своей страны], и укрылся в Высочайшей Обители. [Арчил-хану] было передано правление Ачыкбашем (Имеретией) и «подобно вороне в клетке», не будучи уверенным [в себе] бежал в Московию и остался там вплоть до своей смерти. А двое его беспокойных сына до сего времени пребывают у сбившегося с верного пути царя [Петра I]. Договор же упомянутого Вахтанга с московитянами и подданничество восходит к его дяде и осталось в наследство от предков.

Ныне, как было изложено, племя лезгин, став сильной, требовательной, сплоченной, продолжала продвигаться вперед. Для уничтожения лезгин шах разбитой армии собрал сорок тысяч шейтаноподобных воинов, пятерых ханов, правителя Ширвана Хасан Али-хана, военачальников и отправил их с большим снаряжением. Те разбили шатры на широкой равнине между Тифлисом и Гянджой, и когда намеревались разбить лезгин, названному племени стало известно об этом и рано утром они напали на армию красноголовых, убили упомянутых военачальников и прочих ханов и должностных лиц, большинство воинов, а остальных взяли в плен, захватили их армию, все имущество, казну, вещи и скот. Убитых было настолько много, что от зловония трупов через поле боя ни люди, ни дикие животные не могли пройти, птицы не могли пролетать, а люди перестали пользоваться этим коротким путем.

* * *

Невозможно описать огромные имущества и бесчисленное множество добычи, грациозных рабов, стройных девушек и прочих красавиц, драгоценных изделий, материй и товаров, захваченные упомянутым племенем с первого дня выступления и до сего времени.

Сурхай Мустафа-бей Кумыклы и Уцмий Ахмед, султан из Шамхалского вилаета, который находится у подножья горы Албуруз

(Эльбрус), издавна населенной лезгинами, страстно желая присвоить богатую добычу, имеющейся у вышеназванных лиц, и жаждая, обещающего рая лучезарной священной войны (газа), явились со свыше двадцатью тысячами пешими и всадниками из кумыков и прочих лезгин, и лезгинами Джара в эялет Ширван — в благословенную землю, где проживают сунниты — который испокон веков является источником знаний и краем ученых: из этой области распространялись на всю страну знания. Установили они здесь союз и достигли единогласия со здешними мусульманами-суннитами, и неоднократно разрушали деревни злопутных еретиков в эялете, грабили их, убивали должностных лиц, а женщин уводили с родных мест.

Наконец, в [1] 132 году, в пятнадцатый день благословенного месяца реджеб, в ночь благопожелания (23—24 мая 1720 г.) они захватили крепость Шемаху [арестовали] правителя области Хусейн-хана, убили его детей и родственников, полностью ограбили в упомянутом городе постоянные дворы, рынки, дома, дворцы, имущества местных жителей, купцов и торговцев.

В упомянутом эялете, в такой же степени обширной, как [эялет] Эрзерум и подведомственные [ему земли], [Сурхай Мустафа-бей Кумыклы и Уцмий Ахмед, султан] не пощадили просящих помилования шиитов и искоренили их род. А община суннитов хоть и представлена лезгинами, выбрала каим-макамом [21] Эльхадж Давуд-бея, который с давних пор постоянно проживает в нахийе Мюскур, находящегося в районе пристани Ниязова.

Лезгинские беи же [после выбора каим-макама] вернулись со своими людьми в свои края.

И поныне упомянутый Давуд-хан является владыкой Ширвана и правит знатными людьми Джара, а купцы и торговцы, будучи в период его правления в спокойствии и безопасности, идут туда и обратно (т. е. занимаются торговлей — Г. М.).

Но в пятничные дни и праздники в минбарах [22] вне всякого сомнения упоминается высочайшее имя благоденствующего и величественного султана двух материков и двух морей, хакана [23] почтенных, величайшего среди государей и избранных, великолепия лучезарного шарията [24] и сияющего яхонта короны величайшего царства, служителя достопочтенных стран и местностей, блистательных городов и земель, кыблы [25] всей вселенной, михраба [26] благоволения всей общины [мусульман] падишаха — прибежища справедливости и шахеншаха — опоры благоденствия, величественного господина нашего, покорителя мира современности, его превосходительства, бесподобного среди всех себе равных, гази [27] Ахмед-хана. И они просят прощения о верности, изъявляя желание верноподданничества, умоляют о принятии [их под свое покровительство] и желают его осуществления Высочайшей Обителью султаната, опекаемого, из-за вечного его достоинства и чести, Владыкой всего сущего.

Однако, у упомянутого племени являющегося разрушителем и похогого по образу жизни и облику на татар, отсутствует способность захватывать страны, крепости, области, нет конкретного занятия, не существует [определенных] порядков, которые служили бы [для них] руководством в управлении и традиций в царствовании. Вследствие этого им неизвестно право на самостоятельное управление страной.

Они, имея арсенал, военное снаряжение, армию, не осиливают проведение осады где-либо в течение небольшого времени, не способны укомплектовать батальон (табур), прорыть траншеи.

А что касается [обращения их] с вооружением, то они [хорошо] только стреляют из ружья и лука. И большинство лезгин искусные мастера в изготовлении ружей и одежды. У них не хватает пуль и пороха; в тех местах их не достать и за высокую цену. Ввиду того, что над ними взшла, поддерживаемая Всевышним Господом яркая звезда [спасения], то будущее их будет светлым.

«Довольно мне Аллаха, на него полагаются полагающиеся» [28].

После захвата Шемахи, лезгины и сунниты, оставшиеся в вилае Аджем, осадили и город Гянджа; а когда сыновья Цахурского бея Али Султана и двести его людей обнажили мечи и ворвались во внутрь Гянджи, некоторые двуличники, находящиеся среди них, оповестили глав шиитов [о нападении]. Те же, создав укрытия в тайных кварталах [города], некоторое время скрывались в защищенных местах и были наготове. И когда воинство исламское было близко к покорению [города] и вот-вот должны были под азан Мухаммеда — да будет ему мир! — объявить о победе, укрывшиеся шииты разгромили и прогнали их из города.

Когда шииты вновь приступили к заготовкам, на помощь к Гяндже прибыли хан Ревана и прочие ханы с сорока тысячами шиитов. Когда они стали утверждать, что «Гянджу предали сунниты [города], похожие [в измене] на ширванских суннитов», и что они сами намерены грабить некоторые деревни [суннитов], а им устроить поголовное истребление, то сунниты установили единение, вступили в сражение с еретиками, и разбили их, беглецы [шииты] быстро удалились в [свою] армию. А трусы из армии [шиитов], оставив ее бежали в гянджинскую крепость. Находящиеся в крепости сунниты закрыли за ними ворота [крепости], и уничтожили их здесь.

Воины-мусульмане преследовали [отступающую] армию шиитов, разгромили ее, а беглецов повесили.

Раненные и изодранные [шииты] вступили в город Реван и только их хан остался в Гяндже. После этого должностные лица Ревана явились [за ханом] и многочисленной ложью привели его в Реван.

* * *

О положении Гянджи с того времени по сей день ничего не сообщается.

Названные Сурхай и Уцмий и их товарищи, находились у [подножья] горы Албуруз и не смогли явиться в Гянджу из-за множества дел и половодья рек в начале весны. И вот в эти дни Тифлисский хан проявил свое кошунство, коварство и лицемерие, двинулся с огромным количеством гянджинских неверных, и чтобы отомстить за Ширван, пролил кровь суннитов, проживающих в нахийе Барда и Шеки [эялета] Гяндже, ограбил их имущество.

И в это время явились Сурхай и Уцмий. И ввиду того, что те достигли единогласия с Эльхадж Давуд-беем, Вахтанга охватила неуместная боязнь, и тот вернулся обратно и удалился к себе в Тифлис.

После этого между упомянутым Сурхай-беем и Эльхадж Давуд-беем возникла ссора. Когда [Давуд-бей] задумал самому стать пра-

вителем Ширвана, он сказал, что «во время завоевания, на предложение вам [стать правителем], вы отказались, а когда бросили жребий, то оно попало мне, на что вы дали согласие. А теперь такое рассуждение неуместно», и замолчал. И Сурхай-бей ушел в предгорье Албуруза.

Эльхадж Давуд-бей, взяв на этот раз к себе Уцмий Ахмед-бея, совершил со своими воинами поход на степь, известную под названием Муганчелю, находящуюся на Тебризской стороне, и стал победителем под покровительством Всевышнего Аллаха.

Проживающие в упомянутой степи все туркменские племена в двадцать—тридцать тысяч шатров, которые переселились сюда изстари с Богохранимой страны, приняли подданство Давуд-бея и проявили ему большое доверие. А [Давуд-бей] назначил им правителя и таким образом завладел [он] этими местами.

А когда [Давуд-бей] с этих мест совершил, призывающий к порядку, поход на Ардебиль, сунниты [Мугани], кетхуда и главы [племен] изъявили повинование, и за семнадцать дней захватили Ардебиль, уничтожили шиитов, разграбили [город], взяли бесчисленное множество добычи. [Давуд-бей же], назначив кайм-макамом муганского келентера [29] упомянутого Ахмед-хана, а ученого человека по имени Абд-ар-реззак-эфенди-муфтием [30] и кадием, вернулся обратно.

* * *

Крепость [города] Демир-капу — Дербент, часть которой основана Искендером, а другая — Анушированом, расположена на берегу Хазарского моря в районе Гюльзюма, что у самой границы Ширвана, и имеет прямоугольную форму. Внутри [крепости] и поныне проживает около пяти тысяч семей и имеются свободные земли, позволяющие вместить столько же семей, а также пятьдесят шесть пушек, прочих вооружений и другие необходимости, оставшиеся со времени основания [крепости]. А на одной из больших пушек даже написано:

«Я одет в саван,
так стану ли я бояться врага?
Эй враг, остерегись меня
Я извергаю огонь» [31].

На [Дербендской] стороне находится также крепость Бадку, где имеется белая и черная нефть. Что касается пушек, вооружений, снаряжений, то они имеются и в данной крепости. Возле [крепости] имеются пристани и порты.

А порт Ниязова находится около этих [крепостей], но ввиду того, что [Ниязова] не имеет крепости, сунниты захватили его. Хотя большинство жителей в упомянутых крепостях [имеется в виду Дербент и Баку — Г. М.] являются суннитами, но, вследствие того, что [эти крепости] находятся в руках кызылбашей, [Хаджи Давуд] отправил своего сына Сулейман-бея на окончательный захват окрестностей [этих крепостей] и их самих, то жители упомянутых крепостей, стали просить его: «С давних времен мы с вами были соседями и в течение того же времени у нас с вами были дружеские связи, а [потому] мы не станем возражать сдаче упомянутых крепостей. Однако, сдача [крепостей] без боя несовместима с [нашей] честью и мужеством.

Вместе с тем у нас есть опасение, что после окончания [битвы] нам придется перенести тяготы. А если и будет битва, нас постигнут еще большие трудности. Битва эта добрососедству нашему нанесет ущерб, от этого и вам пользы не будет. Но пусть захват этой крепости будет повременен за счет захвата Ардебилья. Захватите его (Ардебиль) — эти крепости к вашим услугам».

Упомянутый Сулейман-бей попросил разрешения у отца [на возвращение], и тот разрешил ему, а [Сулейман-бей] в соответствии с данным указом покинул [эти места].

Захватил [Хаджи Давуд] каза, нахйе, города и касаб, находящиеся в окрестностях Гянджи, разрушил большинство местностей, только Гяндже остался в руках красных. А те взяли с собой своих жен, имущества, ушли в высокие горы и к влиятельным лицам, и укрылись. И только должностные лица вели себя покорно, и оглядываясь по сторонам грустным взором, становились безмолвными и ошеломленными.

Двумя обстоятельствами было вызвано то, почему до нынешнего времени они [Хаджи Давуд и Сурхай] не захватили Гянджу. Одна — эта ссора между Сурхаем и Хаджи Давудом. Второе, утверждая, что «если такой очаровательный город как Гяндже будет захвачен насильно (т. е. боем), то он, как и прочие местности станет опустошенным и разрушенным», они не изъявили желания [захватить Гянджу]. Однако их намерение, если оно будет предопределено [Всевышним], было таково: если в начале благословенной весны Сурхай-бею вместе с кумыками и многочисленными прочими войсками удастся напасть и захватить Гянджу, и если не возникнут какие-либо препятствия, то он станет правителем [Гянджи]. А если [Сурхай] двинется отсюда в Тифлис и ему удастся осадить и захватить [Тифлис], то он был вознамерен привлечь на свою сторону Уцмий султана (т. е. кайтакского правителя Ахмеда).

А Эльхадж Давуд вместе с войсками-суннитами Ширвана и лезгинами прибыл в Тебриз через вышеупомянутую Муганскую степь, и когда, по воле Аллаха Всевышнего захватил [город], решил собрать вместе всех своих товарищей и готов был направиться в Реван, в Эчмиадзин как принял во внимание, что продовольствия в этот благополучный год у них было мало — в окрестных районах был голод — довольствовались судьбой и вернулись обратно.

А Сурхай обосновался в местности под названием Табасаран, а Эльхадж Давуд — в Шемахе.

* * *

Аджемы, вследствие чрезмерного бессилия, были разгромлены; о чести и славе же названия «кызылбаш» стали забывать, «словно оно исчезло и забыто», и разговоры о них вовсе прекратились.

И до сего времени у них как с агванами, так и лезгинами и прочими было много войн, но ни разу ни одна из них не увенчалась успехом; всегда они терпели поражения, были отвергнуты [Аллахом] и осуждены. Не вызывает сомнения, что, если кто-либо из правителей, султанов, глав ополчений и не будут бунтовать, то они (кызылбаши) не в

силах ответить им, а в случае выступления сильного врага теряются, не умея оказать ему и малейшего сопротивления.

В настоящее время повсюду в стране свирепствует голод, среди [кызылбашей] участилось и стало очевидной лицемерие, и друг другу не дают покоя. То, что они по вышеизложенным обстоятельствам не способны отразить атаки сильного врага, ясно как день, очевидно всем. А сами они исключают из своих помыслов думу о войне, и заботятся об иждивенцах и имуществе и говоря: «Так у кого же нам укрыться, у кого найти убежище?», дрожат и находясь в объятиях волнения, ошеломлены и стали трепещущими подобно осенним листьям. По воле Господа бога они в такой нелепой степени трусливы, что их нельзя сравнить даже с толпой женщин.

И то, что они до сего времени не напали на земли Высочайшей [Обители] Благополучия, и не осмелились совершать гнусность и причинять ущерб, [объясняется] не тем, что они не хотят выглядеть виновными в нарушении договора [32]. Несомненно это из-за того, что они чрезмерно слабы и не могут набрать силу, вследствие отсутствия у них достаточного ума.

Если обратить внимание на действительное положение дела, то не секрет, что в дни постигших их неудач и во времена их униженного положения, [они] обращались за помощью к неверным и грешным, [не желали] поддержки прибежища мира — Высочайшего Порога из-за их недоверия к людям Ислама. Отсюда становится очевидным, что они не стремятся соблюдать договор и старую искреннюю дружбу. [Наши отношения] неоднократно обсуждались должностными и высокопоставленными лицами, о которых они говорили: «Если примем подданство неверных, они не станут вмешиваться в дела нашей религии и посягать на наши края, деревни и райа. Но, с вами (османами) у нас старая религиозная вражда и по той причине, что неприязнь между нами продолжается, на случай принятия нами вашего подданства, вы нас оставите в тяжелом положении, религию нашу запрете, присвоите все наши доходы, захватите наши земли и края, а нас превратите в своих райятов». Они-то вот и в плену этих соображений.

Перейдем к событиям об агванах, о которых мы писали выше.

В [1] 132 (1720) году шах, обреченный на неудачу неизлечимый страдалец, собрал все силы, заготовил большое количество боеприпасов и провиант, назначил Тюрк-оглу Сефикули-хана командующим свыше семидесяти тысяч нестойких и обреченных на гибель воинов, и послал на войну с Мир Махмудом.

Рано утром, во время азана Мухаммеда [33], когда они двигались со своими полками, внезапно столкнулись с войсками Мир Махмуда, сражались в течение трех часов. И по устоявшейся традиции шииты вновь были разбиты, командующий их (Сефикули-хан) был казнен, армия захвачена, воины были взяты в плен. Шах, прибежище неудачи, двинулся сам лично из Исфахана, явился в их дар-ус-сефер Казвин, поселился там и предавался грезам. И истолковывая к добру увиденные им запутанные сны, он (шах) вновь приступил к приготовлениям, словно только что воссел на шахский престол: «Ну что из себя представляет этот Мир Махмуд? Клянусь шахским мужеством мне следует в этом году уничтожить его вместе со своими войсками, опорочить его славу и не оставить и следа о его достоинстве». И когда под влиянием

матери преступлений — вина и опиума, к которым он пристрастился, [шах] стал наркоманом и под влиянием опиума занимался пустословием и на лице были видны их [следы], то недимы [34] стали одобрять его слова, а некоторые, клеветничая, говорили: «О шах, как сказано в изречении «Ваш покровитель — только Аллах» [35], вы происходите из благородного рода являетесь достойным потомком Шейха Сефи, и никто не сможет одержать победу над вами. Но ваш этимад-уд-довлэ, лезгин по происхождению Сефикули, в настоящее время сговорился с взбунтовавшимися в Шемахе лезгинами и охвачен непреодолимым желанием сесть на ваш трон. Они [лезгины] продвигаются сюда с тех мест, а он сам [Сефикули] хочет убить вас, и окружив себя ими [лезгинами] намерен стать шахом Ирана и Азербайджана!».

А шах поддерживал их: «Вы говорите правду», и как в анекдотах Ходжи Насреддина, поверив лжи, велел выколоть неподобные глаза этимад-уд-довлэ, и сказал: «Шахский хлеб ослепил твои глаза». Обвиняя в нечестности упомянутого хана, и успокаивая беспокойное сердце, [шах] свел на нет [истерзающую его] душу боль.

Примечания

¹ Karsli Bedreddinzade Alibeğ. H. 1117—1135 (1705—1723). Hazirlayan Dr. F. Celik. — «Erzurum—Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi ARAŞTIRMA dergisi, 1976, № 7, s. 89—170.

² Коран, XVI, 90.

³ Коран, III, 19, 26.

⁴ Ханафит — последователь одной из четырех религиозно-правовых школ в ортодоксальном исламе (суннизме).

⁵ Племя «агван», по сведениям Т. Крусинского/ (Tarih-i seyyah der beyan-i zuhür-i Ağvaniyan. Kastantiniyye, 1142/1729) в конце XIV в., в период правления Тимура было переселено из междуречья рек Куры и Аракс в Восточный Иран. Примечание издателя, с. 106.

⁶ Хадж — паломничество мусульман в Мекку к храму Каабе.

⁷ Коран, XIV, 47.

⁸ Каза — судебно-административная единица, являющаяся местом пребывания кадия. (Аграрный строй Османской империи в XV—XVII вв. Документы и материалы. Составление, перевод и комментарии А. С. Тверитиновой. — М., 1963, с. 202).

⁹ Нахийе — судебно-административная единица, находившаяся в подчинении каза (Аграрный строй..., с. 208).

¹⁰ Коран, VII, 41.

¹¹ Касаба — небольшой городок.

¹² Паланка — деревянное укрепление, обнесенное рвом, земляным валом и бревенчатым частоколом (см. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Перевод и комментарии, вып. I. Земли Молдавии и Украины. — М., 1961, с. 286).

¹³ Вахтанг — правитель Картли Вахтанг VI (1703—1709, 1711—1714, 1719—1750). Примечание издателя, с. 108.

¹⁴ По мнению Дж. Ханвея, современника Бедреддинзаде Али-бея, Вахтанг VI отказался в 1722 г. выступить в поход против афганцев вследствие того, что шах в 1721 г. помешал Вахтангу VI покарать дагестанских феодалов, систематически грабивших Грузию. (Т. С. Кутелия. Грузия и Сефевидский Иран/по данным нумизматики/. — Тб., 1979, с. 106).

¹⁵ Белуджи — ираноязычное племя. Бедреддинзаде Али-бей, видимо имеет в виду то, что белуджи в рассматриваемый период входили в конфедерацию тюркских племен, которую возглавляли узбеки.

¹⁶ Хариджиты — последователи самой ранней в исламе религиозно-политической партии, образовавшейся в ходе борьбы за власть в халифате между сторонниками Али ибн Талиба и Муавии. (Ислам. Краткий справочник. — М., 1983, с. 116—117. Далее Ислам...).

¹⁷ Коран, XXXVII, 173.

¹⁸ Кетхуда — здесь: помощник бея племени.

¹⁹ Георги—Георги XI — царь Картли, правитель Кандахара и Кермана.

²⁰ Арчил-хан, он же Ираклий I (1688—1703 г.). — Прим. издателя, с. 111.

²¹ Канм-макам — так в Османской империи называли государственных сановников, которые исполняли обязанности великого везира, находящегося в действующей армии. Здесь же автор «Канме» применил этот термин к Хаджи Давуду, видимо, с учетом событий более позднего времени, когда в 1722 г. Ширван во главе с Хаджи Давудом был принят в Османский протекторат. Хаджи Давуд, получивший от османского султана Ахмеда III (1703—1730 г.) титул трехбунчужного паши, должность бейлербея, становился, таким образом, исполнителем решений Дивана, возглавляемого великим везирем. Если добавить, что в Османской империи в XVI—XVIII вв., в соответствии с традициями управления страной, бейлербей являлся рассматривался как глава местного аппарата управления, выполнявший поручения великого везира, и одновременно, отчитывающийся перед великим везирем о проделанной работе, то, бесспорно, что бейлербей был помощником великого везира в эялете. Именно в значении «помощника» великого везира употребил Бедреддинзаде Али-бей слово «канм-макам» применительно к Хаджи Давуду.

²² Минбар — кафедра в мечети.

²³ Хакан — так называли правителей у тюркских народов.

²⁴ Шарнат — правовой кодекс мусульман.

²⁵ Кыбла — сторона, куда обращаются лицом во время молитвы, направление к Каабе.

²⁶ Михраб — ниша в мечети.

²⁷ Гази — борец за веру (за ислам).

²⁸ Коран, XXXIX, 28.

²⁹ Келентер — здесь: старшина племени.

³⁰ Муфти — высшее духовное лицо, являющееся религиозно-юридическим авторитетом по вопросам применения шарната, высказывающее свое мнение в фетве.

³¹ Эти два бейта в «Канме» даны на персидском языке.

³² Имеется ввиду договор между Османской империей и государством Сефевидов 1639 г.

³³ Азан — призыв к молитве, провозглашаемый муэдзином, служителем мечети.

³⁴ Недимы — приближенные шаха, в обязанность которых входило развлекать его особу занимательными беседами.

³⁵ Коран, V, 55.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

МЕМОУАРЫ РУССКОГО ОФИЦЕРА

В архиве Отдела изучения военной истории и стратегии Генерального штаба Турецкой республики (Шкаф Первой мировой войны, полка 401, дело 1578, л. 1—24, 1—67) хранится «Очерк положения 2-го Эрзерумского Крепостного артиллерийского полка со дня его формирования и до занятия Эрзерума турецкими войсками 27 февраля/12 марта 1918 года», написанный 16/29 апреля 1918 г. взятым в Эрзеруме в плен подполковником царской службы Твердохлебовым, исполнявшим должность начальника артиллерии укрепленной позиции Эрзерума и Деве-Бойну и командира 2-го Эрзерумского Крепостного артиллерийского полка (необходимо заметить, что в этом и других архивах Турции хранятся многочисленные интересные для нашей истории и историографии подлинные документы на русском языке).

«Очерки» подполковника Твердохлебова очень интересный документ и мы сочли необходимой его публикацию, сохраняя стиль и манеру написания.

Редколлегия

О черк

положения 2-го Эрзерумского Крепостного артиллерийского полка со дня его сформирования и до занятия Эрзерума турецкими войсками 27 февраля/12 марта 1918 года

(л. 1—24) В половине декабря 1917 года Кавказская русская армия ушла самовольно с фронта без разрешения и согласия Командующего армией и Главнокомандующего.

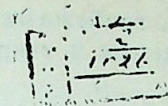
Вместе с армией ушел и Эрзерумский крепостной артиллерийский полк. Из Эрзерумской артиллерии остались одни офицеры управления артиллерии укрепленной позиции Эрзерума и Деве-Бойну и около 40 офицеров от ушедшего артиллерийского полка.

Эти офицеры остались по долгу службы при своих пушках, брошенных русскими солдатами. Остальные офицеры ушли. Пушек осталось на укрепленной позиции свыше четырехсот штук. Сил для вывода пушек не было, пушки были таким образом привязаны к позиции, а офицеры по долгу совести и службы были привязаны к пушкам и остались ожидать когда им Командующий армией прикажет уйти или даст новых солдат.

Одновременно с уходом первого полка вместо него был сформирован из оставшихся офицеров 2-й Эрзерумский крепостной артиллерийский полк.

С уходом с фронта армии — в Эрзеруме составил революционным путем армянский союз, назвавший себя «союзом армян-воинов». Этот союз дал тогда Командующему армией для нового артиллерийского полка около 400 совершенно необученных армян. Часть этих людей сейчас-же разбежалась, а остальных хватило только для занятия караулов и для охраны батарей позиции.

Несколько ранее ухода с фронта армии, а именно, когда на се-

О черк

положения 2-го Эрзерумского Крепостного артиллерийского полка со дня его сформирования и до занятия Эрзерума турецкими войсками 27 февраля/12 марта 1918 года.

Рис. 1.

верном Кавказе началась гражданская война и Закавказье оказалось отрезанным от России, в Тифлисе образовалось временное правительство, назвавшее себя Закавказским Комиссариатом. (л. 1—25) Комиссариат этот объявил, что он не представляет из себя отдельного самостоятельного правительства, а только заменяет собой временно центральную Российскую власть впредь до восстановления порядка и что Закавказье продолжает оставаться частью России.

Декретом от 18 декабря 1917 г. Комиссариат объявил, что вместо ушедшей армии будет сформирована новая армия; в основу формирования клался национальный признак; должны были быть сформированы корпуса — русский, грузинский, армянский, мусульманский и части войск от других, мелких национальностей — греческие, айсорские, осетинские и другие.

До выяснения вопроса к каким из национальных войск должна быть отнесена артиллерия укрепленной позиции Эрзерума и Деве-Бойну — артиллерия эта оставалась смешанной. Командный состав был почти весь русский, а солдаты были армяне. Начальник артиллерии, Командир полка и основной офицерский кадр были русские и потому никто не мог считать эту артиллерию армянской. Приказа о том, что эта артиллерия армянская никто не отдавал; она продолжала носить свое прежнее русское название. Все мы служили в ней, как в Российской артиллерии, содержание получали из Российского казначейства, подчинялись Российским Командующему армией и Главнокомандующему, при полку имели церковь русскую, а не армянскую и русского священника.

Прошло уже почти два месяца со времени ухода русских войск. За это время пополнения не прибывали, войска других национальностей тоже не пришли в Эрзерум. Дисциплина в полку не создавалась,

солдаты продолжали дезертировать, занимались грабежами (л. 1—26) мирного населения и уже стали угрожать офицерам и открыто не поинноваться им.

Начальником гарнизона города Эрзерума был назначен полковник Торком; как я слышал — он болгарский армянин.

Около половины января этого года несколько солдат одной из армянских пехотных частей устроили ночью грабеж дома одного из именитых и весьма уважаемых турецких граждан города Эрзерума и убили этого жителя; фамилии убитого турка я не помню.

Командующий армией Генерал Одишелидзе собрал к себе всех командиров отдельных частей и резко потребовал, чтобы убийцы были бы найдены в трехдневный срок; при этом он сказал офицерам армянам, что такие поступки солдат армян позорят весь армянский народ и что честь армянского народа требует отыскать виновных; вместе с тем он потребовал, чтобы решительно были бы прекращены всякие бесчинства и насилия, иначе он будет вынужден раздать мусульманскому населению оружие для самозащиты. Полковник Торком обидчиво ответил, что весь армянский народ вовсе не таков, что несколько негодяев грабителей не должны приниматься за весь народ и не могут служить упреком для чести всего народа.

Командиры частей просили Командующего армией ввести дисциплинарный устав, полевой суд и смертную казнь. Командующий армией ответил, что не в его власти сделать последнее, а об установлении дисциплинарного устава он уже возбудил ходатайство.

Нашли убийц или нет — я не знаю.

(л. 1—27) В конце января, если не ошибаюсь — 25 числа, полковник Торком устроил парад войскам гарнизона с торжественным молебном и салютом в 21 пушечный выстрел; он объяснял это необходимостью поддерживать дух гарнизона и показать жителям города силу гарнизона. На параде, в присутствии Командующего армией Генерала Одишелидзе, он прочел по записке на армянском языке какую-то речь, которой мы, конечно, не зная языка, не поняли вовсе.

Оказалось, что в этой речи полковник Торком, как мне говорили, провозгласил автономию Армении, а себя царствующим правителем ее. Командующий армией, узнав это, удалил его вон из Эрзерума. Из этого мы поняли, что власти не допускают и мысли о какой-бы то ни было самостоятельности армян. Не раз я слышал, как армянские руководители получали разъяснения от чинов Штаба Командующего армией о том, что все имущество, которое принято армянами от русской армии во всевозможных складах Эрзерума, его окрестностях и на фронте — вовсе не передано в собственность армянам, а только временно, вследствие отсутствия других войск, сдается им в заведывание и на хранение и сбережение.

Одновременно с этими событиями до нас дошли слухи о том, что в Эрзинджане армяне вырезают мирное население со всевозможными зверствами и затем бегут от наступающих на Эрзинджан турецких войск. По сведениям Командующего армией и по рассказам прибывающих русских офицеров было вырезано до 800 человек турок, а из армян пострадал при турецкой самообороне только один. Стало известно, что в селении Илидже, вблизи Эрзерума, (л. 1—28) тоже вырезаны безоружные мирные жители,

7 февраля, после полудня, я обратил внимание на то, что по улицам милиция и солдаты забирают и увозят куда-то целыми отрядами мужчин турок. Мне, на мои вопросы, объяснили, что это собирают на работы по расчистке железно-дорожного пути, занесенного снегом.

Около трех часов дня мне по телефону один из русских офицеров моего полка — подпоручик Липский — доложил, что в казарме моего полка солдаты армяне схватили шесть человек турок с улицы, загнали их в угол двора, избивают их и, вероятно, кончат убийством. Помочь им он сам не мог, так как солдаты угрожали ему оружием за намерение освободить турок, а бывший там офицер армянин отказался противодействовать солдатам.

Я тотчас собрал ближайших к моей квартире трех русских офицеров и отправился освобождать схваченных турок. Вблизи казармы меня встретили докладывавший мне по телефону офицер и представитель Эрзерумского городского управления г. Ставровский, искавший своего знакомого турка тоже схваченного армянами на улице.

Они сообщили, что солдаты оружием препятствуют им войти во двор казармы. Пошли дальше. Когда мы подходили к казарме — из ворот ее выбежало около двенадцати человек перепуганных турок, разбежавшихся в испуге во все стороны. Одного из них нам удалось задержать, но без переводчика мы не могли опросить его. Во двор казармы я вошел беспрепятственно. Потребовал от солдат указать мне где находятся схваченные на (л. 1—29) улице жители. Мне доложили, что никого из жителей в казарме нет. Начав обыск помещений, я сейчас же обнаружил более семидесяти человек турок, запертых в бане при казарме и страшно перепуганных. Немедленно произвел краткое расследование, арестовал шесть человек солдат, на которых указали почти все, как на руководителей, а всех задержанных турок сейчас же отпустил.

Тут же узнал, что рядом с казармой, на одной из крыш был недавно в этот день убит ружейным выстрелом из казармы неизвестным солдатом армянином нищий, больной, мирный житель безо всякой причины.

К сожалению протокол обо всем этом с именами освобожденных мною жителей пропал вместе со всеми другими бумагами управления артиллерии при взятии Эрзерума 27 февраля турецкими войсками. Кто был там тогда схвачен из жителей — можно установить путем опроса населения, так как я и теперь ежедневно встречаю на улицах города освобожденных мною людей, которые неизменно приносят мне при встречах свою признательность и благодарность за спасение жизни. Знает их и переводчик Али-бей Пепенев, служивший письмоводителем при г. Ставровском, так как он тогда составил списки их для протокола.

Расследование указало на причастность к этому делу прикомандированного от пехоты к артиллерийскому полку офицера армянина прапорщика Карагадаева, который по показаниям освобожденных турок руководил обыском их и забрал себе некоторые отнятые солдатами вещи.

(л. 1—30) Карагадаев был также тогда арестован и посажен на гауптвахту до суда над ним.

Вечером все было доложено Командующему армией в присутствии Комиссара области г. Глотова и помощника его г. Ставровского.

В течение этого дня в городе было совершено армянами несколько одиночных убийств и устроен пожар одного из базаров. Вообще в этот период поступали из разных мест города и его окрестностей сведения об одиночных убийствах армянами безоружных мирных жителей турок. Вблизи укрепления Тафта, по моему приказанию, был арестован и сдан коменданту города армянин солдат, убивший турка.

Жители турки говорили, что из отправленных на работы турок многие не возвращаются вовсе, а куда-то пропадают. Об этом городские старшины докладывали Командующему армией.

На следующий день после освобождения мной схваченных армянами жителей мы, старшие артиллеристы, начальник артиллерии, я и заведующий мобилизационной частью управления артиллерии — подали Командующему армией рапорт с просьбой разрешить всем артиллеристам укрепленной позиции Эрзерума уйти из Эрзерума, так как в боевом отношении мы здесь не могли принести никакой пользы и не были нужны; противодействовать зверствам армян были бессильны, а прикрывать своим именем бесчинства армян вовсе не хотели ни одной минуты.

От Командующего армией мы узнали, что Командующий турецкой армии генерал Вехиб-паша известил его радиотелеграммой о своем распоряжении войскам занять Эрзинджан и двигаться вперед (л. 1—31) по территории, занятой русскими по праву войны, до встречи с русскими войсками, так как армяне зверствуют и вырезают в этих областях мирное турецкое население.

На это движение Закавказский Комиссариат предложил Турции заключить мир. По радиотелеграфу был получен ответ Командующего турецкой армии, что он и его армия с большой радостью приняли предложение мира, но что решение этого вопроса зависит от Турецкого правительства, которому он и представил предложение Закавказского Комиссариата.

По нашей просьбе Командующий армией переговорил по телеграфу с Председателем Комиссариата г. Гегечкори и Главнокомандующим генералом Лебединским. В ответ ими было сообщено, что для установления порядка среди армян высылаются в Эрзерум доктор Завриев и Антраник; что армянскому национальному совету поставлены ультимативные требования прекратить немедленно творящиеся безобразия и у него есть силы для исполнения этого требования; что окончательные указания будут даны по получении окончательного ответа от турецкого правительства о мире, а до тех пор нам оставаться в Эрзеруме. В заключение ими было сказано: «Приносим Вам и всем офицерам глубокую признательность за ваш общий подвиг; мы остаемся в полном убеждении, что Вы и все Ваши сотрудники сделаете еще одно героическое усилие и останетесь на ваших постах, что особенно важно теперь, когда России угрожают новые бедствия».

После этого Командующий армией письменно отдал приказ оставаться всем на своих постах, (л. 1—32) как часовым, что у него слишком много власти и что он, пользуясь своей властью, не даст ни одному из нас погибнуть понапрасну.

Таким образом мы опять остались в Эрзеруме по требованию русских властей и для пользы России. В это время стало известно, что Турецкое правительство согласилось вести с Закавказским Комиссариатом переговоры о мире; местом переговоров назначен Трапезунд, а начало переговоров назначено на 17 февраля.

На словах Командующий армией разъяснил нам, что мы должны оставаться в Эрзеруме до заключения мира, а потом, в зависимости от условий мира, должны будем либо эвакуировать из Эрзерума всю нашу артиллерию со всеми запасами, либо сдать ее на месте турецким войскам, если по условиям мира это нужно будет сделать; в случае же если мир не состоится — мы должны будем взорвать и уничтожить все пушки и уйти из Эрзерума, так как никаких боев под Эрзерумом Командующий армией давать не собирается; о необходимости же сделать это мы будем извещены им за семь дней, при первых признаках наступления регулярных турецких войск.

Вообще же, до окончательного решения так или иначе вопроса о нашем нахождении в Эрзеруме, мы должны будем отбиваться от могущего быть налета на Эрзерум со стороны курдов, так как еще при заключении перемирия Турецкое правительство объявило, что курды ему не повинуются и оно не может принудить их повиноваться.

(л. 1—33) С этой целью еще в конце января, по распоряжению Командующего армией были высланы на этапы по линии Эрзерум—Эрзинджан орудия, чтобы отгонять курдов, начавших нападать на этапы для добычи себе пропитания из складов. Таких орудий было выслано несколько — по одному, по два на этап, при офицерах. Орудия эти отступили вместе с отступившими от Эрзинджана войсками, состоявшими из армян преимущественно.

Около 10 февраля, с той же целью отбивать нападение курдских шаек, было приказано Командующим армией выставить на Беюк-Киремитли, над Трапезундскими воротами и на Сурб-Нишан (Абдуррахман-Гази) по две пушки. В последствии число этих пушек было увеличено добавлением еще нескольких пушек в разных местах городской ограды и предполагалось выставить пушки в промежуток между Карсскими и Харпутскими воротами, на случай появления курдов со стороны Палан-Тёкена.

Все эти пушки ставились только против курдов, ставились совершенно открыто и бороться с регулярными войсками, снабженными артиллерией, конечно не могли бы, так как естественно были бы сбиты противником после двух-трех выстрелов; отбивать же налеты курдов они могли с успехом при таком расположении и при той прислуге, которую мы имели.

В половине февраля были вынуты из всех орудий на дальних участках позиции замки и обтюрирующие части и свезены в склад внутри главной ограды; с ближних участков из орудий (л. 1—34) были вынуты обтюраторы и на очереди была работа по удалению замков; с Палан-Тёкена также было приказано доставить замки и обтюраторы; эти работы выполнить не успели. Оставались с обтюраторами только те полевые пушки, которые были предназначены для отбития нападения курдов. Наступление регулярных турецких войск не ожидалось вскорости. Турецкие войска считались деморализованными и неспособными к большому переходу и наступлению раньше лета.

12 февраля на вокзале толпа вооруженных с ног до головы армянских солдат расстреляла десять или двенадцать безоружных жителей турок. Случайно бывшие на вокзале два русских офицера сделали попытку воспрепятствовать этому зверству, но озверевшая толпа ответила им угрозой расправиться и с ними таким же способом. Задержать никого не удалось.

13 февраля Командующий армией ввел в Эрзеруме осадное положение и полевой суд по старому, дореволюционному уставу, т. е. с применением смертной казни. Он назначил полковника Мореля комендантом Эрзерумской крепости и председателем трибунала из армян, сам же в этот день уехал. Вместе с ним уехал и начальник артиллерии укреплённой позиции генерал-майор Герасимов, чтобы подготовить базу на случай эвакуации артиллерии. Я остался исполнять обязанности начальника артиллерии позиции.

Штаб у полковника Мореля был в большинстве из русских офицеров. Начальником штаба был Генерального штаба капитан Шнеур. (л. 1—35). Полковник Морель сразу же по отъезде Командующего армией взял другой тон. Он заявил, что гарнизон Эрзерума будет держаться в нем и защищать его до последней возможности, что никого из офицеров и всех способных носить оружие мужчин он не выпустит.

В первый же день по отъезде Командующего армией, когда я на совете у полковника Мореля сказал, что среди офицеров есть желающие уйти — отрядный Эрзерумский интендант чиновник Согомонян, армянин, позволил себе заявить публично и шумно, что он как член трибунала, не выпустит ни одного русского офицера и сам расстреляет каждого, кто попытается уйти; что в Гасан-Кале и Кёпри-Кёе выставлены сильные заставы, которые будут всех не имеющих записок от него и пытающихся уйти — задерживать и возвращать в трибунал.

Я увидел, что мы попали в западню, из которой трудно будет выбраться. Стало видно, что осадное положение и полевой суд направляются больше против русских офицеров, чем против зверствующих армян.

Насилия в городе не прекращались. Русские офицеры неизменно оставались защитниками безоружных и беззащитных мирных жителей турок. Были случаи, что подчиненные мне офицеры силой освобождали хватаемых на улицах и ограбляемых турок. Заведующий лабораторией чиновник Караев однажды стрелял по убежавшему от него армянину солдату, гравившему турка на улице среди дня. (л. 1—36) Обещания казнить негодяев, убивающих безоружных жителей, не исполнялись. Назначенный полевой суд не действовал — боялся угроз армянских солдат. Ни один виновный армянин не был повешен, как это было обещано армянами до введения полевого суда. А между тем на введении полевого суда настаивали все время главным образом и усиленно сами же армяне.

Турки жители определенно говорили, что никогда армяне не казнят армянина. Мы видели тоже, что оправдывается в этом деле русская пословица: «Ворон ворону глаз не выклюнет». Здоровые, способные носить оружие армяне уезжали сопровождать свои бегущие семьи.

Арестованный прапорщик Карагадаев был выпущен без моего ведома и согласия. На мой вопрос почему он выпущен — полковник Морель ответил, что было произведено дознание и по дознанию он ока-

Значит, возникло несогласие, удовлетворение безоружными жителями, не исполнилось. Назначенный полевой суд не действовал — боялся угроз армянских солдат. Ни одного виновного армянина не было повешено, как это было обещано армянами до введения полевого суда. А между тем на введении полевого суда настаивали все время главным образом и усиленно сами же армяне.

Турки жители определенно говорили, что никогда армяне не казнят армянина. Мы видели тоже, что оправдывается в этом деле русская пословица: «Ворон ворону глаз не выклюнет». Здоровые, способные носить оружие армяне уезжали сопровождать свои бегущие семьи.

Арестованный прапорщик Карагадаев был выпущен без моего ведома и согласия. На мой вопрос почему он выпущен — полковник Морель ответил, что было произведено дознание и по дознанию он был оправдан невинности, между тем на этом дознании не было опрошено никто из нас, не спрашивали меня, не спрашивали и других офицеров, хотя мы были главными свидетелями этого дела. Независимо от этого он все же приказал производить свое дознание в полку и поручил это

Арестованный прапорщик Карагадаев был выпущен без моего ведома и согласия. На мой вопрос почему он выпущен — полковник Морель ответил, что было произведено дознание и по дознанию он ока-

Рис. 2

зался невинновен; между тем на этом дознании не был опрошен никто из нас; не спрашивали меня, не спрашивали и других офицеров, хотя мы были главными свидетелями этого дела. Независимо от этого я все же приказал производить свое дознание в полку и поручил это

полковнику Александрову. Возбудил ходатайство об откомандировании прапорщика Карагадеева обратно в пехоту.

Арестованный мною убийца на Тафте тоже не привлекался к суду; по крайней мере мне ничего об его привлечении к суду известно не было.

Полковник Морель стал опасаться восстания мусульманского населения города Эрзерума (рис. 2).

(л. 1—37) 17 февраля прибыл в Эрзерум Антраник. С ним приехал помощник генерал-комиссара завоеванных областей доктор Завриев.

Так как мы никогда не интересовались историей армян и их внутренней политической жизнью, то никто из нас и не знал, что Антраник турецкоподданный, считается турецким правительством за разбойника и приговорен к смертной казни. Все это я узнал только из разговора с Командующим турецкой армией 7 марта.

Антраник приехал в форме русского генерал-майора, с боевыми орденами св. Владимира 4-й степени, Станислава 2-й степени и солдатским Георгиевским крестом 2-й степени. Вместе с ним прибыл в Эрзерум начальник его штаба Генерального штаба русской службы полковник Зинкевич.

Накануне приезда Антраника от него из Гасан-Кале была получена полковником Морелем и опубликована телеграмма, гласившая, что по приказанию Антраника в Кёпри-Кёе выставлены пулеметы, которые будут расстреливать всех трусов, бегущих из Эрзерума.

Приехавши Антраник вступил в должность Коменданта крепости; полковник Морель стал подчиняться ему, а мы все по-прежнему остались в подчинении у полковника Мореля (рис. 3).

В день приезда Антраника мне один из моих офицеров донес, что на одном из боевых участков вверенной мне артиллерии, а именно в селении Тапа-Кёй, армяне вырезали поголовно все безоружное мирное население без различия пола и (л. 1—38) возраста. Об этом я сказал Антранику сейчас же, при первом же знакомстве с ним. Он, в моем присутствии, отдал распоряжение послать в Тапа-Кёй двадцать всадников и добыть хотя-бы одного виновного. Было ли это исполнено и что из этого вышло — я до сих пор не знаю.

Появился опять полковник Торком. Через день или два после Антраника прибыл в Эрзерум полковник артиллерии Долуханов, армянин. Сначала мне было объявлено им, что он назначается инспектором артиллерии и будет моим начальником. После моего заявления о том, что я сам имею права начальника дивизии и не нахожу возможным учреждения надо мной опекунов, иначе мне надо будет уйти немедленно — был отдан приказ, что полковнику Долуханову поручается постановка артиллерийского дела крепости Эрзерум.

Он занял порученную ему роль и распоряжения мне уже отдавал не от себя, а от имени Антраника.

Командир батальона моего полка, армянин штабс-капитан Жанполадянц, пытался тоже вмешиваться в дела моего управления артиллерией; так, узнав, что предполагается орудия по возможности эвакуировать, а электроосветительные двигатели и прожектора попорчены — он заявил, что не позволит вывезти ни одного орудия; останутся русские офицеры или нет, говорил он, армяне все равно останутся и орудия им будут нужны.

A	102
B	102
C	1-37

12 февраля прибыл в Эрзерум Антраник. С ним прибыл помощник генерал-комиссара завоеванных областей доктор Завриев.

Мало кто из нас никогда не интересовался историей армян и их внутренней политической жизнью, поэтому мы и не знали, что Антраник турецкоподданный, считается турецким правительством за разбойника и приговорен к смертной казни. Все это я узнал только из разговора с Командующим турецкой армией 7 марта.

Антраник приехал в форме русского генерал-майора, с боевыми орденами св. Владимира 4-й степени, Станислава 2-й степени и солдатским Георгиевским крестом 2-й степени. Вместе с ним прибыл в Эрзерум начальник его штаба Генерального штаба русской службы полковник Зинкевич.

Накануне приезда Антраника от него из Гасан-Кале была получена телеграмма, гласившая, что по приказанию Антраника в Кёпри-Кёе выставлены пулеметы, которые будут расстреливать всех трусов, бегущих из Эрзерума.

Приехавши Антраник вступил в должность Коменданта крепости; полковник Морель стал подчиняться ему, а мы все по-прежнему остались в подчинении у полковника Мореля.

В день приезда Антраника мне один из моих офицеров донес, что на одном из боевых участков вверенной мне артиллерии, а именно в селении Тапа-Кёй, армяне вырезали поголовно все безоружное мирное население без различия пола и

Рис. 3

Стало очевидно, что армяне, прикрываясь желанием служить на пользу России, хотят захватить в свои руки всю распорядительную власть, а русским (л. 1—39) офицерам предоставить исполнительную черную работу.

Становилось видно и чувствовалось, что дело явно клонится не ко

благу России, а к созданию самостоятельности армян руками русских офицеров; но этого всеми силами старались не показывать открыто, так как при таком положении вопроса все русские офицеры артиллеристы, или большинство их, ушли бы немедленно, а своих у них нет.

Ухода артиллеристов армяне боялись невообразимо. Так, например, мне известно было от временно командовавшего 7 Кавказским горным дивизионом капитана Плата — такой случай: 7 февраля предгорным дивизионом из Эрзерума горную артиллерию полагалось отправить в Сарыкамыш. 5 февраля в панике схватили и армянские руководители, узнав это, в панике схватили и арестовали командира парка горного дивизиона; по приказанию Командующего армией офицер этот был освобожден; после этого его хватали еще три раза, угрожая залить кровью весь Эрзерум, если горная артиллерия попытается уйти из Эрзерума. Кровь предполагалась, конечно, русских офицеров. Каждый раз арестованного выпускали по распоряжению русских штабных офицеров. Отправление горной артиллерии Командующий армией отменил.

Этот случай впоследствии заставил меня войти в соглашение с вр. командовавшим 7 горным дивизионом. Предвидя возможность физических насилий над нашими русскими офицерами артиллеристами по отъезде из Эрзерума Командующего армией, мы условились взаимно выручать силой друг друга, если армяне осмелятся поднять руки на нас или на наших офицеров с целью принудить (л. 1—40) служить армянским интересам. Естественно, что соглашение это было секретное. Реальной силой в наших руках были пушки, пулеметы и русские офицеры.

Тогда же, по моему совету, вр. командовавший дивизионом сгруппировал своих офицеров ближе к своей и к нашим квартирам. Сам же я еще с самого начала формирования полка стал сосредотачивать все в полку ближе к управлению артиллерии, находившемуся в мусульманской части города с самого дня вступления русских войск в Эрзерум.

С прибытием Антраника в Эрзерум в штабе полковника Мореля значительно усилилась боязнь восстания жителей города. Эта боязнь ежедневно усиливалась. Дня через три после приезда Антраника я получил приказание от полковника Мореля назначить опытных офицеров для стрельбы по мусульманской части города с форта Меджидийе в том случае, если при аресте вожakov предполагаемого восстания — действительно вспыхнет восстание. Нам же всем было приказано выселиться из мусульманской части города в армянскую.

Мы, русские офицеры, прожившие в Эрзеруме бок о бок с мусульманским его населением почти два года и знавшие отлично его, не верили в возможность восстания и открыто высмеивали армянскую трусость.

Офицеры артиллерии, конечно, открыто заявили, что стрелять по городу они отказываются, так как служат не для расстреливания из орудий мирных жителей, женщин и детей, а для честного боя с неприятелем; при существовавшем же положении нам очень (л. 1—41) легко было ожидать, что армяне от страха, или по другим соображениям увидят вооруженное восстание там, где его вовсе нет и потребуют открытия огня.

Из мусульманской части города мы не выселились во-первых по-

тому, что невозможно было физически выселиться в назначенный короткий срок, во-вторых потому, что выселение наше развязывало бы зинджанскому образцу и в-третьих потому, что с выселением в армянскую часть города мы окончательно были бы в руках армян, верить которым уже не позволяли факты. Так же отказались и офицеры горной артиллерии, не входившей в состав артиллерии укреплённой позиции. В конце концов дело было предоставлено самим армянам. Нечего и говорить, что арест воображаемых вожakov восстания прошёл безо всякого восстания.

Распоряжение полковника Мореля о возможной стрельбе из орудий по городу вызвало возмущение офицеров и побудило меня устроить общее собрание подчиненных мне офицеров артиллерии.

Общее собрание офицеров состоялось в два приема, с перерывом между ними в один день. На первом заседании присутствовали офицеры артиллерии укреплённой позиции Эрзерума и Деве-Бойну, офицеры артиллеристы всех прочих частей Эрзерума и Деве-Бойну, англичанина, бывшие в это время в течение нескольких дней в Эрзеруме, затем полковник Морель, полковник Зинкевич, полковник Долуханов, полковник Торком, Антраник и доктор Завриев. (л. 1—42) Англичане были приглашены, как люди свободные от армянских влияний и могущие по отъезде своем через несколько дней осведомить тыл штаба фронта и иностранные военные миссии о настроении общества офицеров артиллерии и отношении их к армянским кровавым замыслам.

Особенно потому, что в моем распоряжении не было ни почты, ни телеграфа и я не мог быть уверенным, что мои депеши будут переданы по назначению. Вернее, я был совершенно уверен, что мои депеши переданы не будут.

На заседании я обстоятельно изложил обстановку и причины, поведшие к нахождению в Эрзеруме русских артиллерийских офицеров, подробно осведомил собрание обо всех армянских бесчинствах и зверствах известных мне из личных наблюдений, из докладов и рассказов других лиц и из рассказов Командующего армией генерала Одишелидзе.

Доклад свой я резюмировал (закончил) определенно высказанной мыслью, что мы офицеры русские и остались в Эрзеруме не для того, чтобы прикрывать своим именем и мундиром разбойные армянские зверства над беззащитным населением; мы остались служить России, преданные долгу и послушные своим начальникам; остались служить русскому делу, а не армянской резне и хищничеству и пачкать свое имя на весь свет намерения не имеем ни в коем случае; а пока мы здесь, мы требуем, чтобы армянские безобразия были прекращены, иначе нам надо будет настаивать на том, чтобы нас отпустили немедленно.

Высказанные после меня другими офицерами мысли (л. 1—43) подтвердили мои заявления. Антраник ответил в том смысле, что армянский народ обязан бесконечно России, что он часть русского большого народа и сейчас хочет только помочь России, не мечтая об отделении от нее. Что резня есть следствие вековой вражды армян с турками, что все безобразия и насилия будут решительно прекращены, что в дальнейшем не может быть и мысли о возможности насилий над мирным населением, что для того он и приехал сюда, чтобы поло-

жить конец безобразиям и если ему не удастся сделать этого — он первый уйдет отсюда. Весь разговор шел через переводчика. На поднятый вопрос о том, могут ли желающие офицеры уйти из Эрзерума, он ответил, что если уйдут слабые духом, то это будет лучше для дела и что он «постарается» не препятствовать уходу их.

Полковник Зинкевич убеждал всех присутствовавших, что дело, которому мы остались служить, всецело дело русское и что сам он взялся за него, глубоко веря в это.

В заключение офицерами было высказано пожелание, или намерение, подождать семь и даже десять дней, чтобы посмотреть, как пойдет дальше дело, верны ли обещания Антраника и как велика их ценность, а в дальнейшем действовать по обстановке.

Это было 20 или 21 февраля. После этого заседания полковник Долуханов высказал мне вскоре мысль, что он поражен той ненавистью к армянам, которую он встретил в русских офицерах и недоумевал, за что они их так ненавидят. Высказывал он это и другим офицерам.

(л. 1—44) Антраник отдал приказ о том, что всякий, без различия национальности, будет отвечать одинаково за каждое убийство, будет ли убийца армянин или мусульманин. По городу были расклеяны объявления, приглашавшие жителей не бояться, открывать лавки, заниматься мирным трудом: объявлялось, что за убийство каждого взятого на работу турка весь сопровождающий конвой его будет отвечать своими головами и т. д.

После этого на другой день я проезжал верхом по улице около городского управления. Вместе со мной был один из моих командиров батальонов, армянин штабс-капитан Джанполадянц. Увидев кучку турок, читавшую объявление, мы остановились. Ш-к. Джанполадянц по-турецки объяснил собравшимся людям, что начальство принимает все меры к тому, чтобы не допускать насилий над мирным турецким населением со стороны армянских солдат и что если жители сами не поднимут бунта, то с ними ничего плохого сделано не будет.

Жители ответили, что вот уже само время два года свидетельствует о том, что никакого бунта они не делают, не хотят и не сделают и просят только не обижать их беззащитных.

Я попросил ш-к. Джанполадянца объяснить жителям, что я, русский командир артиллерийского полка, и все русские офицеры всегда были и будут защитниками мирного безоружного турецкого населения и что мы принимаем все меры к недопущению насилий, насколько можем это сделать; будем требовать и впредь этого от властей.

Из толпы многие подтвердили, что знают это (л. 1—45) и тут же сейчас два или три человека засвидетельствовали толпе, что я их спас от смерти. 7 февраля ш-к. Джанполадянц принимал участие в работе армянского комитета.

На втором заседании общего собрания офицеров из посторонних присутствовал только доктор Завриев. Тут было высказано, что 2-й Эрзерумский Крепостной артиллерийский полк вовсе не армянский, каким его хотят считать армяне, а только имеющий солдат армян. Что никто из нас в наемники к армянам не поступал и поступать не желает. Что ни подписки с обязательством служить в армянских войсках мы не давали, ни контракта об этом не подписывали. Что необходимо,

чтобы правительство точно установило — какой это полк — русский или армянский; если русский — чтобы прислали нам русских солдат; если армянский — чтобы отпустили желающих офицеров уйти в русский корпус, а нежелающих служить вовсе на Кавказском фронте отпустили бы к воинским начальникам, не считаясь с осадным положением, которое одно только и было формальным препятствием.

В случае же если Закавказье отложится от России, а до нас уже доходили вести, что это ожидается на днях, то чтобы нас немедленно отпустили бы, так как мы при таком положении дела становимся в Закавказье иностранцами. Выяснено было, что согласно существующим нини его к воинскому начальнику или о переводе в русский корпус. (л. 1—46) Я объявил, что рапортов, которые будут поданы мне об этом, задерживать не буду, а буду представлять их с ходатайством об исполнении.

На этом заседании офицер 7 Квк. горного артиллерийского дивизиона штабс-капитан Ермолов сообщил обществу офицеров, что он, не желая оставаться на службе во вновь формируемом армянском дивизионе, подал рапорт об увольнении его; его сначала уговаривали остаться, а когда он решительно заявил, что не останется — полковник Морель отдал письменный приказ, что ш-к. Ермолов увольняется в распоряжение штаба фронта «по несоответствию», т. е. иначе говоря, как совершенно негодный и вредный для службы офицер. Кроме того, ему было дано предписание убраться из Эрзерума в течение 24 часов.

Так поступили с боевым офицером, отлично знающим свое дело и имеющим несколько боевых наград; опорочили его только за то, что он на самом законном основании не пожелал вступить на службу в армянскую войсковую часть и имел неосторожность публично сказать полковнику Морелю несколько слов, уличавших его в чрезмерной приверженности к армянам.

Доктор Завриев на этом заседании уверял общество офицеров, что оставаясь в Эрзеруме офицеры делают чисто русское дело и только на пользу России, а вовсе не армянское; что армянский народ бесконечно обязан России и впредь может существовать только под покровительством России; что отделяться от России армяне не намерены никоим образом; что армянский народ — это часть народа русского; что экономические (л. 1—47) и политические интересы самой России настоятельно требуют нашего нахождения в Эрзеруме до заключения мира; что мы нравственно, как граждане России, не можем сказать: «Вы—армяне и турки сводите свои счета. Режетесь? И режьтесь! Черт с вами, это ваше домашнее дело; а нам русским здесь делать нечего».

Наконец, если мы так человеколюбивы и так настойчиво требуем прекращения убийств мирных жителей, то это самое человеколюбие обязывает нас продолжать оставаться в Эрзеруме, чтобы не допустить озверевшую армянскую чернь произвести в Эрзеруме резню мусульманского населения.

Успеха речь доктора Завриева не имела. Сам же он после этого заседания высказал мне, что дело безнадежно и что все офицеры, наконец, уйдут.

После взятия Эрзерума турками, дней через десять, я имел случай

прочитать документ, из которого увидел, что подозрения наши насчет устройства русскими офицерскими руками армянской автономии были вовсе не безосновательны; в документе этом доктор Завриев вполне определенно говорит о стремлении создать автономную Армению. Документ относится ко времени до приезда доктора Завриева в Эрзерум.

В своей оценке настроения общества офицеров доктор Завриев не ошибался. Действительно, определенное желание уйти было на лицо. Ясно было видно чего хотят армяне и для чего им нужны русские офицеры.

Мы же все были всегда только солдатами и политикой заниматься желания не имели. (л. 1—48) Партизанскую войну армян своим делом тоже считать не могли.

Обещания Антраника остались только обещаниями. Жители им не верили. Базары были закрыты. Все боялись. На улицах в мусульманской части города была мертвая пустота; только вблизи городского управления открывалось несколько лавок и среди дня собиралось немного мусульман. Ни один армянин казнен не был: «Нет виновных; укажите виновного и он немедленно будет привлечен; как же мы можем карать, не зная кто виноват».

На это им немедленно отвечали, что русские офицеры слишком достаточно указывали им виновных, которые до сих пор остаются безнаказанными, что русские офицеры вовсе не обязаны быть армянской сыскальной полицией и что, если армяне на самом деле добросовестно захотели бы найти виновных, то давно и непременно нашли бы их множество.

Лицемерие армян только еще сильнее отталкивало от них. Отдельные насилия над мирными жителями не прекращались, только делалось это более тайно; деятельность свою армяне перенесли из города в селения вокруг города, куда наши глаза не доставали. Из ближайших к городу селений турки исчезли; не знаю только как и куда; а в дальних стали обороняться оружием.

В городе, под видом противодействия восстанию, стали усиленно производить аресты жителей. На мой вопрос полковнику Морелю — в какой степени безопасности находится жизнь арестовываемых и намереваются ли эти аресты к тому, (л. 1—49) чтобы устроить организованную резню людей, как баранов, на подобие Эрзинджанской, он ответил мне, что арестованные главари предполагавшегося турецкого восстания будут под надежным конвоем, в целости, вывезены в глубокий тыл, в Тифлис, а частью будут держаться как заложники, в самом Эрзеруме, в виде прочной гарантии против восстания.

Ко мне стали поступать донесения о незаконных действиях армянских довольствующих учреждений; так, например, если подавалось требование на масло для довольствия людей полка, то в выдачах отказывали; если же требование писалось для электро-роты и шел получать по нему фельдфебель этой роты, бывший в каких-то хороших отношениях с Антраником, то масло непременно выдавалось; заведывающий продовольственным магазином чиновник армянин не выдавал полку по требованию сахар на том основании, что будто бы Антраник сахар весь сосредоточил у себя при квартире и сам регулирует выдачу его; письменное подтверждение чиновник дать отказался.

Прибывавшие из тыла через этапы офицеры жаловались, что рус-

скому офицеру на этапах нет возможности ни покормиться, ни отдохнуть; для армян же есть и еда и теплое помещение.

В половине февраля офицеры артиллерии получили по распоряжению штаба армии две вагонетки и вывезли на них в тыл часть своего имущества и часть семейств. Для вывоза остальных семей и имущества требовалось еще три вагонетки, на которые разрешение штабом армии было дано еще до отъезда штаба из Эрзерума. (л. 1—50) Назначение этих вагонеток после отъезда штаба затягивалось. Наконец, полковником Зинкевичем было сделано письменное распоряжение о наряде вагонеток. Получив эту бумагу, чиновник или офицер армянин, заведывавший назначением вагонов, обещал через два дня не назначить вагоны, а только сказать когда они будут назначены. Беженцы же армяне имели перед нами предпочтение в этом отношении.

Отправить семьи и имущество на подводах, без себя, не имея достаточного числа русских людей при обозе, мы опасались, так как дороги и этапы в тыл были запружены хорошо вооруженными армянскими беженцами и дезертирами; безопасной ее нельзя было считать никаким образом, потому, что армяне, трусливо и гнусно убегающие с поля сражения от настоящих солдат, чрезвычайно храбры и беззаветно отважны в нападениях толпою на одиночных безоружных, на стариков, на женщин и на детей.

За это время пополнения из тыла подходили очень слабо. Имевшаяся налицо пехота была совершенно деморализована и не повиновалась ни старшим, ни младшим своим начальникам. Роты, раньше, до прибытия Антраника, отказывались отправляться на позиции и не отправлялись; теперь отправлялись, но с фронта позорно убегали. Антраник ездил и лично загонял их обратно на позиции шашкой и кулаками. Получалась мелкая и четническая авантюра, в которой насильно держали русских офицеров.

Не знаю, может быть Антраник и очень сведущ в военном деле, но распоряжения его по артиллерийской части, передававшиеся мне полковником Долухановым, (л. 1—51) поражали меня зачастую дикостью и нелепостью.

Видно было, что все надежды армяне, с Антраником во главе, возлагают на русские пушки и русских артиллерийских офицеров, насколько не считаясь ни с технической стороной дела, ни с тем, что к этим позиционным пушкам нужна обученная прислуга, хороший состав низших командных чинов, солдат и, прежде всего, достаточное количество хорошей и сильной пехоты.

Главное стремление было очень ясно: это при бегстве закрыться пушками. Так оно вышло и на самом деле.

Начало мирных переговоров в Трапезунде все откладывалось. Сначала оно было назначено на 17 февраля, затем на 20 и, наконец, на 25 февраля по старому стилю. Такие сведения мы имели через штаб Эрзерумского отряда или крепости. Своей телеграфной связи у меня никуда не было. Штабы мои находились оба в противоположной части города. Телефонная связь со штабом крепости почти никогда не действовала, а если иногда и действовала, то из рук вон плохо; из-за этого мне приходилось бывать в штабе крепости лично по два раза в день.

По тем осведомлениям, которые я получал от полковника Мореля

и его штаба — должно было считать, что мы имеем на фронте дело и вовсе не с регулярными войсками Турции, а с шайками курдов и с восставшими жителями окрестных селений, среди которых должно было быть много обученных аскеров, оставшихся тут при отходе турецкой армии от Эрзерума в 1916 году. (л. 1—52) Предполагалось, что эти курдские шайки, местные жители и имеющиеся среди них аскеры организованы для самозащиты и подучены военному делу бывшими сюда несколькими турецкими офицерами и солдатами инструкторами.

Пушек считалось у наступавших только две русских, горных, брошенных армянами при их отступлении от Эрзинджана. По данным разведки курды должны были наступать с Фамского, Эрзинджанского и Олтинского направлений. Ожидались и с тыла, с Карсского шоссе и с Палан-Тёкена. Полковник Морель почему-то рассчитывал, что главная опасность будет с Олтинского направления.

Разведка, на мой взгляд, велась армянами отвратительно. Конница была больше занята ограблением и уничтожением жителей в селениях, угоном скота от сельчан, а вовсе не делами разведки. В донесениях зачастую просто лгали.

Если поступало донесение о том, что на отряд наступают две тысячи противника, то в действительности оказывалось, что там меньше двухсот человек.

Когда доносилось, что отряд в триста-четыре человека окружен превосходящими силами и ему удалось пробиться, то оказывалось, что отряд потерял одного убитым и одного раненым.

Однажды днем мне офицер армянин по телефону донес, что на боевой участок артиллерии, где он квартирует с солдатами сторожами для охраны орудий, движется отряд в четыреста вооруженных жителей; на деле оказалось, что из противоположного селения вышли два безоружных человека и вскоре вернулись обратно.

(л. 1—53) За все время от оставления армянами Эрзинджана и до занятия Эрзерума турецкими войсками — разведчиками был захвачен из турецких наступавших сил, насколько мне до сих пор известно, только один *сувари*. Я сам его не видел, но сильно склонен думать, что этот несчастный был или с отмороженными ногами или вообще человеком лишенным способности двигаться без посторонней помощи.

После второго общего заседания офицеров было подано мне несколько рапортов об увольнении из полка в русский корпус, к воинским начальникам и в другие национальные части.

Я доложил полковнику Морелю, что, вероятно, очень многие русские офицеры, а то, пожалуй, и все, уйдут из Эрзерума. Он вспыхнул и заявил, что не допустит этого силой и полевым судом. Я ответил ему на это, что пушки еще в руках моих офицеров, что на насилие ответ может быть сделан из пушек и что уход каждого офицера при существующих условиях составляет законное право каждого, основанное на распоряжениях правительства.

Я пояснил, что никто из офицеров самовольно уходить не хочет; каждый желает получить законное разрешение воспользоваться своим правом; иначе считают, что разницы между нами, оставшимися по долгу службы и теми, которые ушли раньше самовольно, не будет никакой. Обстановка же сейчас сложилась так, что совесть и долг чести не позволяют оставаться,

Полковник Морель ответил, что никакого законного права на уход нет и каждому уходящему он даст такую же аттестацию, какую дал штабс- (л. 1—54) капитану Ермолову, пусть только попробуют уйти.

После моего возражения, что нет необходимости принуждать оставаться нежелающих, тогда как, по словам полковника Долуханова, полковник Морель сказал, что он просил у приезжавших английских офицеров выслать в его распоряжение для Эрзерума шестьдесят английских офицеров артиллеристов и это было ему обещано.

Почти одновременно с этим разговором мне стало известно, что служивший в Эрзеруме на станции железной дороги по вольному найму начальником станции солдат, русский, или, кажется, поляк, не захотел оставаться служить ни за какие деньги; его арестовали и силой принудили остаться.

Я отдал приказ командирам батальонов поселиться самим и поселить всех офицеров возможно ближе к управлению артиллерии и сгруппировать их каждому около себя для удобства передачи приказаний и на всякий другой случай, чтобы в случае чего, не оказаться разрозненными и в западне.

Уехавшего ш-к. Ермолова я, перед его отъездом, просил зайти в Сарыкамыш к начальнику штаба армии генералу Вышинскому, рассказать ему в каком положении мы здесь находимся и просить командующего армией скорей освободить нас из нашего ложного положения среди армян. То же просил передать и начальнику артиллерии генералу Герасимову. Ермолов уехал 25 февраля.

Кажется 24 февраля над Эрзерумом появился турецкий аэроплан, сделал разведку и вернулся обратно. Из этого я заключил, что турецкие регуляр- (л. 1—55) ные войска должны находиться сейчас в Эрзинджане или даже в Мамахатуне.

Около этого времени полковник Морель говорил мне, что турки прислали «прокламацию» с требованием очистить Эрзерум. После взятия Эрзерума, из разговора с командиром корпуса Кязим-беем Карабекиром, я узнал, что это была вовсе не прокламация, а самое настоящее его письмо, за подписью его, командира турецкого регулярного армейского корпуса.

Если на прокламацию у нас принято и должно смотреть, как на анонимное, подпольное письмо, то во всяком случае считаю, что полковник Морель не имел права и не должен был вводить меня в заблуждение и называть официальное письмо прокламацией, скрывая, что оно подписано крупным начальником турецких регулярных военных сил.

За 24 и 25 февраля, по сведениям штаба крепости, положение на фронте не было угрожающим. Известно было, что около Теке Дереси обнаружилось скопище курдов, которое удерживается высланным турецким отрядом. Около Илджини наступавшие от Эрзерума силы отбросили противника, будто бы на несколько верст назад.

26 февраля стало известно, что вышедший из Эрзерума к Теке Дереси армянский отряд окружен, разбит и остатки его бегут; что Илджинский отряд отступает тоже, почти что бегом. Было получено мною словесное распоряжение от полковника Мореля открывать огонь по наступающим. Но наступающих нигде не оказывалось.

Харпутского шоссе бежали в панике расстроенные толпы отступающих армян; по Трапезундскому шоссе (л. 1—56) отступали спокойно, как на походе, колоннами, не останавливаясь и не разворачиваясь.

После полудня выяснилось, что противник уже в шести верстах, около селения Геза, и стали видны сами наступающие, которых оказалось на мой взгляд не более полутора тысяч.

Количество было ничтожное, но они не произвели на меня впечатления совершенно необученной курдской шайки. Видно было, что они обучены и ими твердо управляют. Только небольшое количество пеших и избыток кавалерии позволяли думать, что это не регулярные войска, а организованные курды.

Отступающие же производили жалкое и возмутительное гнусное впечатление. Они — то рассыпались около шоссе в коротенькие жидкие цепи, то опять собирались; видно было, что главное их чувство страх и боязнь двинуться вперед. Антраник выехал вперед развернувшейся все же жидкой цепи; они поднялись, немного прошли было вперед, но снова залегли и уже больше не поднимались.

Орудийный огонь продолжался у нас до вечера и был прекращен с наступлением темноты. Само собой разумеется, что с началом обороны от нашествия курдов, каким все мы считали это дело, всякие разговоры об уходе отошли в сторону и каждый офицер честно выполнял все, что требовалось от него боевой обстановкой. Каждому было ясно, что уходить теперь — это значило навсегда приобрести себе имя труса и предателя. Необходимо было сначала покончить с нападением.

В этот день я увидел, как армянские войска понимают назначение артиллерии и как держат (л. 1—57) себя с нею в бою. Пушки мои на укреплении Беюк Киреметли были на версту впереди пехоты, которая вся прижалась к Харпутским воротам и дальше двигаться вперед, чтобы прикрыть артиллерию, никоим образом не хотели.

Обратил я внимание в этот день также и на то, что солдаты, бежавшие в паническом ужасе от Теке Дереси, все же не забывали забирать с собой и угонять скот жителей из попутных деревень и убивать попадавших на пути безоружных одиночных местных жителей.

Надвижение противника на город произошло, по-видимому, неожиданно для штаба. Диспозиции для боя никакой издано не было; а может и была, не могу уверять, но ко мне она не попала. Раньше я слышал, что составлялось расписание занятия пехотой главной городской ограды на случай тревоги извне, но и это расписание ко мне не попадало.

Задача моя была проста: держать курдов на дистанции орудийного выстрела от линии укреплений города. В поле же, с пехотой, были горные пушки, в мое подчинение не входившие.

Весь этот день и накануне милиция собирала по городу мужчин турок, не только годных к работе, а и стариков и калек. На вопросы объясняли, что собирают рабочих для расчистки занесенного снегом железнодорожного пути.

Вечером я узнал, что один из таких патрулей, под командой студента армянина, пытался днем, в мое отсутствие из дому, вломиться в мою квартиру, чтобы произвести, как он заявил, обыск; хотя на дверях была прибита моя визитная (л. 1—58) карточка и студент не мог не знать — кто живет в этом доме. После решительного протеста

со стороны моих домашних и резкого отпора — студент этот, как самый последний хам, наговорил моей жене грубостей и убрался со своей командой прочь, не осмелившись все же забрать моего домохозяина старика турка и рабочих курдов. По словам студента безобразие это творилось во исполнение распоряжения Антраника.

Узнав это, я распорядился, чтобы домохозяин мой устроил бы отщиту в случае, если армяне явятся забирать жителей. Он это сделал и устроил еще и от соседа ход ко мне.

Вечером в этот день меня вызвали на военный совет в квартиру Антраника. Я отправился туда вместе с заведывающим технической и мобилизационной частью капитаном Жолткевичем, которого я последнее время всегда приглашал с собою, чтобы иметь свидетеля моих отношений к штабу Антраника и моих действий.

Когда я прибыл туда, то узнал, что совет уже состоялся без меня. Очевидно моим мнением не сочли нужным интересоваться. В комнате находились: Антраник, доктор Завриев, полковники Зинкевич, Морель, Долуханов и несколько других лиц. Полковник Зинкевич прочел мне телеграмму командующего армией. Этой телеграммой генерал Одншелидзе сообщал, что командующий турецкой армией генерал Вехиб-паша радиотелеграммой известил его о своем приказании турецким войскам начать наступление на Эрзерум и занять его; тут же (л. 1—59) генерал Одншелидзе приказал уничтожить все орудия укрепленной позиции и отступить.

Мне было дано письменное приказание за подписью Антраника уничтожить орудия. Генерал Одншелидзе исполнил свое обещание дать приказ об уничтожении орудий, но приказание это опоздало: часть орудий уже нельзя было уничтожить, так как наступающими они были уже отрезаны от нас; все же в наших руках оставалось еще более половины всех наших орудий, которые мы еще могли испортить; в наших руках были также все замки и все обтюраторы от орудий уже отрезанных и мы также могли привести их в негодность. Для этого нужно было иметь два—три дня срока.

Антраник все время по-армянски кричал, ругался и проклинал кого-то. Доктор Завриев старался его успокоить и переводил нам, что Антраник проклинает и ругает тех руководителей и деятелей армянского народа, которые засели в тылу; которые имели возможность высласть в Эрзерум несколько десятков тысяч солдат и выслали до сих пор только три—четыре тысячи; которые не хотят ни за что идти на фронт и которые продали армянский народ и армян.

Наконец Антраник объявил свое решение: два дня еще держаться в Эрзеруме; за это время эвакуировать все, что возможно и тогда отступить. После этого он, не стесняясь несколькими нашим присутствием, при нас разделся, умылся, надел ночное белье и лег спать, как будто бы нас тут и не было вовсе.

(л. 1—60) Я осведомил доктора Завриева о том, что в городе начались поджоги и пожары; указал ему, что сам видел только что по дороге целый ряд горевших лавок, которые никто не тушил; он ответил, что пожары уже приказано затушить и уже приняты меры.

Затем я спросил его, для какой надобности милиция собирает и уводит куда-то мусульман жителей; он сказал, что для расчистки же-

лезно-дорожного пути, а на выраженное мной недоумение — почему сбор этот производят сейчас, в темноте, ночью, и ведут преимущественно негодных к работе стариков и калек — он ответил, что ему об этом ничего не было известно, но он узнает.

После всех тех разговоров, которые мы вели раньше с доктором Завриевым по вопросу о насилиях над мирным населением — я считал, что сказанного мною достаточно для того, чтобы возбудить в нем беспокойство и заботу о недопущении насилий и резни, тем более, что он всегда, как член правительства, требовал и старался добиться самого безупречного и закономерного отношения к мусульманскому населению со стороны армян.

Такое отношение я наблюдал не только с его стороны, но и со стороны других лиц из армянской интеллигенции, находившейся в Эрзеруме. Я не знаю, конечно, что было у них в уме и на душе и каковы были действия их, но слова этих некоторых лиц всегда производили впечатление искреннего, благородного стремления не допустить безобразий и резни.

(л. 1—61) Инстинкты прочих армян доктор Завриев должен был знать лучше меня и не мог не знать их.

Когда Антраник стал укладываться в постель, мы все перешли в другую комнату, выяснили между собой необходимые вопросы, связанные с выполнением поставленной Антраником задачи и разошлись.

Задание держаться в течение двух дней не представляло из себя ничего сверхъестественного или чрезвычайного, так как, имея перед собой проволочное ограждение с отличными окопами, далее, городскую крепостную ограду долговременной профили и, наконец, вдвое, если не втрое большие силы оборонявшегося, можно было свободно и легко держаться не два, а сорок два дня и не против курдского набега, а против регулярных войск.

Отбивать же нападение курдов мы были вполне вправе, так как турецкое правительство при заключении перемирия объявило, что курды ему не повинуются и что принудить их не воевать оно не может; следовательно, забота об охране и обороне нас от курдов возлагалась на нас самих.

На обратном пути я увидел, что пожары, о которых я говорил, действительно притушены и распространение их ограничено. В городе по наружному виду все еще было спокойно и не вызывало опасений за возможность вспышки резни.

Вернувшись в управление артиллерии я тотчас сделал все распоряжения о приведении в негодность орудий. За два дня можно было бы уничтожить их. Ко мне поступили донесения от моих офицеров, что (л. 1—62) пехота уходит с поля, пользуясь темнотой. Мне удалось после долгих хлопот все же вызвать к телефону полковника Мореля и доложить ему о полученных донесениях. Он ответил мне, что против этого меры уже приняты, высланы резервы и подкрепления и положение не внушает тревоги.

Домой я вернулся около 1 часу ночи и прилег отдохнуть. Между двумя и тремя часами ночи я услышал в городе вокруг частую ружейную стрельбу; слышал как где-то ударами бревна выламывали двери; слышал топот и голоса проходивших по улице армянских небольших отрядов, вроде ходивших днем и забиравших жителей. Криков о по-

мощи нигде слышно не было. Получалось впечатление, что армяне производят усиленно аресты среди населения, а может быть и подготавливают уже резню.

Сопоставив и взвесив обстоятельства, я пришел к заключению, что: во-первых, в то время когда мы в честном бою сражаемся с наступающими и грудью своей прикрываем Эрзерум — за нашими спинами армяне, эти кровожадные и трусливые борцы за свободу, уже не заботясь о том, что этим они подло обманывают нас и позорят не только себя на весь мир, но позорят и имя русских офицеров, про которым неосведомленные могут подумать, что они согласились помогать армянам делать их гнусное дело, а во-вторых, что среди наступающих они могут к утру или (л. 1—63) днем подойти; бой же с турецкими регулярными силами вовсе не входит в планы Командующего армией и в нашу задачу, ни по его предположениям, ни по существующим условиям перемирия.

В соответствии с этим я принял такое решение: с рассветом отправиться к полковнику Морелю и предложить ему потребовать от армян немедленного прекращения резни; если же он бессилен добиться этого, то предложить повернуть часть пушек против армян и угрозой, а если понадобится, то и стрельбой, принудить их сделать это; а затем прекратить боевые действия и выслать парламентариев и условиться с наступающими о том, что Эрзерум будет очищен в течение двух дней без кровопролития.

Для гарантии же целостности мусульманского населения при отступлении армян выработать какой-нибудь план, например: собрать самостоятельный отряд из русских офицеров и немногих оставшихся русских чиновников и солдат; или дать в помощь русским офицерам и в их распоряжение небольшой отряд турок и т. п.

На рассвете я с капитаном Жолткевичем отправился к полковнику Морелю. По дороге, около артиллерийского полевого склада, я узнал от заведывающего им прапорщика Багратунянца, что приказ об отступлении уже есть и что он хочет взорвать склад, но полковник Морель сказал, чтобы со складом поступили так, как скажу я.

Я был удивлен таким заявлением, так как склад этот мне вовсе не подчинялся, а был в ведении полковника Долуханова.

(л. 1—64) Прапорщику Багратунянцу я объяснил, что взрыв склада я считаю ненужной и бесцельной жестокостью по отношению к мирному населению города и преступным предательством в отношении нас — русских артиллеристов, так как нам еще ничего неизвестно о приказе отступать; все мы находимся сейчас вблизи склада и неминуемо при взрыве должны будем погибнуть бесцельно. Это подействовало и склад остался невзорванным.

Подъезжая к штабу Мореля, я увидел, что всё уже бежит. Стоящий напротив штаба дом американского консульства, в котором помещались какие-то армянские учреждения, горит и весь уже в пламени. Перед штабом стояли — готовый к отходу, загруженный до последней возможности, грузовой автомобиль и несколько нагруженных повозок. Полковник Морель и Торком сидели верхом на лошадях готовые к отъезду. Было около 7 часов утра.

Случилось именно то, чего я опасался: бежали прикрываясь русскими офицерами и пушками. В то время, когда русские офицеры в бою своими руками заряжали и наводили орудия, удерживая наступающего противника, армянские «воины» благополучно за их спиной резали безоружных и безопасно удирали. Если бы я сам не приехал, то так никто из нас и не узнал бы, что приказ об отступлении отдан уже давно.

Первым моим движением было отправиться на укрепление Меджидийе и оттуда шрапнелью хорошо поблагодарить бегущих по Карсскому шоссе, забронированных в куртки и жилеты из ружейных патронов, армянских героев за то, что обманув нас, не дали мне и моим офицерам выполнить возложенную на нас задачу испортить орудия; за то, что устроили за нашей спиной отвратительный разбой и за то, что обманули и опозорили и меня, старого боевого офицера, и моих подчиненных офицеров.

Мы отправились немедленно обратно в управление артиллерии. Улицы в городе уже были запружены толпами бегущих в панике обезумевших армянских солдат. Офицеров я не видел. Дорога была сплошь усеяна бросавшимися в бегстве вещами — шинелями, амуницией, продуктами.

Что делалось в улице — нам не было видно, мешал поворот улицы. Видно было только, что на повороте вся улица залита по снегу кровью. Полагая, что тут уже идет бой, я приказал повернуть обратно. Доехав опять до перекрестка, мы бросили свой экипаж и пошли пешком с полдороги. (л. 1—66) В это время из улицы, где происходила стрельба и вопли, выехал верхом армянин, начальник городской милиции, и я понял, что там было. Впоследствии мое предположение подтвердилось.

102

Оставленный мною по дороге экипаж пытались тоже отнять и угнать; когда кучер стал сопротивляться — в него стреляли, ранили одну лошадь, но экипажа все же не взяли.

A	$\frac{1}{2}$
U	1028
V	1-68

Muitos omeocetes e os jovens pinguins ab-
negados, comegando papregasão têm um bico de
diferença na boca-bu fuchas afunilado, no mupen-
do buche eja no pe tamã bô hio nêto monte
Jusobis Jemmen, entãta em faciam uilo

Bp u g. Katakantula agtanequ
gkpromenasi nequim D ppggum -
Dele-Eviny u Romangap. Q^o
D ppggucalo repeneuato agtane
puccalo nede, belanontatani
Thograndeunero Tulep: antotioy

39

103

жать два—три фургона. Этими подводами воспользовались несколько офицеров, наскоро погрузились и уехали.

Оставалось еще две подводы и два фаэтона; ими можно было бы попытаться воспользоваться и уехать, но в это время последние бегущие армяне открыли в панике бессистемную, частую и беспорядочную (л. 1—67) дочную стрельбу вдоль по оставленным ими пустым улицам; нам поневоле пришлось оставить это намерение скрыться в доме. Жители турки гарантировали нам и нашим семьям безопасность от курдов.

Оказалось впоследствии, что если бы невзирая на ружейный огонь армян по городу, мы и попытались бы проехать, то все равно не смогли бы, так как Карсские ворота в это время уже были отрезаны; штабс-капитан Митрофанов пытался сделать это, но принужден был вернуться с дороги обратно, несмотря на то, что квартировал недалеко от этих ворот.

Вскоре стало известно, что в город вступили уже турецкие войска и тут только точно я узнал, что мы имели дело не только с курдами, но и с регулярными войсками. Выяснилось, что храбрая армянская пехота, ночью, под прикрытием темноты, почти вся сбегала с поля боя и бросилась спасаться по Карсскому шоссе. Бегство носило характер урагана. Ураган не мог бы так скоро очистить Эрзерум от армян, как очистили его они сами.

Факт, что на линиях обороны и в городе не осталось почти совсем ни убитых, ни раненых армян, лучше всего говорит о том, как стойко они оборонялись и как долго сопротивлялись; а другой факт, что в Эрзеруме захвачены в плен почти одни только русские офицеры артиллеристы, не хуже свидетельствует о высоте доблести и благородства армян.

Узнав, что в Эрзерум вступили регулярные войска, я с адъютантом отправился заявить о своем нахождении здесь. Тут мы узнали, что Россия заключила с Турцией мир.

(л. 1—68) По дороге туда и обратно, а также в последующие дни, многие жители на улицах бросались ко мне, целовали мне руки и всячески выражали свою благодарность. Так же относились и к другим русским офицерам, справедливо рассуждая, что если бы в Эрзеруме не было бы русских офицеров, то турецкие войска едва ли застали в нем столько живых жителей, сколько они застали их придя (рис. 4).

Теперь, узнав, что успели наделать в Эрзеруме армяне перед своим бегством и сколько человек безоружных стариков, женщин и детей они погубили, я благодарю Бога за то, что обстоятельства сложились не дав мне уйти с теми, про кого еще древне-римский историк Петроний писал: «Армяне тоже люди, но дома ходят на четвереньках» и который русский поэт Лермонтов метко охарактеризовал в стихе: «Ты раб, ты трус, ты армянин».

16/29 апреля 1918 г.

Эрзерум.

Вр. и. д. Начальника артиллерии
Укрепленной позиции Эрзерума и
Деве-Бойну и Командир 2-го
Эрзерумского крепостного артилле-
рийского полка, военнопленный
Подполковник Твердохлебов (подпись)

РЕЦЕНЗИЯ

НА «КОРПУС АРАБСКИХ НАДПИСЕЙ АРМЕНИИ VIII—XVI ВВ.»
А. А. ХАЧАТРИЯНА.

Корпус включает более 290 арабских (в основном), персидских, азербайджанских и турецких надписей на территории Азербайджана, Турции и Армянской ССР. Автор аргументирует включение арабских надписей Армении VIII—XVI вв. тем, что «армянский этнический элемент составлял (?) преобладающую и наиболее компактную часть населения» (с. 6) этих стран. Однако это заявление автора ничем не подтверждается и хронологические рамки надписей им определены необоснованно и неверно. Необходимо отметить, что на территории современной Армении в частности, и на Кавказе в целом, арабских надписей, относящихся к VIII веку, вообще не имеется. Во всем своде по пальцам можно сосчитать надписи на территории Армянской ССР. Их не больше 30, если не считать 22 надгробных памятника из Зангезура и одну строительную надпись из Джафарабада—исторической территории Азербайджана.

Задачей эпиграфиста-исследователя является не только фиксация памятников и составление их перечня по литературе, но также критический анализ надписи на основе оригинала. Это—не кабинетная работа. В методе работы эпиграфиста самое главное увидеть объект исследования глазами, скопировать, скорректировать и прочитать надпись на месте.

В работе же А. Хачатрияна надписи, приведенные им, в большинстве случаев заимствованы из публикаций других специалистов-ученых. Часть надписей, неудачно прочитанных его предшественниками, избыточные ошибки и точками вместо непрочитанных слов (публикации Азимбекова по Нахичевани и Ханикова по Физулинскому району) внесены в корпус без всяких исправлений и дополнений, хотя они были заново изданы Нейматовой [1].

Нам трудно судить о правильности прочтения надписей, находящихся за пределами Армении, в Турции (с теми же фотографиями и без них), взятых Хачатрияном из трудов турецких и других ученых, которые не являлись объектами наших исследований. Но даже

имея под рукой фотографию, зарисовку и эстамп надписи, эпиграфисту-исследователю бывает трудно судить о точности прочтения. Долгие годы, иногда всю жизнь ему приходится пересматривать материалы и неоднократно совершать поездки к месту нахождения памятников, чтобы еще раз на месте проверить правильность текста. Порою, увы, одной жизни не хватает для прочтения таких надписей, как надписи на мавзолеях Шейха Баби Йакуба, Мумина Хатун, Шейха Юсуфа б. Кусайра, на ханека Шейха Пир Хусайна, Шейха Хорасана и др.

Обычно подобный фундаментальный труд должен представлять собой итог научной деятельности эпиграфиста. Наш коллега несколько поторопился с подведением итогов своей работы (поездки за 1977—1979 гг.) и не случайно труд его изобилует неточностями в чтении, порою необоснованными и противоречивыми выводами в комментариях.

В книгу включены надписи с территории исторической и современной Турции (Ахлата, Ани, Эрзинджана, Эрзерума и др.), а также надписи с территории исторического и советского Азербайджана (Зангезура, Нахичевани, Карабаха, Ордубада, Гянджи), а памятники, находящиеся на территории Армянской ССР (надпись на каравансарае на Селимском перевале, времени правления ильхана Абу Саида, из района Мерги и т. п.) в корпусе отсутствуют.

Малочисленность арабских надписей с территории самой Армянской ССР объясняется тем, что на протяжении нескольких лет они систематически умышленно уничтожались.

Наглядным примером является мусульманское кладбище азербайджанского села Уруд в Зангезуре (883—1019 г. х.—(1478—1610/11 гг.)), которое в настоящее время, как видно из слов самих армянских коллег (хотя надписи из этого села и включены в корпус), почти уничтожено. А в период нашей экспедиции в Армянскую ССР в 1961 г. там было огромное количество памятников. Было уничтожено и большое средневековое мусульманское кладбище в Джа-

фарабаде. Уцелел лишь мавзолей Пир Хусайна [2].

Надписи, включенные в корпус, относятся к периоду существования государства Шаддадидов на территории Азербайджана, Малой Азии и современной Армении, образовавшегося после падения арабского халифата и отражают культуру и жизнь мусульманских государств — Сельджукидов, Тимуридов, Кара-коюнлу, Ак-коюнлу.

По автору [с. 5] арабские надписи Армении (а где это?) «можно рассмотреть с двух точек зрения: с одной стороны, они как памятник данной местности имеют отношение к истории и культуре армянского народа и Армении, с другой — в равной степени имеют отношение к культуре того народа, на языке которого они написаны, т. е. к арабской культуре» (а если надписи на азербайджанском языке?). Каково, а? Все равно где эта надпись — в Гяндже ли, Нахичевани или Карабахе — не имеет значения, т. к. она имеет отношение к истории и культуре армянского народа и Армении. А то, что в надписи высечено имя Шейха Абу Саида из Ордубада или имя шаддадида Минучихра тоже не имеет значения — все равно это арабская культура. А если человек именуется Аджамом Абу Бакр ан-Нахичевани, то все равно, по автору, он армянин.

По автору (с. 6) Армения это не Армянская ССР, а та самая эфемерная фантастическая страна «меж трех морей» — Черного, Каспийского и Средиземного — где и Трабзон и Сальяны и Адана суть армянские города. Автор, очевидно, плохо знает историю халифата, иначе он не стал бы утверждать, что «к началу IX в. власть арабских наместников в Армении была ликвидирована и восстановлена власть армянских феодалов». (с. 23. Это бездоказательная концепция Тер-Гевондяна). Какое-то время существовали армянские города-государства, но их след в истории региона настолько незначителен, что о них в солидных трудах даже не упоминают. Все эти эфемерные образования, о которых толкует автор (с. 23 и сл.), были только вассальными при мусульманских династиях. Однако настырность известного клана претендентов на древность настолько односторонна и целенаправлена, что любые доказательства противного и даже невозможного игнорируются запросто и отменяются начисто. Для этого есть много лазеек в форме Армении: малая, великая (хотя, как противовес малому, должна быть большая), высокая, низменная, историческая, восточная, западная, южная, коренная, центральная и

т. п. (только северной почему-то нет). Океанская прострация автора завела его в немислимые дебри, в глубины которых лежат «исконно армянские» земли вроде Нахичевана, который превратился в ЕРНДЖАК. Карабаглар превратился в ЕРНДЖАК. Карабаглар стал ЧАХУКОМ, Гянджа — ГАНДЗАКОМ, Ордубад — ГОЛТНОМ, появился неведь откуда МЖНКЕРТ, возник в Турции некий район и какая-то Каринская область, согласно существующему у нас в стране административному делению. Как же можно присваивать эниграфику, принадлежащую совсем другой стране и другому народу?

Прочтение и воспроизведение надписей изобилуют ошибками и искажениями. Отметим часть из них:

1. Надпись из Нижнего Талина не куфическая, а выполнена насхом. Она имеет диакритические знаки и сохранила куфический элемент лишь при начертании буквы «ра».

2. Надпись 2 (№ 2) не прочитана: Она не похожа на арабскую куфическую. Датировка ее (VIII—X вв.) необоснована.

3. Надпись 3 (№ 3) не датирована. Почерк не насх, а насталик, характерный для надписей Закавказья XVIII—XIX вв.

4.4 (№ 4) надпись на первой строке: вместо «Хасан» нужно читать «Хусайн». Дата определена неверно. Вместо (сто) семидесяти лет (786—87 гг.), надо читать «четыреста семидесяти лет (1077—78 гг.)».

5. 5 А, Б (№ 5) Графическое изображение надписи воспроизведено неточно: В начале всех трех строк в оригинале (на фото) имеется «алиф» перед каждым словом, который не начертан в графическом изображении (5 Б), а в слове «Закарийа» не хватает буквы «за»: Вместо слова, прочитанного автором «Иване», следует читать «Абу Бакр». Тем более, что имеется шапка над буквой «кяф», выступ от «кяфа» снизу влево является начертанием буквы «ра». Судя по краям надписи, размеры ее горизонтали не превышали 54 см. Исходя из краткого содержания надписи нельзя утверждать, что она, видимо, является частью строительной надписи какого-то монументального сооружения, составленной амир спасаларом Закария и его братом Иване в честь их победы над мусульманскими правителями — Шаддадидами (с. 25, 166).

6. В воспроизведенной надписи № 6 Б целые слова и буквы переданы неточно. Некоторые слова обведены неправильно. Поэтому текст не поддается чтению. Напр.: Дата в надписи вырезана дважды.

В первом случае на соединении «мима» и «алифа», вытянутой по всей строке, графитом обведены две буквы, похожие на средний «мим» и «ха». В дате вместо «хамса» — пять, прочитано «хамсин» — пятьдесят. Таким образом дата должна быть не 154 г. х. (770/771 гг.), а 504 г. х. (1110—11 гг.). Имя каллиграфа, обведенное автором в надписи № 6, ясно читается как «Ильяс», а он читает — ал-Аббас (Ильяс?). При чем на фоне, обведенного автором зубца буквы «йа», видна буква — средний «мим», изображенная в оригинале белой линией. Имя каллиграфа надо читать — «Алмас».

7. В надписи 7 (№ 7) дата прочитана неверно: Вместо «сто пятьдесят девятый год» (775/76 гг.) надо читать «двести пятьдесят седьмой год» 870 (71 гг.).

8. В дате надпись 9А (№ 9) вместо «арба» — сорок, надо читать «ишрин» — двадцать.

9. Надпись 11А, Б (№ 11) не куфическая, а насх, датирована IX—X вв. неверно. Поздняя — XVIII в.

10. 15 А (1 № 5) надпись воспроизведена неточно. Искривлены контуры букв. В слове «Абди» не указана буква «ба». В первой строке вместо прочитанного автором слова «бана» — построил — надо читать «бакйа» — оплакивает т. е. «Рахмат Аллаху ман бакиа» — «да помилует Аллах того, кто оплакивает».

11. Надпись 18 (№ 18) датирована IX—X вв. неверно. Почерк насх, сохранившийся в слове «Исхак» незначительный элемент куфи. С натяжкой можно датировать XIV веком.

12. Сундукообразные памятники 28 (№ 35—36) — 28 Б (№ 35) из гор. Ани должны быть мраморные, датированы автором лишь на основе палеографических особенностей надписи XII—XIII вв.

По темной фотографии судить о палеографических особенностях надписи нелегко. Здесь следует обратить внимание на форму, размеры, технику резьбы, художественное оформление памятника и провести сравнение с аналогичными датированными памятниками, словом, определить их школу. Подобные памятники, датированные XIV—XVI вв., имеются на территории исторического и Советского Азербайджана.

13. Надпись на надгробии в виде каменного изваяния барана (30 А, Б, № 40) нам кажется следует читать «Сахиб хаза джанат нисан Бурхан», у автора же «Сахиб хаза Кабр Нисан Б. Хани».

14. Надпись на стеле Ахи Таваккула — № 56 (1) в азербайджанском селе Алайаз была выявлена во время экспедиции

в 1961 г. и рассмотрена нами в докторской диссертации как памятник главы организации (корпорации) ахи (3, № 292). Ныне гробницу почитают и азербайджанцы и армяне. Почитание мавзоля азербайджанцами села Алайаз и армянами близлежащих сел, говорит о былом значении ахивской записи и роли ахи Таваккула в обществе. Как видно из арабского текста эпитафии, Ахи Таваккул был главой ахивской корпорации ремесленников и умер мучеником. По Хачатряну имя его в армянском тексте эпитафии не сохранилось: Он его восстановил по арабскому тексту эпитафии. Из его чтения следует, что Таваккул был армянским врачом и христианином, погибшим за Христа (с. 175). Это что-то неправдоподобно. Конечно же стела с армянской надписью, которая стоит отдельно от стелы с арабским текстом, к Ахи Таваккулу отношения не имеет. У нас имеется фотография надгробной стелы с арабской надписью, она стоит отдельно от стел с персидской и армянской надписями. Нам кажется неверным прочтение даты арабской надписи. В последнем слове даты первый зубец выше трех последующих, что позволяет нам прочесть дату не «саба'амия» — семьсот, а «тис'амия» — девятьсот. Утверждение автора, что «арабская надпись показывает, что главами корпорации «ахи» могли стать и христиане, в данном случае — армянский врач ахи Таваккул, неубедительно. Мусульманские корпорации ремесленников назывались «ахи», армянские, по утверждению самого автора — «мануки» и «ктрич». Эти слова, а также имя Ахи Таваккула отсутствуют в армянской надписи (с. 176). Как видим, попытка автора доказать, что Ахи Таваккул был армянским врачом и пал смертью мученика за Христа не имеет оснований. Из надписи явствует, что Ахи Таваккул был азербайджанцем, и записи его находилась в крупном азербайджанском населенном пункте городского типа — Алайазе.

15. Надгробный сундук из села Норадуз — 55/1 (36 А, Б, В, Г, Д) — лично нами не обследован. Во время нашей экспедиции в Армению в 1961 г. нам была представлена неразборчивая фотография со второй половины одной грани сундука (3, № 239, рис. 275) (и сказано, что памятник не существует), где мы могли прочитать только дату. Мы почти полностью согласны с чтением автора, который имел возможность не раз обследовать памятник на месте. Но мы заметили несколько расхождений между его чтением и зарисовкой, а также фотографией надписи. Повествовательная

часть эпитафии, как видно из фото и прорисовки автора, начинается словами «Хазихи макбара» — это гробница, а не «хаза кабр» — это могила. После слова «лимархум» — покойного, имеется слово по-моему «аш-шахир» — известного. В прорисовке это слово пропущено (39 Д/№ 55). Слово «аш-шахид» — мученик здесь подходящее, но конечная буква в слове больше похожа на «ра», чем на «дал». После имени Сейф ад-Дин пропущенную автором часть надписи следует читать «дама Аллах шухрату-ху» — «да продлит Аллах его славу» (см. ст. 66): Титулы «амир ал-аджалл ал-кабир» в XIII—XIV вв. соответствовали титулу главнокомандующего армией исфасалару (-сипасалару). Значит он был не просто, как полагает автор, «довольно авторитетным представителем правящих кругов монгольского периода» (с. 175).

16. Из 21 надгробного памятника, проходящих в книге под №№ 58—79 опубликованы нами 16/5, с. 21—23, рис. 31, 32А, Б, В; 33А, Б, В; 34А, Б, В; 35А, Б, В; 36, 37А, Б, В; Г, Д, Е; 38; 39А, Б, В; 40А, Б, В; 41А, Б, В; 42А, Б, В, Г и две (№№ 64, 70) рассмотрены в докторской диссертации. (3, № 277, 282).

Автор и его предшественник неверно читая надписи на двух надгробиях (№№ 58 1, 59 2) стараются доказать, что они принадлежат представителям княжеского рода Орбелян.

Мы не будем останавливаться на этом вопросе, так как подробно о фальсификации исторических фактов автором данной книги и его предшественником А. Д. Папазяном, отрицавших то, что урудские памятники являются единственным доказательством, указывающим на длительный процесс тюркизации и исламизации албанских племен и на их роли в формировании азербайджанского народа, сказано в нашей статье [7, 87—93].

Не подтверждается данными урудских надписей тезисы автора об исламизации последних отпрысков армянских князей из рода Буртелянов. Как известно, уррата буртелянами своего армянства отнесится к XV—XVI вв. На наш взгляд буртеляны могли принять ислам, но за такое короткое время не могли азербайджанизироваться. Чисто азербайджанские стихотворные тексты на надгробных памятниках XVI в. в Уруде свидетельствуют о том, что в указанный период часть аборигенов Зангезура (Сюника) была азербайджанцами, что подтверждается также письменными документами [7, с. 251—252, док. № 3,

с. 300, док. № 14; с. 309—310, док. № 13].

Элегия на азербайджанском языке:

Бир чавани назанини мекендир бу мазар

Ејлмиш назик танин хак илэ јексан рузкар

Это могила — обитель одного нежного юноши. Время сравняло его нежное тело с землей. Надпись эта высеченная на надгробных памятниках Уруда, является второй частью четверостишия, которое было высечено в эпитафии Шейха Сафи в селе Пир-Вахид Кубинского района Азербайджанской ССР (1054 г. х. = 1644/45 гг. [8, с. 323; № 326]).

Бир чавани назанини мекендир бу мазар

Ејлмиш назик танин хакэ јексан рузкар.

Арзуји мән будур дуа гылмыш ола һәр ким бура етсә кузар

Персидский вариант второй части этого четверостишия можно встретить на надгробных памятниках XVI—XVII вв., сделанных мастерами Ширвано-Апшеронской школы художественной резьбы по камню [9, №№ 173, 190, 191, 196, 206, 211, 213 и др.]. Урудские варианты двустипия повторяются на надгробном памятнике XIX в. в виде каменного изваяния лошади, находящегося в селе Зайлик Кельбаджарского р-на АзССР [3, № 386].

Если обратить внимание на рельефы урудских памятников, то можно заметить, что албанские племена прошли тюркизацию, видимо, еще до исламизации. На урудских памятниках использовались сюжетные мотивы, связанные с религиозными верованиями и бытом древнетюркских племен, населявших территорию Закавказья, которые не встречаются на армянских памятниках.

17. На урудских памятниках имеются также данные, свидетельствующие о том, что процесс тюркизации албанских племен в Зангезуре (Сюнике) можно отнести к более древнему периоду. Значительный интерес в этом плане представляет надпись на сундукообразном надгробии Огула ибн Мурада (т. е. тот, которая автором свода прочитана как «Аргун бин Мурад»).

Слово Огул в сочетании с предшествующим именем встречается в строке 52 «Большой надписи памятника в честь Кюль-Тегина»: [10, 403, 12, 689]. Огул Таркан есть в примере у В. М. Насилова [11, 29; 12, 689, 690]. В надписи портала Манас Гюмбеза, расположенного в 12 км от г. Талас в Киргизии, упоминается имя «Эбуген Огол ибн Дува

Хан» [12, 688]. В иерархии военных должностей, в ярлыках Тимур-Кутлуга и Саадат Гирея это слово отмечено без собственного имени и соответствует главнокомандующему правым или левым крылом армии [13, 141; 12, 689]. В надписи урудского памятника слово «Огул» отмечено без собственного имени. Богатое убранство памятника дает возможность предположить, что здесь захоронен военачальник тюркского происхождения.

18. Вызывает сомнение чтение автором надписи № 91 (нет фотографии) «шаханшах Ани-л-мулк-Шахиншах Ани царь», где он и в датировке противоречит сам себе. На с. 81 он относит надпись к последней четверти XV в., а в комментариях датирует VIII—X вв. (с. 48).

19. Мавзолей Шейх Баби Пакуба находится в селе Баби Физулинского района АзССР. Комплекс был датирован А. И. Брозгуль XII в. неверно (14, 163). Мавзолей у И. П. Шеблыкина ошибочно назван «Шых Бабалы» (15, 79). В середине прошлого столетия мавзолей и прекрасная куфическая надпись на нем привлекла внимание Н. В. Ханыкова, которым селение названо «Бабили», а в альбоме «Ваб» (16, 360—361, 17, 31—32). Но надпись была прочитана Ханыковым с ошибками и пропусками. Полностью эта надпись была расшифрована и включена в I том корпуса арабо-персо-азербайджанских надписей Азербайджана [9, № 51].

1. Амара би-бини хаза-л-машхад ли-шейх аз-захид ал-кадил.

2. Баби Пакуб 6. [И] сماعيل Гур Хар. Сана исна ва саб'ин ситтами'а алейха фан.

Приказал построить этот машхад (т. е. гробницу) шейху аскету, совершенному Баби Пакубу ибн Исмаил Гур Хар в шестьсот семьдесят втором году. [Всекий], кто на ней, (т. е. на земле) исчезнет. 672 г. х. = 1273—74 гг. Перевод надписи на азербайджанский [18, 15, 16] и на русский [19, 26, 27] языки опубликован. За словом «сана» следует читать «исна», которое Ханыковым пропущено. Отсюда происходит неправильная датировка мавзолея [20, 76; 21, 196, 197, рис. 120].

По эпитету шейх Баби Пакуба «аскет» и окончанию надписи изречением из корана «алейха фан» можно судить о его связи с суфийской организацией. Народное предание и данные источников говорят о воинственном характере суфийской организации, возглавляемой Шейхом Баби Пакубом. Можно так же предположить, что он был связан с народным движением против монголов и

местных властей [18, 15; 22, 101, 105]. Хачатрян, не обследовав надпись на месте, включил в корпус ошибочное и неполное чтение Ханыкова.

20. Надписи под №№ 171—178 из сел. Нижнее Азы, Дер, под № 180 из Хараба Гилана и др. из Ордубадского района АзССР, неверно прочитанные И. Азимбековым, также включены в свод.

21. Надписи под №№ 182, 183—193 из Нахичевани были прочитаны А. Алескерзаде совершенно правильно и на них был составлен критический анализ. Надписи эти включены в третий том свода «ЭПА» — арабо-персо-азербайджаноязычные надписи Нахичеванской АССР.

Недостатки и ошибки в чтении надписей можно еще долго перечислять. Анализ вышеупомянутых памятников, которые являлись объектами наших исследований, внушает недоверие к прочтению остальных надписей с территории Турции. Выводы автора о том, что «не все резчики в равной степени владели нормами арабского языка, что особенно ярко проявляется у христианских (армянских) и обращенных в ислам армянских мастеров, которые естественно, хуже мусульманских резчиков владели арабским языком и его довольно сложной графикой (с. 38)» неубедительны и необоснованны. Говоря о христианских (армянских) или обращенных в ислам армянских мастеров автор, как видно из его описания памятников, имеет ввиду урудские надгробия Зангезура (с. 33, 34).

На одном сундукообразном надгробии на кладбище с. Уруд упоминается имя резчика-каллиграфа Вали. Все надписи, сделанные на урудских надгробиях следует считать принадлежащими местной школе мастеров каллиграфии и художественной резьбы по камню, поскольку они идентичны.

Автору следовало установить к какой школе каллиграфии и художественной резьбы по камню принадлежат сохранившиеся надписи и сюжетные изображения на территории Арм. ССР. Работа мастеров в Зангезуре резко отличается от Эриванской — Чухурсаадской школы каллиграфии (на примере надписи мавзолея Пир Хусайна в Джафарабаде). На стиль мастеров и художественное оформление памятников повлияли прежде всего нормы ислама, степень же грамотности мастеров зависела от социально-экономических условий и уровня образования, а не от национальной принадлежности каллиграфов. Конечно в культурных центрах Азербайджана — Тебризе, Шемахе, Баку, Дербенде и др.,

влияние ислама на произведение искусства, в том числе на надгробные памятники, было огромно. Здесь арабские тексты грамотны, богаты по содержанию, в них использованы разные почерки.

На работу мастеров, живших и творивших в горных и предгорных районах Азербайджана, к которым относятся и Зангезур, ислам оказывал меньшее влияние, чем в низменных районах. Население горных и предгорных районов Закавказья больше сохранило древние обычаи и традиции, что отразилось на памятниках, в прикладном искусстве, где преобладают реалистические мотивы местного изобразительного искусства.

Для урудских памятников характерно высечение одного и того же религиозного текста молитвы почти на всех надгробиях, даже на нескольких сторонах одного памятника: «Аллахума салла ала Мухаммад ма дамат ас-салават ва салла»—Господи, благослови Мухаммада, постоянными молитвами и благослови...» Отличаются памятники Уруда и своеобразными рельефами, в которых отразились верования древнетюркских племен: онгоны—соколы, быки тибетские — яки, шаманы и др.

Исследователи религиозных верований древних тюрков установили, что среди принявших ислам тюркских народов еще долго сохранялся шаманизм. Ислам принял ряд элементов древнетюркских культов, частично облачив их в оболочку ислама. Большинство тюркоязычных народов, принявших ислам, сохраняло многое из своих древних религий [24, 1—16; 25, 27].

Часто на памятниках наряду с религиозными мотивами находят отражение бытовые мотивы—характерно изображение сцен охоты, пира после охоты, орудий ремесла, элементов одежды и различных предметов быта [5, 3—9]. Аналогии урудских памятников имеют распространение на территории НахАССР, Лачинского, Кельбаджарского, Мингечаурского, Ярдымлинского и др. горных и предгорных районов Азербайджана. Стиль работы, техника резьбы урудских мастеров позволяет говорить о связи их со школами художественной резьбы по камню и каллиграфии в упомянутых районах Азербайджана.

Во всех отношениях, рельефом и текстовым, урудские памятники нельзя изучать оторванно от памятников других районов Азербайджана. Вызывает удивление метод исследования Хачатряна. Турецкие памятники он сравнивает с памятниками близлежащих стран. Напр.: «В силу близости Хлата и Север-

ной Сирии хлатские мастера и резчики, среди которых, разумеется, были уроженцы из Сирии, могли заимствовать некоторые элементы письменной культуры или же употребить привычные для них выражения, которые скорее всего, происходят из разговорной речи.» (с. 35). Почему-бы автору не связать язык азербайджанских стихотворных и других текстов на урудских надгробиях с текстами, высеченными на памятниках, расположенных в близлежащих к Зангезуру районах АзССР. Нельзя избегать исторических факторов, связывающих Зангезур с Азербайджаном и игнорировать тот исторический процесс и социально-экономическую базу, создавшую условия для проживания албанов на территории Сюника и их роль в формировании азербайджанского народа: Автор во вводной части (с. 43) говоря о стиле «сельджукского насха», приводит (по М. Бершему) имена мастеров каллиграфов армянского происхождения: Калаяна, Тагвора б. Стефана, Телук б. Абдаллаха, которые не упомянуты в надписях, приведенных в Корпусе. О существовании турецкой школы художественной резьбы и каллиграфии XIII—XIV вв. в Ахлате, автор даже не упоминает. Представителями этой школы являются такие известные мастера, как устэд Увейс б. Ахмад, его ученик устэд Асад б. Айюб, Асил б. Увейс, ученик Асада. Хронологические рамки их деятельности по приведенным надписям в книге определяются 1266—1314 гг. т. е. 48 лет. На памятниках после 1266 г. не встречается имя самого устада Увейса, встречается имя его ученика с высоким профессиональным званием «устэд», Асада и сына. По данным надписи сын мастера Увейса Асил мастерству научился у ученика своего отца, устада Асада (№№ 249, 253, 254, 255, 259, 260, 268, 273, 275, 276). В надписях также встречаются имена других каллиграфов и строителей: Касум б. Санан б. устэд Али (№ 219), Баба-Джан (№ 227), Осман б. Хасан (№ 238), Хасан б. Юсуф (№ 244, 245), Ахмад ал-Музейян (№ 246), Хаванд б. Барка, Мирджа б. Миран (№ 288), Джо'мат б. Мухаммад (№ 268) и др.

Об армянинах «архитектуре» Ашоте автор упоминает в нескольких местах (с. 7, 36, 40, 53, 168). Но не дает фотографии надписи. При этом автор сам сомневается был ли он строителем или «амием». Автор не приводит данных подтверждающих, что Ашот был архитектором.

Итак, перед читателем появилась еще одна супермистификация, именуемая

«Корпусом арабских надписей Армении VIII—XVI вв.» (выпуск 1, 1987). Появился еще один интерпретатор от науки, теперь уже в эпиграфике, который, вероятно, подзабыл о разное, учиненном его предшественнику С. Айвазяну академиком Б. Б. Пиотровским в 1971 г.

Фальсификация фактов на урудских надписях и вообще приведенные надписи с территории исторического Азербайджана, АзССР и Турции, неверная датировка надписей составителем свода еще раз подтверждает слова акад. Б. Б. Пиотровского, сказанные по адресу армянских ученых-фальсификаторов, прочитавших слева направо арабские надписи на надгробии XIX в. н. э. из азербайджанского села Зейва и на медных монетах азербайджанских атабеков XII—XIII вв.—«...остановить поток безграмотных «теорий», наносивших вред армянской исторической науке, и к сожалению проникших в популярную литературу» [26, 302—304].

Правы были Величко и Чавчавадзе, когда писали о подложных и надуманных идеях и концепциях представителей диаспоры, идеях и концепциях, в которые начинали верить сами выдумщики, и которые, в свою очередь возводили этот бред до высот науки с последующими претензиями на его признание на самых высоких уровнях и даже инстанциях, весьма далеких от науки.

Забыл, вероятно, Александр Арутюнович Хачатрян о мудром изречении профессора, члена-корреспондента Академии наук Российской империи Керопа Патканяна о том, что Армения никогда не играла особой роли в истории человечества: Это не есть термин политический, а только географический. Зачем же игнорировать и отвергать изреченную мудрость? Зачем «фантастическое, ничего общего с реальностью не имеющее» [26, 302—303], выдавать за действительное, реальное? Ведь после падения Армянского царства в 387 г. н. э. и раздела его земель

между Ираном и римлянами, Армения, как государственная единица появилась только в составе Советского Союза 29 ноября 1920 г. (Айканан анрапетутюн).

Что же побуждает людей наподобие А. А. Хачатряна громоздить небывлицы с претензиями на земли и территории, которые никогда не составляли политического или экономического единства под названием Армения? Не существовало с IV в. до ноября 1920 г. армянской государственности, как нет на всем белом свете ни одной армянской монеты!

Красной нитью по всей книге проходит идея автора всеми правдами и неправдами «подтвердить» существование «Великой Армении», о чем не может быть речи в исследуемый период. Именно это стремление приводит его к фальсификации исторических фактов.

Нездоровый дух, существующий ныне в армянской исторической науке и среди тех представителей интеллигенции, которые стараются воспитывать молодежь в духе национализма, может нанести огромный вред дружбе народов, издревле живущих в мире и согласии. Как показывают исследуемые памятники и данные письменных источников, многовековое соседство, общность исторических судеб, тесные экономические и культурные связи способствовали развитию общих черт в материальной и духовной культуре азербайджанского и армянского народов.

Эти факты надо анализировать на основе марксистско-ленинской методологии с позиций интернационализма. Р. С. Маленкая справка: В 1978 г. в селе Марага Мардакертского района НКАО был сооружен обелиск в честь 150-летия появления в Карабахе первых армян, переселившихся из г. Марага юж. Азербайджан) в 1828 г. Ныне это село (Марага) переименовано в Ленинаван. А обелиск стоит!

Примечания

1. Существует Центральная Координационная комиссия по письменным памятникам народов Востока при Институте востоковедения АН СССР, где планируются все эти издания. ЦКК следует обсуждать и утверждать расширенный план подобных работ.

2. Такой метод применяется по отношению к историческим памятникам даже на территории нашей республики: Строительные надписи уничтожаются мастерами-реставраторами армянами, ими

уничтожаются такие средневековые некрополи на территории АзССР, где рядом живут армяне и азербайджанцы. Напр.: в селе Калахана Шемахинского района (ныне населено татами-грегорянами) было огромное средневековое кладбище с надгробиями и мавзолеями (XIV—XVII вв.). В настоящее время оно перепаханно и засажено виноградом. Уцелели лишь мавзолены. Территории средневековых азербайджанских кладбищ XIII—XVII вв.: в селах Агры и Дер

Ордубадского района АзССР превращены в современные кладбище армян. Кошунственно уничтожены все исторические памятники. Сохранились лишь два сундукообразных надгробия XIV в. на кладбище села Агры; два фрагмента надгробного сундука XIII в., четыре надгробных сундука XIII—XVII вв., одно надгробие в виде каменного изваяния барана XVI—XVII вв. в селе Дер.

³ Нейматова М. С. Значение эпиграфических памятников для изучения социально-экономической и политической истории Азербайджана XIV—XIX вв.: Дис. д-ра ист. наук.—Баку, 1968, ч. 1.

⁴ Нейматова М. С. Автореф. дис. д-ра ист. наук.—Б., 1968.

⁵ Нейматова М. С. Мемориальные памятники Азербайджана XII—XIX вв.—Б., 1981.

⁶ Нейматова М. С. Еще раз об урудских памятниках Зангезура.—Изв. АН АзССР, сер. ист., филос. и права, 1985, № 4.

⁷ Папазян А. Д. Персидские купчие Матенадарана.—Ереван, 1968.

⁸ Нейматова М. С. О некоторых эпиграфических памятниках Кубинского, Хачмасского и Кусарского районов: Тр. Ин-та истории АН АзССР.—Баку, 1958, т. XIII.

⁹ Нейматова М. С. Свод эпиграфических памятников Азербайджана, т. I—Арабо-персо-азербайджаноязычные надписи Баку и Апшерона X—начала XIX вв.—Б., 1988 (находится в производстве).

¹⁰ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности.—М., 1956.

¹¹ Насилов В. М. Язык Орхоно-енисейских памятников.—М., 1960.

¹² Крачковская В. А. Дополнения к чтению надписи гумбеца на р. Талас. «Семитские языки. Материалы первой конференции по семитским языкам. 26—28 октября 1964», вып. II, ч. 2.

¹³ Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий.—СПб., 1869, т. I.

¹⁴ Брозгуль А. И. Мавзолей в селе Бабы. ПАЭН, М., 1947.

¹⁵ Щерблякин И. П. Памятник азербайджанского зодчества эпохи Низами.—Б., 1943.

¹⁶ Крачковская В. А. К истории изучения мавзолея Ших-Бабалы.—ДАН АзССР, вып. 3, том 2, 1946.

¹⁷ Крачковская В. А. Неизвестный альбом по арабской эпиграфике, «ЭВ», М.—Л., 1948, т. 2.

¹⁸ Нейматова М. С. Каменная память веков.—Б., 1987 (на азерб. яз.)

¹⁹ Нейматова М. С. Куфические надписи Азербайджана. Материалы к сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1970 г. Азербайджана.—Б., 1971.

²⁰ Усейнов М. А., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана.—Б.—М., 1963.

²¹ Бретаницкий Л. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока.—М., 1966.

²² Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих, т. III, перевод с персидского языка А. К. Арендса. Составитель научно-критического текста на персидский язык А. Али-заде.—Б., 1957.

²³ Алескер-заде А. А. Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. ААЭН, М., 1947.

²⁴ Малов С. Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана. Отдельный оттиск из 5 тома. «Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук», Пг., 1917.

²⁵ Басим Аталай. Бекташилик. Истамбул, 1340.

²⁶ Пиотровский Б. Письмо в редакцию: Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, Е., 1971, № 3 (54).

Академик АН АзССР
З. М. БУНИЯТОВ
Доктор ист. наук.
М. С. НЕЙМАТОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ *

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ В АРАБСКИХ ИСТОЧНИКАХ
(перевод с арабского и примечания З. М. Бунятова и Н. М. Велихановой)

Абу Абдаллах Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (нач. IX в.)
«Китаб сурат ал-ард» («Книга картины земли»)

Море Хорезм, море Джурджан, море Табаристан и море ад-Дайлам — это общее имя (см. рис. 1).

Начало моря в долготе 74°40', касается горы Иун [1] и в широте 43°50', дальше оно тянется к долготе 76°05' и широте 37°50', продолжается к долготе 77°30' и широте 38°50', долготы 78°40' и широте 38°40', долготы 79°05' и широте 39°30', долготы 81°05' и широты 39°45', долготы 87°05' и широты

42°30', долготы 87°40' и широты 48°20', долготы 90°05' и широты 42°20', долготы 90°40' и широты 44°05', долготы 90°20' и широты 45°05', долготы 90°30' и широты 46°05'. Далее море продолжается в виде турса (тайласан) к долготы 89°05' и широты 48°30', продолжаясь в виде выемки к долготы 88°20', доходя до долготы 89°20' и до широты 50°05'. Далее море продолжается в виде турса и тянется от дол-

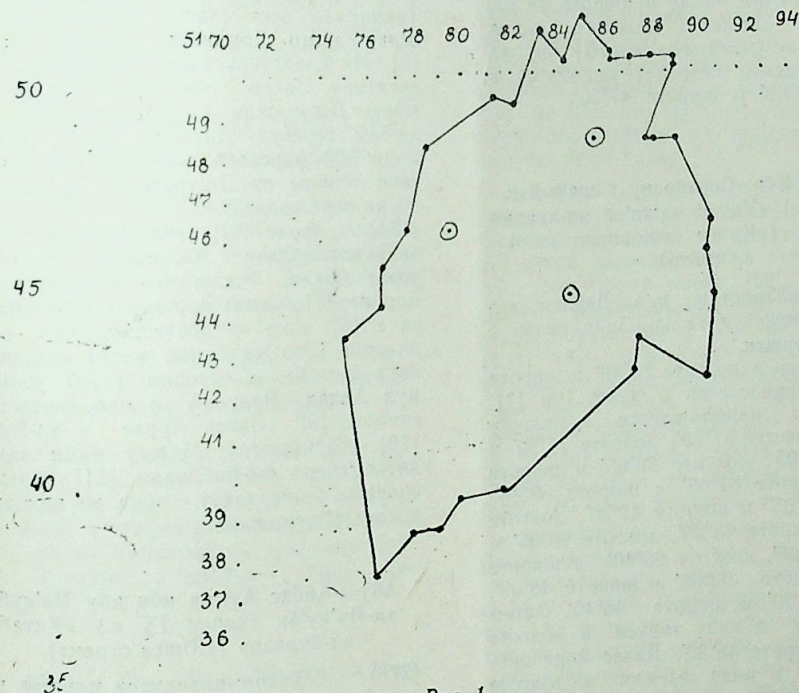

Рис. 1

готы 89°30' к долготы 88°30', продолжаясь до долготы 87°05' и широты 50°20'. Далее к долготы 86°30' и широты 50°40'. Далее тянется в виде выемки к широты 50°20' и продолжается к долготы 85°30' и широты 51°40'. За-

тем в виде турса тянется до долготы 84°30' и широты 50°20', далее к долготы 83°05' и широты 51°10'. Далее в виде турса до долготы 82°05' и широты 49°20', долготы 81°05' и широты 49°50', долготы 78°05' и широты 48°10'

* Введение напечатано во II номере журнала за 1988 г. Продолжение—в следующем номере журнала.

продолжаясь до впадения двух рек в долготу 77°40' и широту 46°05', далее к долготу 76°10' и широту 45°20' и далее тянется в виде выемки к широте 44°30' и продолжается к долготу 76°05' и широту 44°05', касаясь горы, откуда мы начали описание. А эта гора Нун (Пун) [1], мимо которой море проходит у долготы 74°40' и широты 43°05'.

Острова моря Джурджан и Табаристан

Остров, площадь которого равна двум делениям [масштаба карты] на одно деление. [Центр острова] находится в долготу 79°30' и широту 46°05'.

Остров, площадь которого равна двум делениям [масштаба карты] на одно деление. [Центр острова] находится в долготу 84°05' и широту 44°40'.

Остров, площадь которого равна двум делениям [масштаба карты] на одно деление. [Центр острова] находится в долготу 85°50' и широту 43°30'.

Остров, площадь которого равна 2/3 деления [масштаба карты] на два деления, [центр острова] находится в долготу 83°05' и широту 47°30'.

* * *

Сухраб (Ибн Серапион, Сарафийун, I пол. X в.) «Китаб аджа'иб ал-акалим ас-саб'а» («Книга диковинок семи климат»)

Море Табаристан и ад-Дейлем, это море не имеющее какой-либо связи с другими морями.

Начало его в долготу 74°40' и широту 43°05' соприкасается с горой Тун [1]. Затем оно приближается к долготу 76°05' и широту 37°50', долготу 77°30' и широту 38°05', долготу 79°05' и широту 39°30', долготу 81°05' и широту 39°45', долготу 87°05' и широту 42°30', долготу 87°40' и широту 43°20', долготу 90°05' и широту 42°20', долготу 90°40' и широту 44°05', долготу 90°09' и широту 45°05', долготу 90°30' и широту 46°40'. Затем оно тянется в виде турса к долготу 89°05' и широту 48°30'. Далее море продолжается в виде выемки к долготу 88°20', доходя до долготы 89°20' и широты 50°05'. Затем море тянется наподобие турса от долготы 89°30' к долготу 88°30', продолжаясь до долготы 87°05' и широты 50°20', от долготы 86°30' и широты 50°40'. Далее тянется в виде выемки к широте 50°20' и продолжается к долготу 85°20' и широту 51°30'. Затем в виде турса тянется от долготы 82°05'

и широты 49°20', далее к долготу 81°05' и широту 49°30', долготу 78°05' и широту 48°05'. Отсюда море тянется к впадение двух рек к долготу 77°40' и широту 46°05' далее к долготу 76°10' и широту 45°20'. Далее море тянется в виде выемки к широте 44°30' и продолжается к долготу 76°05' и широту 44°05'. Затем оно проходит мимо горы, от которой мы начали отсчет, а это гора Тун, мимо которой море проходит у долготы 74°40' и широты 43°05'. Я закончил составлять координаты этого моря...

* * *

Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах Ибн Хордадбех (сер. IX в.) «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»)

(154) ...Они (купцы-русы) доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому морю [2]. Владелец ар-Рума взимает с них десятину [3]. Если они отправляются по Танису — реке славян [4], то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар [5]. Их владелец также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу. Диаметр [курт] этого моря 500 фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах...

(174) ...Аррас [6], река Арминий, начинается вблизи Каликалы, проходит через Арран, где в нее впадает река Аррана [7], затем протекает мимо Варсаана [8] пока не достигает места соединения. Это то самое место «слияния двух людей», о котором (175) упомянул Аллах Великий и оно считается святым [9]. Здесь Аррас и ал-Курр [10] соединяются. Между ними находится город ал-Байлакан [11]. Соединившись, они текут, пока не впадают в море Джурджана...

* * *

Абу-л-Аббас Ахмад ибн абу Иа'куб ал-Иа'ку'би (конец IX в.) «Китаб ал-булдан» («Книга стран»)

(278) ...Хорезм находится в устье реки Балх, в том месте, где вода реки Балха уходит в Дейлемское море... [12].

* * *

Ибн ал-Факих ал-Хамдани (конец IX — нач. X в.) «Китаб ал-булдан» («Книга стран»)

(7) Третье море — Хорасанское, Хазарское — [называется так] из-за бли-

зости к нему хазар. [Оно простирается] до Мукана, Табаристана, Хорезма, Баба ал-Аббаба. От моря Джурджана до залива (халидж?) хазар — десять дней пути [13]. При хорошем ветре — восемь дней морем и два дня по суше. Это море называется и Хорасанским кругом (давара). Диаметр его — 100 фарсахов, а если кто будет обходить его кругом — 1500 фарсахов.

(145) Море ар-Рум простирается от Антакии к Константинополю, затем образуется круг начиная от стран запада, пока не выходит за Баб ал-Аббабом из страны ал-Хазар и не достигает Кайравана и Тарабулуса в Ифрикийи, а затем доходит до ал-Андалуса [14].

(271) Затем (торговцы-славяне) направляются к территории славян, переходят из моря Славян в реку, называемую Славянской рекой, для того, чтобы переправиться в залив Хазар; там с них берет десятину владелец хазар. Затем они следуют к морю Хорасана [15] и попадают в Джурджан, где продают все, что с собой привозят... (324) ...Река [Еалх] прорезывает Хорезм, впадает в Хорасанское море, а затем вступает в Син [16].

Ал-Баттани (конец IX в. — нач. X в.)

(из астрономических таблиц) *

(27) Море Джурджана — море ал-Баба. Длина его с запада на восток 800 миль, а ширина — 600 миль. На нем два острова напротив Джурджана, которые в прошлом были обитаемы.

* * *

Абу Али Ахмед ибн Умар ибн Русте (нач. X в.) «Китаб ал-алак ан-нафиса» («Книга дорогих ценностей»)

(84) Море Табаристана или Джурджана. Его называют также морем ал-Баба. Длина его с запада на восток 800 миль, а ширина 600 миль. В этом море около Табаристана есть два острова, которые в прошлом были обитаемы.

* * *

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Мас'уди (ум. ок. 956 г.)

а) «Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар» («Промывальни золота и рудники самоцветов»)

(т. I, 262)

* Текст ал-Баттани дан в переводе И. Крачковского (IV, 107).

Глава четырнадцатая. О море ал-Баб ва-л-Аббаб, [оно же] ал-Хазар и Джурджан и совокупность сведений о расположении [всех] морей.

Что касается моря Аджамов (неаравов), у берегов которого их жилища и где они обитают, то жителями оно заселено со всех сторон.

Оно известно, как море ал-Баб ва-л-Аббаб, ал-Хазар, Джурджан и Табаристан. У его берегов живут различные [племена] тюрок. К одному из его берегов примыкают области страны Хорезм, которая [входит] в земли Хорасана.

Длина [моря] восемьсот миль, а ширина — шестьсот миль. По форме оно растянуто в длину...

[273, 52] говорит ал-Мас'уди: «Некоторые люди ошибаются утверждая, что море ал-Хазарийю соединено с морем Майотис [17]. Но я не встречал ни одного купца, прибывшего в страну ал-Хазар, который плывал по морям Майотис и Нитас [18] в страны ар-Рум и ал-Бургаз, утверждавшего, что море ал-Хазар соединено с каким-либо из этих морей, что их воды или заливы смешиваются. Море это соединено только с рекой ал-Хазар...

(т. II, 7) [Город] Атил, где теперь живет хазарский царь, состоит из трех частей, на которых он поделен огромной рекой, вытекающей из верхних частей территории тюрок [19]. От [этой реки] у земель Бургаз [20] отделяется рукав, впадающий в Майотис [21]...

(т. II, 15) В верховьях хазарской реки имеется рукав, вливающийся в залив моря Нитас, моря русов, по которому другие не плавают... [22].

(т. II, 18) После 300 г. [хиджры] около 500 судов, на каждом из которых было 100 русов вошли в залив Нитаса, соединяющийся с морем ал-Хазар. Здесь находились сильно снаряженные люди хазарского царя, [поставленные сюда с целью] отражения [нападения] тех, кто наступает со стороны моря, и тех, кто идет со стороны суши, простирающейся от моря ал-Хазар до моря Нитас. И так делали из-за того, что кочевники из тюрок-гузов приходили в эти места на зимовку. Иногда вода, соединяющая р. Хазар [23] с заливом [моря] Бунтус [24] замерзает и гузы на своих лошадях переправляются через нее. Это большая вода, но она не проваливается под их [ногами], поскольку [зимой] затвердевает как камень. Они

переправляются на территорию хазар, а иной раз, когда людям, расположенным там [хазарским царем] не удается отразить [натиск гузов], то против них выступает сам царь и не позволяет им пройти по этому льду и отгоняет от своей страны. А летом тюрки не могут переправиться. Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они обратились к хазарскому царю [с просьбой] пройти через его территорию, спуститься по реке ал-Хазар и достичь моря ал-Хазар, которое также называется морем Джурджана, Табаристана, и других аджамских областей, с условием, что они отдадут [царю] половину добычи, захваченную у народов, обитающих у этого моря. Он разрешил им совершить это и они вошли в пролив, достигли устья реки и стали подниматься вверх по этому ответвлению, пока не добрались до реки Хазар, по которой спустились до города Атил и пройдя мимо него достигли устья, где река впадает в море ал-Хазар, а оттуда доплыли в город Амул [25]. Упомянутая река огромна и многоводна. Суда русов, разбредлись по морю и совершили нападения на Джилан, ад-Дайлам, Табаристан, Абаскуп, находящийся на побережье Джурджана, на страну нефтеносную [26], на территорию, расположенную в сторону Азербайджана...

Побережье Табаристана находится на этом море ал-Хазар и здесь стоит город ал-Хум, являющийся портом, недалеко от берега; между ним и городом Амулом один день пути...

(25) На джурджанском берегу этого моря находится город, называемый Абаскуном. Из Джурджана до него около трех дней [пути]. На побережье этого моря находятся область ал-Джил и ал-Дейлем. Суда с купцами, входящие в их порта, плавают и в город Итил. Эти [суда] посещают на побережье местность, которую называют Бакух (Баку) — это промысел белой и другого цвета нефти. Только Аллах знает, где еще в мире кроме этого места есть белая нефть. Это побережье государства Ширван. В этом нефтеносном месте есть вулкан, который является одним из источников огня. В любое время он не спокоен и высоко выбрасывает огонь.

(26) Говорят, что такое же побережье и у островов в [этом] море. Один из них расположен на расстоянии трех дней пути от берега [27]. На нем есть большой вулкан, действующий в определенное время года. Из него вы-

брасывается огромное пламя, поднимающееся в воздух подобно вершине высоких гор. Он виден на расстоянии до ста фарсахов. Этот вулкан похож на вулкан на горе ал-Буркан, из страны Сакилийа, расположенной на территории франков... [28].

(27) В этом море есть другие острова, лежащие напротив побережья Джурджана. На них ловят один из видов белых соколов (ал-базат). Этот вид соколов быстрее других птиц поддается приручению...

(74) Что касается реки ал-Курр, то она берет свое начало в стране Джурджана и достигает пограничную область Тифлиса. Эта река известна, как ал-Курр, протекает в трех милях от Барды [29] и течет в сторону Бардиджа [30], являющегося одним из округов Барды. Затем в нее вливается река ар-Рас; вода его смешивается с водой ал-Курра и от этого места они текут в одном русле до моря ал-Хазар, где и находится устье.

Река ар-Рас протекает мимо [города] Варсана и заканчивает свое течение в месте, о котором мы говорили — близ села по имени ас-Санара [31], где она впадает в реку ал-Курр.

В море ал-Хазар впадает также река, известная по имени Исбид-руд (Сефид-руд). По арабски эта река называется ал-Абйад («Белая»). Течет эта река в область ад-Дейлем, мимо крепости, известной по имени «крепость Салара». Из ад-Дейлема эта река течет в [область] ал-Джил, или как у них говорят Джилан (Гилян). В эту реку впадает, также, еще одна река страны ад-Дейлем, которая называется Шах-руд, что означает «Царь рек», из-за чистоты и мягкости своей воды [32].

Все реки, о которых мы говорили, впадают в море ал-Джил, которое называется также морем ад-Дейлем, ал-Хазар и по другому.

«Китаб ат-танбих ва-л ишраф»
(«Книга предупреждения
и пересмотра»)

(60) О третьем море —
море ал-Хазарийя

Море ал-Хазарийя [является] морем [страны] ал-Хазар, ал-Баб ва-л-Абваба, Арминий, Азербайджана, Мугана, ал-Джила, ад-Дейлема и Абаскуна.

Оно [омывает] также берега Джурджана, Табаристана, Хорезма и другие области и поселения аджамов.

Длина его 800 миль, а ширина — 600 миль, но говорят, что размеры его

больше. Море вытянуто в длину. Многие называют его морем ал-Хурасана, из-за того, что оно омывает [берега] страны Хорезм, [которая входит] в территорию Хорасана.

Вдоль его берега есть также местность, известная как Бакух. Это нефтеносное место, принадлежащее государству Ширван, к которому относится и Баб ал-Абваб. Отсюда вывозят белую нефть. Есть там вулканы, которые представляют собой источники огня, выходящего из земли.

На море есть острова, лежащие напротив нефтеносного места. На них также есть источники больших огней, видимых ночью на большом расстоянии.

В книге «Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар» мы уже упоминали о некоторых вулканах, находящихся в населенных областях земли; вулкан на Сакилийа, вулкан в Вади Баркут, в стране аш-Шихр и Хадрамаут [33], вулканы на море ал-Хазарийя и ал-Баб ва-л-Абваб и вулкан Асук в стране ал-Хиндиджан — между областями Фарс и ал-Ахвасом. Они видны ночью на расстоянии более чем четыре фарсаха...

(62) Из известных великих рек, впадающих в это море, назовем реку Черный Иртыш и реку Белый Иртыш [34]. Обе эти реки — громадные и каждая из них превосходит по размерам Тигр и Евфрат. [Расстояние] между их устьями около десяти дней пути. Вдоль их берегов расположены зимовья и летние стоянки тюркских [племен] кимаков и гуззов.

Река ал-Курр протекает через город Тифлис и город Сугдабил, расположенный на территории Джурджана, затем течет мимо города Барды и сливается с рекой ар-Расс, которая является рекой Варсана.

Река Исбид-руд — исток ее в области Сисар [36] и река — Шах-руд — обе они протекают по стране Азербайджан и ад-Дейлем.

Река ал-Хазар течет через город Итил — главный город ал-Хазар. До этого их главным городом был Баланджар [37]. В эту реку впадает река Буртас [38].

Буртасы — большой народ из тюрков, живущие между страной Хорезм и владением ал-Хазар. По этой реке плавают большие суда с купцами и различными товарами из Хорезма.

Другая река хазаров известна как Баум [39], она больше Тигра и Евфрата.

Большая река, известная как Кызыл-руд [40]. Эта река похожа на Заб и в нее вливаются воды, стекающие с гор ал-Кабк (Кавказ). Река впадает в это

море близ Баб ал-Абваба. Там через нее перекинут большой мост удивительной постройки.

Река Калиф, она же Джейхун [41]. Эта река Балха, ат-Термеза, Хорезма. Она берет начало из родников этого климата, за рибатом, называемым Бадахшаном. Эта река течет через страну Хорезм и впадает в озеро, называемое ал-Джурджанийя [42], а ал-Джурджанийя — город, находящийся у устья [Калифа]. Это [озеро], одно из самых больших в обитаемом [мире]. Его расстояние 40 дней на столько же. От этого озера берут начало огромные реки, впадающие в море ал-Хазарийя [43].

* * *

Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Фариси ал-Истахри (1 пол. X в.)
(«Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей стран»))

(217) Море ал-Хазар
(см. рис. 2)

На восточном берегу моря ал-Хазар [находится] часть ад-Дейлема, Табаристан, Джурджан и часть пустыни, которая [лежит] между Джурджаном и Хорезмом, на западном [берегу] — Арран и пределы ас-Сарира, страна ал-Хазар и часть пустыни [218] гуззов; на северном — пустыня гуззов в стороне Сийакуха [45], а на южном ал-Джил [46] и ад-Дейлем.

Это море не связано ни с одним морем на земле и если бы человек обошел его кругом, он вернулся бы к месту, с которого начал свой путь. Не преградило бы ему пути никакое препятствие за исключением пресноводных рек, впадающих в него. Это море соленое, в нем не бывает приливов и отливов. Оно темное, а дно его глинистое, в отличие от моря ал-Кулзум и остальному морю Фарса [47]. В некоторых местах моря Фарс иногда виднеется дно из-за чистоты находящихся там белых камней. Из этого моря не добывают никаких драгоценных камней, ни жемчуга, ни кораллов, или другого, что добывают из морей и оно не дает пользы ничем, кроме добываемой из него рыбы.

По нему плавают купцы из мусульманских земель в страну ал-Хазар, в [места], расположенные между Арраном, ал-Джилем, Табаристаном и Джурджаном.

На этом море нет обитаемых островов с населением, какие нами описывались на морях Фарс и ар-Рум [48], на нем только острова, на которых есть

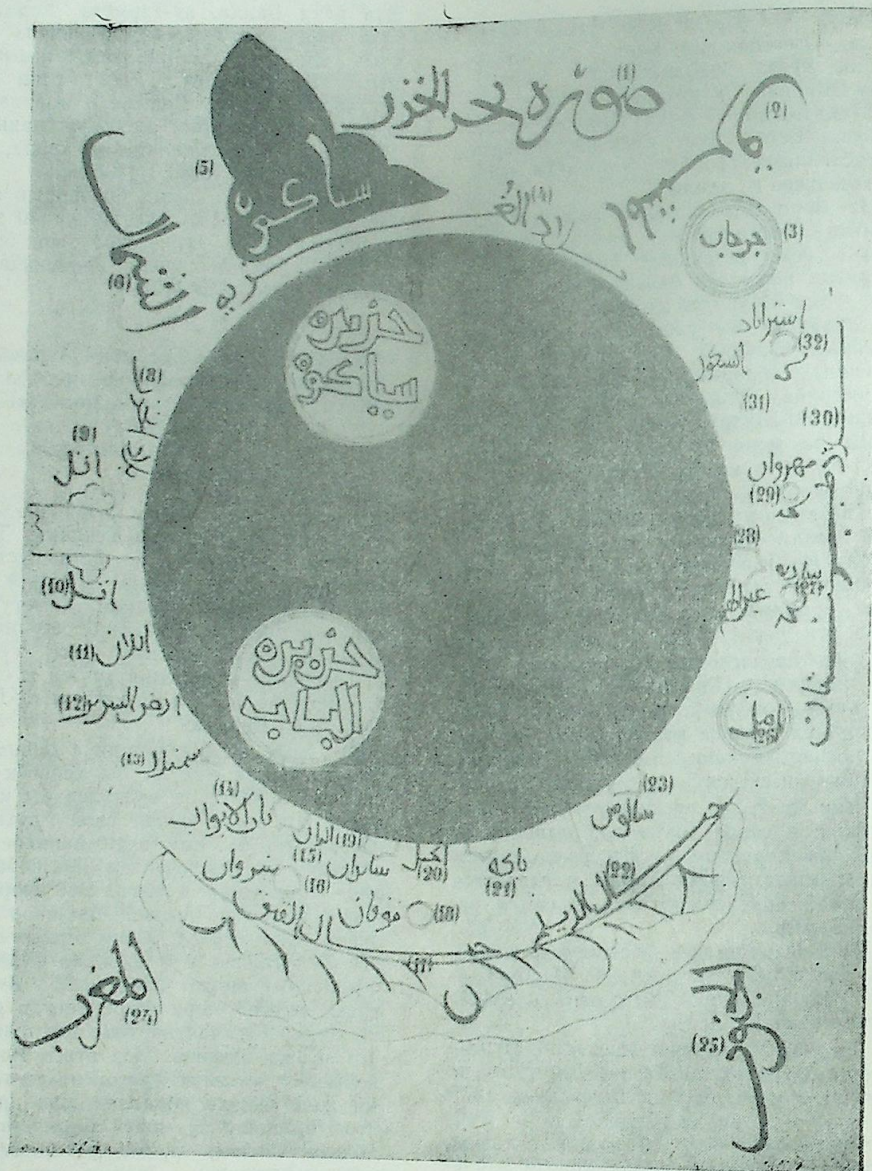

Рис. 2. 1 — Карта моря ал-Хазар, 2 — Ал-Машрик (восток), 3 — Джурджан, 4 — Страна ал-Гузнийя, 5 — Сийа-кух, 6 — Аш-Шимал (север), 7 — Остров Сийа-Кух, 8 — Страна ал-Хазар, 9 — Итил, 10 — Итил, 11 — Ал-Лан, 12 — Земля ас-Сарир, 13 — Самандар, 14 — Баб ал-Абваб, 15 — Арран, 16 — Ширван, 17 — Горы ал-Кабк, 18 — Муган, 19 — Шабиран, 20 — Ал-Джил, 21 — Бакух, 22 — Горы ал-Дейлем, 23 — Салус, 24 — Ал-Магриб (запад), 25 — Ал-Джануб (юг), 26 — Амул, 27 — Сарийа, 28 — Айн ал-Хум, 29 — Махриван, 30 — Страна Табаристан, 31 — Абаскун, 32 — Астрабад, 33 — Остров ая-Баб

заросли, вода и деревья, но нет людей. Из них: остров Сийакух. Это большой остров, на котором есть источники, деревья и заросли; на нем водятся дикие животные.

Есть остров, расположенный напротив [устья] ал-Курра... Он велик, и на нем есть заросли, деревья, вода. Там добывают марену. Туда едут из округов Барды и вывозят оттуда марену, а туда на кораблях свозят скот из округов Барды и других мест, и он несется там, пока не тучнеет.

(219) Ат Абаскуна до [пределов] хазар по правому побережью моря нет ни села, ни города, за исключением места, отстоящего примерно на пятьдесят фарсахов от Абаскуна, называемого Дихистан [49]. Это скрытое место (дихла) в море, куда прячутся корабли от шторма. Сюда стекаются много народа из окрестных мест и находятся там ради рыбной ловли. Там имеется вода. Я не знаю другого такого места [в этом море], в котором бы жил хоть кто-либо за исключением Сийакуха. На нем обитает племя тюрок, которое недавно переселилось сюда из-за вражды, возникшей между гуззами и ними. Они удалились от них (гуззов) и сделали (Сийакух) своим пристанищем и пастбищем. На нем (на острове) источники и пастбища.

Это то, что по правой стороне моря от Абаскуна. А от Абаскуна влево до [земель] хазар сплошь обитаемая местность, только в пространстве между Баб ал-Абвабом и хазарами ничего нет. Если ты начнешь [идти] от Абаскуна, пройдешь пределы Джурджана, Табаристана и ад-Дейлема и ал-Джила, то достигнешь пределов Аррана. Когда тебе удастся пройти Муган в двух днях пути от Баб ал-Абваба, а это город Ширваншахов, ты достигнешь Самандара за четыре дня, а от Самандара до Итиля [50] семь дней пути по пустыне.

В этом море на стороне Сийакуха, есть стесненное [проливом место], опасное для входящих в него из-за ветра кораблей, они могут здесь разбиться, а если разобьются, то все имущество кораблей не уйдет из рук тюрок, которые захватывают его.

(226) Расстояния между странами моря ал-Хазар и их округами

От Абаскуна до страны ал-Хазар по правой стороне моря около 300 фарсахов, и по левой стороне оттуда до [страны] ал-Хазар — около 300 фарсахов.

От Абаскуна до Дихистана — шесть переходов. При попутном ветре это мо-

ре пересекается в ширину из Табаристана и Баб ал-Абваб за неделю. Но от Абаскуна до страны ал-Хазар [расстояние] увеличивается, так как это направление наискосок.

Из Итиля в Самандар восемь дней [пути], из Самандара в Баб ал-Абваб четыре дня. Между государством ас-Сарир и Баб ал-Абвабом — три дня [пути].

(304) В [Хорезмийское озеро] впадают реки Джейхун, Шаш и другие. Между тем вода его не становится пресной и не увеличивается по количеству, а остается на одном и том же уровне. Аллах лучше знает, существует ли между ним и Хазарским морем подземный проход, по которому соединяется вода обоих. Между этими морями около 20 дней пути по прямому направлению.

* * *

Абу-л-Касим ибн Хаукал (II пол. X в.)
«Китаб сурат ал-ард» («Книга описания земли»)

(331) Пояснения

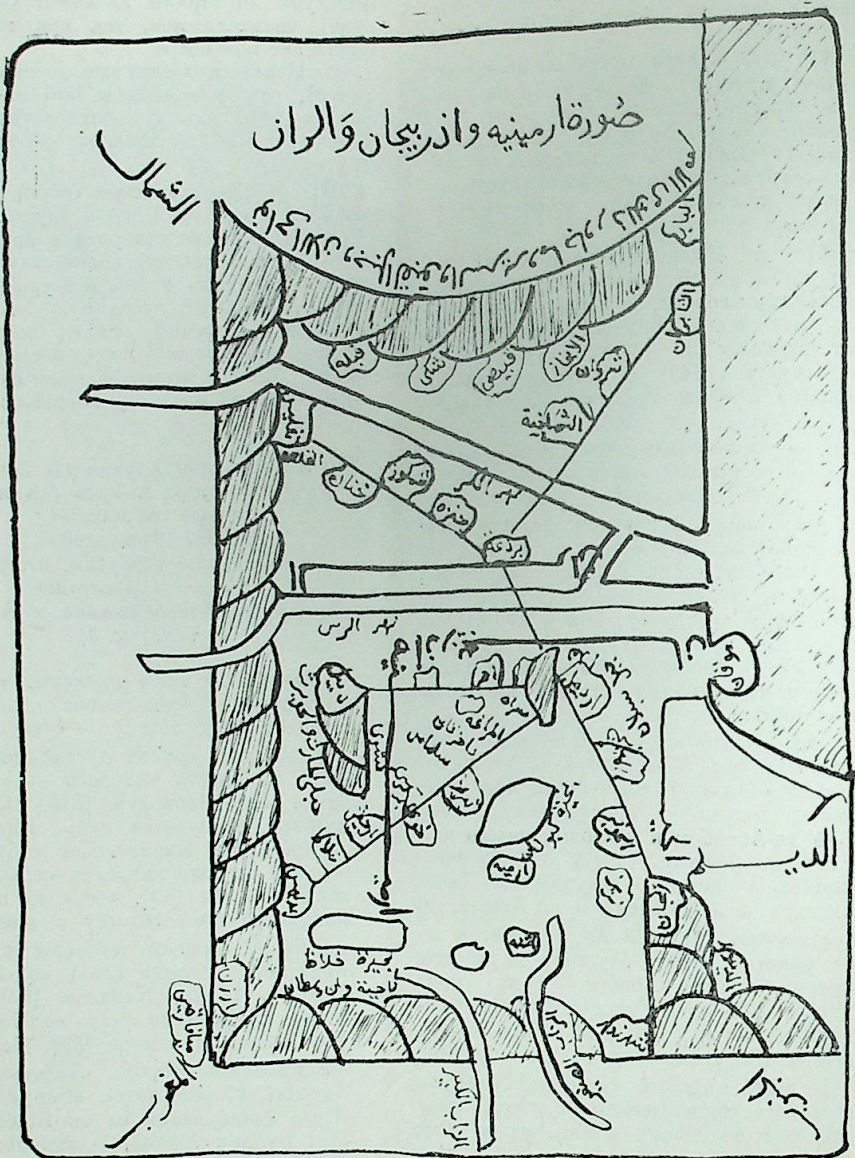
к названиям и текстам, которые имеются на картине

Арминийи, Азербайджана и Аррана.
(см. рис. 3)

Наверху картины написано «картина Арминийи, Азербайджана и Аррана, слева от этого в углу — север.

В верхней правой части изображено море, на берегу которого — «ал-Баб», затем «аш-Шабиран» [51]. От этого ал-Баба начинается цепь гор, тянувшихся влево. Параллельно к [горам] в верхней стороне написано «ал-Лан» [52], горы ал-Кабк [53], ас-Сарир и то, что находится по соседству с этими народами. С нижней стороны к [горам] примыкают города (333) «ал-Лайджан, Кабиса, Шаки, Кабала» [54]. Ниже этого изображена река «ал-Курр», которая впадает в море [55]. На этой реке находится город «Тифлис», прилегающий к горе, затем «Бардадж» [56]. Путь начинающийся от аш-Шабирана ведет на два города — «Ширван и аш-Шамахиййу», оттуда к «Бардаджу», дальше к «Барза'а». Другой путь, начинающийся от Барза'а идет на Тифлис; на [этом пути] — «Джанза, Шамкур, Хунан, ал-Кал'а» [57]. В этом пространстве написано — «Арран».

Нижний предел провинции Арран — река «ар-Рас», на нем — город «Варсан». Справа Варсана около реки расположен «Барзанд» [58]. Путь, начинающийся от Барза'а ведет к Барзанду, после него он [выходит] на «Ардабил,

"Карта Арминии, Азербайджана и Аррана
из "Китаб сурат ал-арз" Ибн Хаукаля

Рис. 3.

ал-Майанидж, ал-Хунадж» и [достига-
ет] «Занджана» [59]. В пространстве,
под рекой ар-Рас написано «Азербай-
джан», а в той части [где] суша входит
в море в конце надписи [Азербай-
джан] — «Мукан» [60]. Под этим по-
наклонной линии в пространстве между
морем и ал-Джабал написано «ал-
Джил», под ним — «ад-Дейлем». Сни-
зу этой надписи к ал-Джабалу при-
мыкает «ад-Динавар» [61]. Слева от
Ардабила находится гора. Около нее
написано «это гора Сабалан» [62]. От
Ардабила путь ведет влево на «Мимаз,
Ахар, и Варзаган» [63] до «Дабилы».
Дабил примыкает к горе. Около нее
написано «две горы ал-Харис и ал-Ху-
вайрис». С правой [стороны] к этой
горе прилегает город «Нишава». Напра-
во от этой горы в пространстве напи-
сано «Арминийа».

От Ардабила путь ведет к городу
«Бидлису», примыкающему к нижней
части гор (ал-Джибал). На этом пути
города — «Сарах, ал-Марага, Дахар-
ракан, Табриз, Саламас, Хувай, Бар-
кари, Арджиш, Хилат». Между ал-Ма-
рагой и «Варзаканом» находится го-
род «Маранд». Около «ал-Мараш» иным
почерком переписчика написано «[мес-
то] наблюдения (обсерватория) Хула-
ку, впервые создано в 657 году»; снизу
от этого изображено озеро «Кабузан»
[64]. В его нижней стороне — «Ур-
мийа», затем под ней — «Ушнух», а
слева от него изображение города, на
котором нет названия [65]. Правее от
озера между ним из «ал-Майаниджем» —
город «Джабраван» [66]. Ниже «ал-
Хунаджа» находится город Табриз.
Справа от Бидлиса [67] между ним и
горной цепью изображено «озеро Хилат»
[68]. Под ним написано «Нахийи Ван и
Вастан» [69]. Левее от этого в горах
находится город «Арзан», левее от не-
го за пределами горы — «Майяфари-
кин» [70]. Под ним внизу в углу на-
писано «ал-Магриб». Внизу (334) кар-
тины гору пересекают две реки — «аз-
Заб Большой и аз-Заб Малый». Правее
аз-Заб Малого два города — «Сухра-
вард и Шахразур» [71]. В правом углу
картины написано «юг».

(с. 387) [Море ал-Хазар]

Море ал-Хазар — восточнее его рас-
положена часть ад-Дайлама, Табарис-
тана, Джурджана и часть пустыни, ко-
торая между Джурджаном и Хорезмом.
Западнее его — ар-Ран, пределы ас-Са-
зира, страна ал-Хазар и часть пустыни
гуззов. Севернее его — пустыня гуззов
в области Сийах-кух, а южнее ал-Джил,
ад-Дейлем и прилегающие к ним [зем-
ли].

А это картина моря ал-Хазар.

(см. рис. 4)

Пояснения к [тем] названиям
и текстам, которые имеются на картине
моря ал-Хазар

Море изображается посредине карти-
ны в виде круга. Выше него изображе-
на гора, не имеющая название [72].
Она — между словами надписи «море
ал-Хазар». Параллельно верхнему по-
бережью написано «ал-Гуззийя», затем
далее, параллельно побережью сле-
дует [надпись] «ал-Хазар», затем —
«Азербайджан», затем — «ал-Джил»,
затем — «Табаристан».

С левой стороны [картины] в море
впадает река, на верхнем берегу кото-
рой изображен город Итил, а на ниж-
нем берегу — «Хазаран» [73]. На по-
бережье, ниже этого, написано «округи
ас-Сарир», затем на берегу рас-
полагается город «ал-Баб», а левее и
ниже — «Барда». Затем правее нее
[Барды] в море вливаются две реки,
которые называются «ал-Куырр» и «ар-
Рас» [74]. На реке ар-Рас — город
Варсан. Затем правее устья этой реки,
на берегу моря, [расположен] Мукан,
правее которого, на некотором расстоя-
нии от берега моря находится город
Самиран [75]. Затем следует прибреж-
ные города Шалус, Айн ал-Хумм [76] и
Абаскун. Правее него, на суше, нахо-
дится Джурджан. На море изображены
два острова — остров Сийах Куя и
остров Баб ал-Абваб. Ниже моря, в
самом правом углу картины [нанесена]
цепь гор, около которых написано «го-
ры ад-Дейлем».

(338) У этого моря нет связи ни с
какими имеющимися на земле другими
морями путем соединения и смешения
[вод], за исключением впадающей в
него реки ар-Рус, известной как Атил.
Она (река) посредством ответвляюще-
го от нее рукава через залив, нахо-
дящийся в стороне от территории ал-
Кустантиний, связана с морем ал-Му-
хит [77].

Если человек станет обходить это мо-
ре, то он вернется к месту, с которого
начал свой путь; ему не встретятся пре-
пятствия и ничто не приостановит, за
исключением текущих и впадающих в
него рек.

Это соленое море. В нем нет прили-
вов и отливов. Дно его, в противопо-
ложность морю ла-Кулзум и другим
морям, темное, потому, что оно [покры-
то] испорченной застоявшейся грязью.
А море Фарс в большинстве своих мест
отличается чистотой дна, из-за находя-
щихся под его [водой] белых камней.
Из этого моря не добывают ничего,

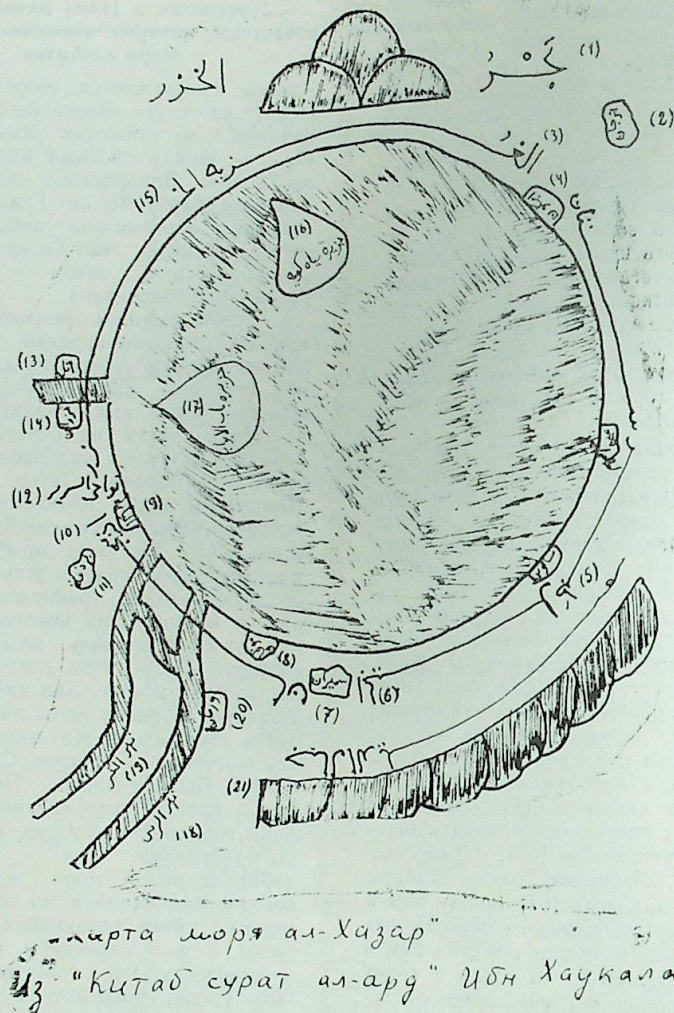

Рис. 4.

1 — море ал-Хазар, 2 — Джурджан, 3 — ал-Гуззийя, 4 — Абаскун, 5 — Табаристан, 6 — ал-Джил, 7 — Самирян, 8 — Мукан, 9 — ал-Баб, 10 — Азербайджан, 11 — Барза'а, 12 — округи ас-Сарир, 13 — Итил, 14 — Хазаран, 15 — ал-Хазар, 16 — остров Сийах Куйа, 17 — остров ал-Абваб, 18 — Нахр ар-Рас, 19 — Нахр ал-Кур, 20 — Варсан, 21 — горы ад-Дейлем

кроме рыб. По нему плавают купцы из мусульманских земель в страну ал-Хазар. Это [море] расположено между ар-Раном, ал-Джилем, Табаристаном и Джурджаном. На нем нет обитаемого острова, с населением, подобно тому, как на других островах есть жители, вода и города. На ней есть острова, на которых имеются вода и деревья. При исламе на них никто не поселялся.

Среди них — остров — Сийахкуйа. Он большой, на нем есть источники, деревья, заросли и дикие животные.

Есть остров, расположенный напротив [устья] ал-Курра и [остров] вблизи от ал-Баба. Он тоже большой и на нем есть заросли, деревья и вода. На нем добывают марену. Из окрестностей Барды на него для поисков марены свозят людей, которые много дней тру-

дятся и [собранный марену] вывозят в Варсан и Барду и получают от нее доход [78].

На остров ал-Баб свозят скот из окрестностей Барды, Варсана и со многих местностей. Скот пасется здесь, тучнеет на множестве его пастбищ и выгонов [79].

От Абаскуна до пределов ал-Хазар, по правому побережью моря нет ни села, ни города, за исключением места, отстоящего на пятьдесят фарсах от Абаскуна и называемого Дихиستانом. Оно похоже на деревню, в которой мало жителей.

Море у их [берегов] глубокое, [однако] у побережья этого округа мелководное. [Деревня Дихистан] вроде скрытой гавани в море. Там становятся на якорь корабли во время разбушевавшегося ветра и моря. В это место стекается много народа из [различных] округов и остаются здесь ради рыбной ловли. Я не знаю другого такого места (389), в котором жил хоть кто-либо за исключением Сийахкуйи. На нем обитает племя из тюрок огузов, которые поселились здесь недавно, из-за раздора, происшедшего между ними и [другими] огузами. Они отделились от них и избрали [остров] своим жилищем и убежищем. На острове имеются обширные пастбища с источниками.

Это место расположено на правом от Абаскуна побережье этого моря. А от Абаскуна налево до [территории] хазар сплошь обитаемая местность; только между Баб ал-Абвабом и хазарами ничего нет. Если ты начнешь [свой путь] от Абаскуна [и направишься] к пределам Джурджана, Табаристана, ад-Дейлема, ал-Джила, то войдешь в пределы ар-Рана и если тебе удастся миновать Мукан, по направлению к округу Баб ал-Абваб, через страну Ширваншаха и его земель за два дня, то до Самандара, в течение четырех дней [пути] также будет обитаемая местность. А от Самандара до Итиля в течение семи дней [пути] тянутся пустыни.

В этом море в стороне Сийахкуйи есть стесненное [проливное место], опасное для кораблей. Если там дует ветер, то они разбиваются [о скалы], а когда корабли там разбиваются, то невозможно собрать что-либо из их имущества из-за нападения тюрок; они завладевают всем, что было на [корабле].

Что касается ал-Хазара, то это имя области; столица ее называется Атил. Атил также название реки, которая течет к ним из [стран] ар-Рус и Булгар [80] и впадает в море ал-Хазар. Гово-

рят, что река эта вытекает из мрака. Никто не знает, где ее начало и никто не добирался до ее истоков.

Город состоит из двух частей — одна из них расположена на западном берегу реки, называемой Итил. Это — большая [его часть], а другая находится на восточном [берегу]. Владыка живет на западной [стороне], которая называется Хазараном. Восточная — называется Атилем. (390) Владыка на их языке именуется бак (бек)...

(393) Река Атил с восточной стороны имеет ответвление, вытекающее из округа хирхизов [81]. Оно течет между [землями] кимаков и огузов и является границей между ними. Затем [река] направляется в сторону запада и скрывается за [страной] булгар, далее возвращается обратно по направлению востока и [так продолжает течь] пока не проходит по [территории] русов, затем булгаров, затем буртасов и, наконец, впадает в море ал-Хазар. Говорят, что от этой реки ответвляется 70 с лишним протоков. По главному руслу река течет до Хазарана, где и вливается в море. Говорят, что если бы [все] эти воды сошлись в верховьях [реки] в единую реку, то она превзошла бы полноводием и своими просторами самую большую реку на поверхности земли. Воды реки текут вглубь моря на расстоянии двух дней пути и сливаются с водой моря, которая замерзает зимой, из-за преобладания пресной речной воды. Вода моря в этой части отличается своим цветом от воды в других его местах.

(398) О расстояниях между [странами моря] ал-Хазар и их округами.

Из Абаскуна до страны ал-Хазар вдоль правого берега моря около трехсот фарсах. Из Абаскуна же вдоль левого берега для отправляющегося в [страну] ал-Хазар, также, около трехсот фарсах.

Из Абаскуна до Дихистана, держась левой стороны — около шести переходов. Море это можно пересечь, если ветер попутный, от Табаристана до Баб ал-Абваба за неделю. Однако от Абаскуна до страны ал-Хазар расстояние возрастает, потому, что он дальше. Из Итиля в Самандар — восемь дней [пути], из Самандара в Баб ал-Абваб — четыре дня [пути]. Между страной ас-Сарир и Баб ал-Абвабом — три дня [пути]. Из Итиля — к начальным пределам буртасов — двадцать дней, от начальных пределов буртасов к конечным пределам — около пятнадцати дней; от буртасов к —

печенегам внутренним (баджанак ад-дахил) дней десять пути. Из Итиля к печенегам внутренним месяц пути. Из Итиля к булгарам через пустыню — около месяца, а по воде два месяца вверх [по реке] и около двадцати дней — вниз по [течению].

От булгар к начальным пределам ар-Рума — около десяти дней; от булгар в Куйабу [82] — около двадцати переходов. От печенегов внутренних к области башкирдов — десять дней, а от башкирдов к булгарам — двадцать пять переходов.

Мутаххар ибн Тахир ал-Макдис
(II пол. X в.) «Китаб бад'ад-халк
ва-т-тарих» /«Книга начала творения
и истории», IV том, 13 глава/.

Примечания

¹ Как видно из текста «под началом моря» подразумевается его южная часть. За отправную точку принимается линия западного побережья с юга в северном направлении. Гора Иун — в конце сообщения ал-Хорезми это название употребляется как Нун. Судя по графическому описанию в данном случае — ошибка переписчика. Правильнее, очевидно, — Тавр (без диакритики Иун—Нун—Тавр — идентичны) — название гор, упомянутых на картах Эратосфена и Страбона и соответствующих Табаристанским горам арабских авторов на юге Каспия.

² Под Румийским морем здесь имеется в виду Средиземное море.

³ Владелец ар-Рума — Византии, исходя из текста, взимал десятину с купцов-русов именно на берегу этого моря — скорее всего в Константинополе.

⁴ Танис (или Тананс) — река славян — соответствует р. Дон.

⁵ Хамлидж — название новой восточной части поздней хазарской столицы Итил, перенесенной на берег Волги в первой половине VIII в.

⁶ Р. Аррас — соответствует р. Аракс.

⁷ Р. Аррана — вполне вероятно, что под этим названием подразумеваются р. Баргюшад и Акари, впадающие в Аракс на территории исторического Аррана.

⁸ Варсан — средневековой окраинный город Азербайджана со стороны Аррана, находившийся на правом берегу Аракса.

⁹ Выражение из Корана, XVIII, 59.

¹⁰ Р. ал-Куру — соответствует закавказской р. Кура.

Упоминание морей, долин
и рек

(54) Ученые говорят, что известно пять великих морей...

(55) Море Джурджана, называют его также морем Абаскуна и морем Баба ал-Аббаба. Это самое маленькое море. Длина его с востока на запад 300 миль. В этом море, два, уже превратившиеся в развалины обитаемых острова...

(57) Что касается рек, впадающих в море Джурджана, это ал-Куру, река Тифлиса, Барды.

Сефидруд течет по стране Азербайджан и входит в страну ад-Дейлем, затем впадает в море Джурджана. Также Шахруд начинается около Талакан ар-Рейна и впадает в море Джурджана. Обе они маленькие реки [83].

¹¹ Ал-Байлакан — средневековый город Аррана, разрушенный монголами; отождествляется с городищем Оренкала в АзССР.

¹² В данном случае автор под греческим влиянием повторяет анахроническое сообщение о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море.

¹³ Здесь, очевидно, вместо «халидж Хазар» — должно быть «Хамлидж хазар», тогда можно объяснить путь от моря Джурджана, т. е. от юго-восточной части моря до этой местности, проходивший не только по морю, но и по суше.

¹⁴ Здесь под морем ар-Рум, подразумевается Черное, Средиземное и Каспийское моря вместе взятые, образующие единое море. Сообщение — появившееся под греческим влиянием.

¹⁵ Под морем Хорасана подразумевается южная и юго-восточная части Каспийского моря.

¹⁶ См.: примеч. 12.

¹⁷ Море Майотис — Меотиды соответствует Азовскому морю.

¹⁸ Море Нитас — ошибочное название Бунтуса — Понта, (ср. их идентичное арабское написание без диакритики) соответствующего Черному морю.

¹⁹ Имеется в виду Волга, называемая в арабских источниках Атилем (или Итилем).

²⁰ Бургазы — волжские булгары.

²¹ Здесь мы имеем дело с ошибочным представлением арабских географов, согласно которому, судя по содержанию, Ока соединялась через Дон с Азовским морем.

²² Под заливом моря Нитас — имеется в виду, видимо, Азовское море.

²³ Под р. Хазар подразумевается Волга.

²⁴ Залив моря Бунтус — Азовское море.

²⁵ Амул — основной город Табаристана, расположенный на южном побережье Каспия.

²⁶ Нефтеносная страна — Апшеронский полуостров.

²⁷ Очевидно, этот остров располагался где-то в Бакинском архипелаге островов.

²⁸ Подразумевается Этна, на о. Сицилия.

²⁹ Барда (в арабских источниках Барза'а) — главный город Аррана, городище которого находится поблизости от современного города Азербайджана с идентичным названием.

³⁰ Бардидж — город, находящийся, согласно Иакуту (I, 556) в 14 фарсах (≈ 80 км) от Барды, вероятно на правом берегу Куры.

³¹ Ас-Санара, по мнению В. Минорского (История Ширвана 214), соответствует Джаваду — месту соединения Куры с Араксом.

³² Реки Сефид-рук и Шах-руд — реки Дейлема в Иране.

³³ Аш-Шихр и Хадрамаут — области на юге Аравийского п-ова.

³⁴ Об этом см. во «Введении» в предыдущем номере журнала.

³⁵ Сугдабил находился на р. Кура, недалеко от Тифлиса (Иакут, III, 396).

³⁶ Сисар — городок на пути из Мараги в Динавар в 20 фарсах севернее последнего.

³⁷ Баланджар — город хазар севернее Дербента; по последним археологическим данным локализуется на месте Верхнеиришского городища (М. Г. Магомедов. Образование Хазарского каганата, М., 1983, с. 46—51).

³⁸ Река Буртас — Ока?

³⁹ Река Баум — Урал?

⁴⁰ Судя по описанию р. Кызыл-руд можно идентифицировать с Самуром.

⁴¹ Река Калиф — Джейхун — Аму-Дарья.

⁴² Под названием озера ал-Джурджанийа подразумевается Аральское море.

⁴³ Это сообщение ал-Мас'уди ошибочное, анахронистического характера.

⁴⁴ Ас-Сарир — страна, находившаяся в горах северного Дагестана, занимавшая часть территории современных авар.

⁴⁵ Сийакух (или Сийах-куйа) — букв. «Черная гора»; остров на восточном побережье моря (ср. также сообщение ал-Гарнати, 233 — о нем). Исследователи предполагают его тождественность

с Мангышлаком (Бартольд, III, 479—480); Минорский, Худуд, 193).

⁴⁶ Ал-Джил или Джилан — арабское название иранской провинции Гилян, расположенной на юго-западном побережье Каспийского моря.

⁴⁷ Море ал-Кулзум — Красное море; море Фарс — Персидский залив. Следует отметить, что у ал-Истахри перед словом «море Фарс» употреблено слово «ва са'ир» («остальной»), которое, судя по смыслу не вписывается в данный текст. Ср. аналогичный текст Ибн Хаукаля.

⁴⁸ Море ар-Рум — одно из названий Средиземного моря.

⁴⁹ Абаскун и Дихистан — населенные пункты провинции Джурджан (Горган) на восточном побережье Каспия.

⁵⁰ Самандар — первая столица Хазарии севернее Дербента; в дальнейшем столица под давлением арабов была перенесена к устью Волги в Итил (Атил).

⁵¹ Аш-Шабиран, Шабран) — один из пограничных городов Аррана на берегу Каспийского моря у впадения одноименной реки. Развалины городища Шабран расположены в северо-восточном Азербайджане на территории села Шахназарли Дивичинского района.

⁵² Ал-Лан — земли аланов в центральной части Северного Кавказа.

⁵³ Ал-Кабк — название Кавказских гор в источниках.

⁵⁴ Ал-Лайджан (в некоторых источниках ал-Абхаз) — средневековый город Аррана, расположенный на пути Барда—Дербент. Предположительно локализуется в зоне Куба-Ханмаса; под Кабисой предполагается, вероятно, Камбисена. Шаки и Кабала средневековые области и города Аррана — Албании. Надо отметить, что на карте Ибн Хаукаля места этих городов, также как и Кабисы — Камбисены ошибочно переставлены.

⁵⁵ Ибн Хаукал изображая на своей карте реки Кура и Аракс, показывает две отдельные реки, впадавшие в Каспий, но соединявшиеся между собой протоком. Об отдельном устье Аракса сообщали и античные авторы (см.: Страбон, 19). Но в главе о Каспийском море Ибн Хаукал, упоминая о реках, впадающих в него говорит о слиянии Куры с Араксом — рекой Варсана.

⁵⁶ Бардадж (с долгим «алифом» после «д») — идентичен с названием Бардидж; см.: примеч. 30.

⁵⁷ Здесь Джанза — соответствует Гяндже — Кировабаду, а Шамкур — Шамхору в АзССР, Хунан находился в

середине пути от Шамхора в Тифлис, на месте крепости Кыз-каласы, недалеко от впадения р. Храмы в Куру. Ал-Кал'а соответствовал Кал'е ибн Кандману, расположенному в 10—12 фарсах от Тифлиса.

⁵⁸ Барзанд — находился в 14 (15) фарсах севернее Ардабиля, а бассейне р. Болгарчай — на перепутье четырех дорог: в Базз, Ардабил, Муган и Варсан.

⁵⁹ Ардабил, ал-Майанидж (Мийане), ал-Хунадж (Хуне) — средневековые города Южного Азербайджана. Занджан (Занкан) в средние века считался пограничным городом, который арабскими авторами относился то к Азербайджану, то к Джибалу.

⁶⁰ Муган — название города и исторической области на берегу Каспия, изображенная на карте Ибн Хаукаля ниже устья реки Кура. По данным Абу-л-Фиды (Таквим-ал-булдан, 36) после «устья р. ал-Куру море тянется на восток отклоняясь к югу на 16 фарсах и проходит мимо Мугана, который из округов Ардабиля». Поэтому, а также по другим данным из арабских источников (Мукаддаси, 377), его вероятнее локализовать между рр. Ленкорань и Тангеруд, но лишь после археологических изысканий на данной территории.

⁶¹ Динавар (ошибочно Дайнавар) — город в провинции ал-Джибал; его развалины находятся на берегу р. Абу Динавар, впадающей в р. Джамаси-Аб.

⁶² Г. Сабаган — т. е. Савалан.

⁶³ Мимаз, Ахар (Ахру), Варзакан — средневековые города, расположенные между Ардабилем и Табризом. Мимаз, исходя из названия одноименной реки, отождествляемой с Карасу, находился на этой реке, а Ахар западнее нее. Название Варзакана, судя по описанию, соответствует Варави Иакута (IV, 918—919), расположенному в I переходе (≈ 45 км) от Ахара, и также как и последний относимому к владениям Ибн Пишкина.

⁶⁴ Кабузан — одно из названий оз. Урмийа.

⁶⁵ Урмийа и Ушнух — города расположенные западнее и юго-западнее озера Урмийа. Под городом без названия, очевидно, подразумевался Нериз (Нариз), находившийся южнее Ушнуха, на месте совр. Сулдуза.

⁶⁶ Джабраван — средневековый город в Южном Азербайджане южнее озера Урмийа.

⁶⁷ Бидлис (Битлис) — средневековый город, относимый к ал-Джазире.

⁶⁸ Оз. Хилат — одно из названий озера Ван.

⁶⁹ Ван — называется Иакутом (IV, 895) крепостью между Хилатом и Тифлисом (? вероятнее, должно быть — Битлисом; ср. их почти идентичное написание без диакритики). А Вастан — вероятно Вазпуракан.

⁷⁰ Арзан и Маййафарикин — города ал-Джазиры, первый из которых был разрушен уже во времена Иакута (I, 205); второй теперь идентичен с совр. Силваном в Турции.

⁷¹ Сухравард — город поблизости Занджана, относимый в средние века, как и Шахразур, к провинции ал-Джибил.

⁷² Следуя ал-Хорезми и Сухрабу эту безымянную гору можно идентифицировать с Пуном—Туном—Тавром.

⁷³ Две части столицы хазар, разведенные рекой, назывались Итилем и Хазараном (ср. сообщение Ибн Хаукаля).

⁷⁴ И в данном случае Ибн Хаукал подтверждает свой взгляд, согласно которому Аракс и Кура впадали в Каспийское море отдельными устьями.

⁷⁵ Самиран — исходя из графической схожести, вероятно, данное название следует идентифицировать с Ларизом—Лакхиджаном других географов, расположенным, и в настоящее время, на южном берегу Каспия.

⁷⁶ Шалус — в настоящее время Чалус; Айн ал-Хуммом ал-Мас'уди называет небольшой табаристанский город на побережье Каспия. По предположению В. Минорского (История Ширвана, 201, примеч. 61) данное название является ошибкой от Ахлама, расположенного «на берегу Каспия в 20 км на северо-запад от Амоля, на западном притоке реки Хараз-ней (Хар-хаз-ней)».

⁷⁷ Об этом см. во «Введении» (в предыдущем номере журнала).

⁷⁸ Данное сообщение о Маренном острове относится к острову у устья Куры.

⁷⁹ Здесь очевидная ошибка автора. Скот из Барды и Варсана могли свозить, естественно, только на близлежащий остров у устья Куры, а не так далеко на о. ал-Баб (ср. со сведением ал-Истахри).

⁸⁰ Булгар (бургаз, бургар, болгар) — здесь имеются в виду страна волжских булгар.

⁸¹ Хирхиз — т. е. киргизы: в то время они занимали верховья Енисея.

⁸² Куйаба — название Киева в арабских источниках.

⁸³ Здесь ал-Макдиси говорит об отдельных устьях для р. Сефидруда и его притока Шахруда.

МУНДЭРИЧАТ

А. Г. Рзајев. М. Казымбәј вә Гәрб шәрғшүнаслығы (икинчи мәгалә)	3
Играр Әлијев. Гарабағын кечмиши һағында	9
М. С. Искәндәрова. XIX әср Азәрбајҹан тарихчи-салнамәчиләринин әсәрләриндә XVIII әсрин сону—XIX әсрләрдә Азәрбајҹан—рус мүнәсибәтләри	29
Т. Т. Мустафајев. Гарабағ (Кәнчә) бәјләрбәјлији XVIII әсрин I Һәрнәсиндә	
Х. Д. Хәлилов. Гарабағын етник тарихиндән	37
Р. М. Шүкурова. Гарабағ ханы Ибраһим Хәлил ханын Хачындакы мүлкләри барәсиндә јени сәнәд (гәбәлә)	41
Һанзасар мәбәд комплекси һағында тарихи арајыш	45
	49

Тарихи абидәләрин нәшри

А. С. Гривоједов. Ермәниләрин Ирандан бизим вилајәтләрә көчүрүлмәси һағында мәлүмат	
Н. И. Шавров. Загафгазијада русларын сјајәтинә Һаршы јени тәһлүкә	52
Муганын јаделлиләрә сатылачағына даир	
В. Л. Величко. Гафгаз, Рус сјајәти вә гәбиләләрарасы мәсәләләр	55
Г. М. Мәмәдов. Әлибәј Бәдрәддинин «Һанмә» әсәри	57
Рус забитинин хатирәләри	67
	80

Рәј

З. М. Бүнјадов, М. С. Неймәтова. А. А. Хачатрјанын «Ермәнистанда VIII—XVI әсрләр әрәбилли јазыларын корпусу» әсәринә даир тәһгиди рәј	105
---	-----

Әлавә

З. М. Бүнјадов, Н. М. Вәлиханова. Хәзәр дәнизи әрәб мәнбәләриндә	113
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Рзаев А. К. М. Казем-бек и западное востоковедение (статья вторая)	3
Иггар Алиев. Карабах в древности	9
М. С. Искендерова. Азербайджано-русские отношения конца XVIII—XIX вв. в трудах азербайджанских историков-хронистов XIX века	29
Т. Т. Мустафаев. Карабахское (Гянджинское) беглярбегство в первой трети XVIII века	37
Х. Д. Халилов. Из этнической истории Карабаха	41
Р. М. Шукюрова. Новый документ о Хачинских владениях Карабахского хана Ибрагим Халил хана	45
Историческая справка. Гандзасарский монастырский комплекс	49

Публикация памятников

А. С. Грибоедов. Записка о переселении армян из Персии в наши области	52
Н. И. Шавров. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам	55
Василий Львович Величко. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы (извлечения)	57
Г. М. Мамедов. «Каиме» Бедреддинзаде Али Бея (статья I)	67
Мемуары русского офицера	80

Рецензия

З. М. Бунятов, М. С. Нейматова. Рецензия на «Корпус арабских надписей Армении VIII—XVI вв.» А. А. Хачатряна	105
---	-----

Приложение

З. М. Бунятов, Н. М. Велиханова. Каспийское море в арабских источниках (статья вторая)	113
--	-----

Сдано в набор 12.07.88. Подписано к печати 14.09.88.

ФГ 17049. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. лист 10,4.

Усл. кр.-отт. 10,4. Уч. изд. лист 10,9. Тираж 1950. Заказ 544. Цена 80 коп.

Издательство «Элм».

370143 Баку-143, проспект Нариманова, 31, Академгородок, Главное здание.

Типография АН Азерб. ССР. Баку, проспект Нариманова, 31.